

В. И. Ленин (Lenin)

Владимир Ильич Ленин (Ульянов)
Полное собрание сочинений.
Том 17. Март 1908 ~ июнь 1909
Серия «Полное собрание
сочинений в 55-ти томах», книга 17

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17083598

Полное собрание сочинений: Издательство политической литературы; Москва; 1968

Аннотация

В семнадцатый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные в марте 1908 – июне 1909 года, в период разгула черносотенной реакции в России. Произведения, включенные в настоящий том, по характеру освещаемых в них вопросов непосредственно примыкают к работам, вошедшим в предыдущий, шестнадцатый том.

Содержание

Предисловие	5
1908 г.	14
На прямую дорогу {1}	14
О «природе» русской революции	17
Марксизм и ревизионизм	20
По торной дорожке!	25
Блок кадетов с октябристами?	29
К оценке русской революции {38}	30
Кадеты второго призыва	37
Аграрный вопрос в России к концу XIX века {54}	40
I	40
II	47
III	52
IV	60
V	67
VI	72
VII	77
О некоторых чертах современного распада	84
Аграрная программа социал-демократии в русской революции {78}. Автореферат	89
Конец ознакомительного фрагмента.	96
Комментарии	

В. И. Ленин
Полное собрание сочинений
Том 17
Март 1908 ~ июнь 1909

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Издание пятое

Печатается по постановлению Центрального Комитета Коммунистической партии
Советского Союза

Предисловие

В семнадцатый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные в марте 1908 – июне 1909 года, в период разгула черносотенной реакции в России. Произведения, включенные в настоящий том, по характеру освещаемых в них вопросов непосредственно примыкают к работам, вошедшим в предыдущий, шестнадцатый том.

В эти годы Ленин ведет борьбу за сохранение и укрепление партии, продолжает обобщать уроки первой русской революции, дает анализ соотношения классовых сил, разрабатывает аграрный вопрос, определяет задачи и политику партии в новых условиях. В произведениях, вошедших в том, отражается борьба Ленина с оппортунизмом и ревизионизмом внутри партии и на международной арене, обосновывается позиция большевизма по вопросам национально-освободительных движений в колониальных и зависимых странах, борьбы против милитаризма и угрозы империалистической войны.

Ленин исходил из того, что объективные задачи буржуазной революции в России остались не решенными и поэтому неизбежен новый революционный кризис. Стратегический план большевиков, проводимый ими в период революции 1905–1907 гг., сохранял все свое значение. В статьях «О «природе» русской революции», «К оценке русской революции», ««Левение» буржуазии и задачи пролетариата» Ленин, вскрывая не-состоятельность меньшевистской оценки характера и движущих сил русской революции, подчеркивает необходимость и возможность гегемонии пролетариата в предстоящей новой буржуазно-демократической революции. «Первая кампания нашей буржуазной революции (1905–1907 годы), – писал он, – неопровержимо доказала полную шаткость и контрреволюционность нашей буржуазии, доказала способность нашего пролетариата быть *вождем* победоносной революции, доказала способность демократических масс крестьянства помочь пролетариату сделать эту революцию победоносной» (стр. 412).

Ленин резко критикует оппортунистическую тактику меньшевиков, стремившихся ограничить революцию узкобуржуазными рамками, отдать руководство революцией в руки буржуазии. Ход русской революции, указывает он, подтвердил марксистское положение, что для того, чтобы обеспечить и бесповоротно закрепить победу буржуазной революции, надо довести эту революцию значительно дальше ее непосредственных, буржуазных целей. Ленин вновь подчеркивает, что ввиду контрреволюционности русской буржуазии победа буржуазно-демократической революции в России невозможна как победа буржуазии. Только установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства приведет к осуществлению задач буржуазно-демократической революции и откроет возможность ее перерастания в революцию социалистическую. Рабочий класс должен вести самостоятельную политику авангарда, руководителя революции, изолировать либералов и обеспечить прочный союз с крестьянством, высвобождая его из-под влияния буржуазии.

Большое внимание в этот период Ленин уделяет дальнейшей разработке и обоснованию аграрной программы партии. В том входит произведение «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», автореферат «Аграрная программа социал-демократии в русской революции», статьи «П. Маслов в истерике», «Как Плеханов и К защищают ревизионизм», «Аграрные прения в III Думе», в которых Ленин отстаивает и развивает дальше марксистскую теорию аграрного вопроса.

В своих работах Ленин показал буржуазно-помещичий характер столыпинской аграрной реформы, направленной на разрушение крестьянской общины и создание в деревне многочисленного слоя кулаков как надежной опоры царизма в борьбе против революционного движения. Эту политику Ленин характеризует, как сдвиг царского самодержавия в сторону аграрного бонапартизма, как заигрывание с кулаком. Опираясь на высказывания Маркса, он

дает классическое определение бонапартизма. Сущность его, пишет Ленин, это – лавирование монархии, потерявшей свою старую патриархальную опору и вынужденной теперь «эквilibрировать, чтобы не упасть, – заигрывать, чтобы управлять, – подкупать, чтобы нравиться, – брататься с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке» (стр. 273–274).

На большом статистическом материале, характеризующем общественно-экономические отношения в деревне, Ленин наглядно показывает, что остатки крепостничества, в виде помещичьих латифундий, средневековой крестьянской наделной собственности и системы отработок, являются главным тормозом в развитии производительных сил страны. Отмечая уменьшение роли наделной земли в крестьянском хозяйстве, Ленин подчеркивает, что ломка старого землевладения, и помещичьего и крестьянского, стала безусловной экономической необходимостью. Борьба между различными классами и партиями в этих условиях идет из-за форм этой ломки, из-за ее способов: будет ли она произведена по-столыпински, то есть с сохранением помещичьего землевладения и ограблением крестьянской общины кулаками, или же революционно – при полном уничтожении помещичьего землевладения, устранении всех средневековых перегородок.

Ленин всесторонне обосновывает большевистскую программу национализации земли, раскрывает ее экономическое и политическое значение. Чрезвычайно важно ленинское положение о том, что борьба за национализацию земли является непременным условием полной победы буржуазно-демократической революции в России и ее перерастания в революцию социалистическую.

Под углом зрения борьбы двух путей развития аграрных отношений в России Ленин рассматривает аграрные программы кадетов, эсеров и меньшевиков. Он подчеркивает, что кадеты по существу согласны с политикой Столыпина. Решительно выступает Ленин против оппортунистических взглядов меньшевиков (Маслова и др.) в аграрном вопросе. В ряде своих произведений Ленин наглядно показал, что Маслов и его сторонники стоят на ревизионистских позициях, отвергают теорию абсолютной ренты Маркса и защищают лживую буржуазную идею о так называемом «убывающем плодородии почвы». Он резко критиковал Плеханова, взявшего под защиту ревизионистские выступления Маслова. Ленин вскрыл несостоятельность меньшевистской программы муниципализации земли, разъяснил, что в буржуазной революции она является реакционной мерой, так как препятствует экономически необходимому и неизбежному процессу уничтожения средневековой поземельной собственности, ведет к федерализму и раздробленности областей.

Отступления меньшевиков от марксизма в вопросах программы и тактики партии неизбежно вели их к оппортунизму и в организационных вопросах, в вопросах о формах организации и путях деятельности партии в годы реакции. Меньшевики продолжали свою порочную тактику поддержки либеральной буржуазии, шли на блоки с кадетами. Позорно отрекаясь от революционной программы и революционных лозунгов партии, они добивались прекращения нелегальной революционной работы и фактически шли на ликвидацию революционной партии рабочего класса. Ценой отказа от революционных традиций меньшевики пытались получить разрешение царского правительства на существование легальной, реформистской рабочей партии.

Ленин повел непримиримую идейную и организационную борьбу против этого оппортунистического течения в РСДРП. Находясь в 1908–1909 гг. в эмиграции, сначала в Женеве, затем в Париже, Ленин сохранял самую тесную связь с партийными организациями России. Преодолевая невероятные трудности, он из-за границы руководил работой большевистской партии. В редактируемой им нелегальной газете «Пролетарий», фактически являвшейся центральным органом большевиков, широко освещались вопросы внутрипартийной борьбы. В статьях, публиковавшихся в «Пролетарии», Ленин разоблачал антипартийную,

оппортунистическую сущность ликвидаторства, резко осуждал меньшевиков за то, что они скатываются к «самому низменному парламентскому кретинизму», за их ренегатские выступления против нелегальной партийной организации.

Большое значение в борьбе с ликвидаторами имела V Общероссийская конференция РСДРП, состоявшаяся в Париже в конце декабря 1908 года. Центральное место в работе конференции занял доклад Ленина «О современном моменте и задачах партии». По этому вопросу конференция приняла с небольшими изменениями резолюцию, внесенную Лениным (см. настоящий том, стр. 325–328). В решении конференции одной из основных задач партии признавалась борьба с отступлениями от революционного марксизма и революционных лозунгов партии, с попытками ликвидировать нелегальную организацию РСДРП, обнаружившимися «среди некоторых партийных элементов, поддавшихся влиянию распада».

Одновременно с борьбой против меньшевиков-ликвидаторов Ленин выступил и против «левого» оппортунизма в партии, против так называемого отзовизма. Прикрываясь революционными фразами, заявляя, что в условиях реакции партия должна вести только нелегальную работу, отзовисты призывали партию отказаться от использования легальных форм работы и отозвать социал-демократическую фракцию из III Государственной думы.

По предложению Ленина в июне 1908 года в «Пролетарии» была начата дискуссия с отзовистами по вопросу об отношении к Думе и думской социал-демократической фракции. В газете помещались в дискуссионном порядке статьи отзовистов. Одновременно печатались статьи Ленина, в которых вскрывалась ошибочность и вредность позиции отзовистов. Так в «Пролетарии» были напечатаны статьи В. И. Ленина «По поводу двух писем», «По поводу статьи «К очередным вопросам»» и «Карикатура на большевизм». В последней работе дана развернутая критика платформы петербургских отзовистов, выставленной ими во время выборов делегатов на V Общероссийскую конференцию РСДРП. В этой статье Ленин показал, что лозунги отзовистов «долой легальные организации», «долой легальную думскую фракцию» выгодны только ликвидаторам, которые были бы очень рады избавиться от контроля партии. На деле так называемая «революционность» и «левизна» отзовистов явилась лишь выражением растерянности и бессилия перед той трудной, кропотливой и сложной работой, которая диктовалась партии объективными условиями момента. Эта растерянность перед трудностями партийной работы в годы реакции сближала отзовистов с ликвидаторами. И ликвидаторы, открыто призывавшие к полному отказу от нелегальной партийной работы, и отзовисты, отрицавшие легальные формы связи партии с массами, обрекая ее на сектантство, представляли серьезную опасность для самого существования революционной марксистской партии рабочего класса. Вот почему Ленин называл отзовистов «ликвидаторами наизнанку». Отмечая, что и ликвидаторство и отзовизм есть проявление влияния буржуазии на пролетариат, он призывал к борьбе на два фронта – против ликвидаторства справа и ликвидаторства слева.

V Общероссийская конференция РСДРП, резко осудив ликвидаторство как оппортунистическое течение, вместе с тем решительно отмежеввалась и от отзовизма. Выступления Ленина против отзовистов дают яркий пример борьбы против догматизма и сектантства, против шаблонного применения старых лозунгов, переставших соответствовать новой исторической обстановке.

Решения V Общероссийской конференции РСДРП Ленин считал поворотным пунктом в развитии рабочего движения в России после поражения революции 1905–1907 годов. После конференции он выступил в Центральном Органе партии газете «Социал-Демократ» со статьей «На дорогу», в которой подвел итоги работы конференции. На основе марксистского анализа взаимоотношений классов и политики царизма конференция, указывал Ленин, дала правильное решение задачи соотношения нелегальной и легальной работы партии, обосновала необходимость использования думской трибуны и выработала руководящие ука-

зания для деятельности думской фракции. Ленин призвал к идейному сплочению партии, к организационному укреплению ее нелегальных партийных организаций, во главе которых стояли бы руководители прежде всего из среды рабочих, указывал на необходимость развития всесторонней социал-демократической агитации в массах. С целью укрепления нелегальной партии Ленин предлагал создавать партийные ячейки, в первую очередь на промышленных предприятиях. Задача этих партийных ячеек и комитетов должна состоять в использовании всех легальных и полулегальных организаций для поддержания тесной связи с массами, для того, чтобы откликаться на все запросы масс, связывать каждый частный вопрос с общими задачами пролетариата, с борьбой за социализм, обеспечивать за партией руководящую роль во всех пролетарских легальных организациях.

Характеристика решений V Всероссийской конференции РСДРП дана Лениным также и в письме «В Правление германской социал-демократической рабочей партии», в котором он от имени Центрального Комитета партии выразил протест против искажения решений конференции в Центральном органе германской социал-демократии – газете «Vorwärts». Оппортунистические лидеры германской социал-демократии и II Интернационала постоянно поддерживали меньшевиков, широко предоставляя им страницы своих печатных изданий для клеветнических нападок на большевиков.

Критику теории и тактики оппортунистов II Интернационала Ленин дал в ряде своих работ, включенных в настоящий том. Среди них важнейшее место занимает статья «Марксизм и ревизионизм», характеризующая борьбу Ленина против оппортунизма и ревизионизма на международной арене. Работа была написана Лениным во второй половине марта 1908 года для сборника «Карл Маркс (1818–1883)», посвященного двадцатипятилетию со дня смерти Маркса. Знаменательно, что темой статьи для этого сборника Ленин взял именно вопросы борьбы с ревизионизмом, считая их в этот период наиболее важными.

Рост марксизма, распространение и укрепление его идей в рабочем классе, писал Ленин, неизбежно вызывает усиление нападок на марксизм со стороны всех враждебных ему теорий. Марксизм подвергается атакам с двух сторон: наряду с прямыми нападками официальной буржуазной науки, которая тщетно пытается опровергнуть и уничтожить марксизм, имеют место скрытые формы борьбы, применяемые ревизионистами. Опасность ревизионизма состоит в том, что он пытается подорвать марксизм изнутри под видом поправок и пересмотра учения К. Маркса. Ленин раскрывает суть ревизионистских воззрений и показывает, что теоретические «изыскания» ревизионистов представляют собой повторение обветшалых, устаревших догм буржуазной идеологии, что ревизионизм по своей сущности является разновидностью либерально-буржуазных взглядов.

Ленин подчеркивал, что ревизионизм направляет свои удары не против отдельных положений марксизма, а стремится ревизовать все его стороны: философию, политическую экономию и научный социализм. В области философии ревизионисты плетутся в хвосте буржуазной «науки», отрицая диалектический материализм и заменяя революционную диалектику «простой (и спокойной) эволюцией», а материализм – субъективным идеализмом.

Совершенно несостоятельны экономические теории ревизионистов, в частности их утверждения о том, что экономические кризисы будто бы отжили свое время. Сама жизнь полностью опровергает рассуждения ревизионистов об исчезновении кризисов. «Изменились формы, последовательность, картина отдельных кризисов, – писал Ленин, – но кризисы остались неизбежной составной частью капиталистического строя» (стр. 21). Ленин отмечает новые явления в экономике капиталистического общества, характерные для эпохи империализма, – объединение промышленности картелями и трестами и вместе с тем усиление анархии производства, снижение жизненного уровня трудящихся и усиление гнета капитала. Он подверг критике ревизионистские «теории» о притуплении классовых противоречий и классовой борьбы в условиях буржуазной демократии. На исторических фактах

он доказал, что буржуазный парламентаризм не устраняет «кризисов и политических революций».

Сущность ревизионизма – это отречение от конечной цели рабочего класса, от борьбы за победу социализма. Ревизионисты жертвуют коренными интересами пролетариата ради мнимых минутных выгод. Ревизионизм есть международное явление, имеющее глубокие классовые корни в капиталистическом обществе, и задача партии, учит Ленин, – вести постоянную, систематическую и упорную борьбу против распространения ревизионизма в рабочем движении. Предвидя обострение борьбы с ревизионизмом по мере усиления позиций научного коммунизма, Ленин предсказывает неизбежность победы марксизма над ревизионизмом. Пророчески звучат заключительные слова этой замечательной статьи: «Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX века есть лишь преддверие великих революционных битв пролетариата, идущего вперед к полной победе своего дела вопреки всем шатаниям и слабостям мещанства» (стр. 26).

Статья Ленина «Марксизм и ревизионизм» имеет актуальное значение в той борьбе, которую ведет международное коммунистическое движение против современного реформизма и ревизионизма. Ее положения о ревизионизме как проявлении буржуазного влияния на пролетариат, о классовых корнях ревизионизма, о его международном характере, о применяемых им методах борьбы против революционного марксизма помогают лучше распознать сущность современного ревизионизма и формы его раскольнических действий внутри коммунистического движения.

Статья «Марксизм и ревизионизм» была первым выступлением Ленина в печати против русских махистов и богостроителей. Отвечая на просьбы Горького не выступать публично против Богданова, Базарова и Луначарского, Ленин писал: «Вы должны понять и поймете, конечно, что раз человек партии пришел к убеждению в сугубой неправильности и *вреде* известной проповеди, то он обязан выступить против нее. Я бы не поднял шума, если бы не убедился безусловно (и в этом убеждаюсь с каждым днем больше по мере ознакомления с первоисточниками мудрости Базарова, Богданова и К^о), что книга их – нелепая, вредная, филистерская, поповская *вся*, от начала до конца, от ветвей до корня, до Маха и Авенариуса» (Сочинения, 4 изд., том 34, стр. 338). Сообщая Горькому об отправке в печать своей статьи, Ленин называет ее «формальным объявлением войны» ревизионистам.

В примечании к статье «Марксизм и ревизионизм» Ленин заявил, что в ближайшее время даст в ряде статей или в особой брошюре развернутую критику философских взглядов Богданова, Базарова и других ревизионистов. Это намерение было выполнено Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм», которая служит ярким образцом непримиримой борьбы против врагов марксистской философии, образцом большевистской партийности и является выдающимся вкладом в марксистскую философию.

В годы реакции Ленин уделял большое внимание вопросу об отношении партии к религии, считая его чрезвычайно важным и злободневным. Реакционные круги усиленно старались оживить религию, рассчитывая религиозной проповедью отвлечь народные массы от революционной борьбы, использовать религиозную идеологию для укрепления царизма и буржуазно-помещичьего строя.

В статьях «Об отношении рабочей партии к религии», «Классы и партии в их отношении к религии и церкви» Ленин формулирует основные принципы пролетарского атеизма. Он показывает, что положение Маркса «религия есть опиум народа» является краеугольным камнем всего марксистского мировоззрения в вопросе о религии. Раскрывая социальные корни религии Ленин указывает, что борьбу с религией нельзя сводить к абстрактно-идеологической проповеди, что ее надо связать с конкретной практикой классовой борьбы, которая ведет к устранению социальных корней религии.

Учитывая уроки борьбы против религии в социалистическом движении, Ленин выступает против двух типов отступлений от принципов пролетарского атеизма. Он критикует «левых» фразеров, которые стремятся подменить систематическую атеистическую пропаганду и защиту диалектического материализма административными мероприятиями, направленными против церкви и верующих. Ленин доказывает, что такое провозглашение войны религии и запрещение ее при помощи законов может только усилить религию и помешать классовой борьбе пролетариата. Вместе с тем Ленин решительно обрушивается на оппортунистические искажения принципов пролетарского атеизма, когда марксистское положение о том, что религия должна быть частным делом по отношению к государству, подменяют ревизионистской фразой, будто религия является частным делом для каждого члена партии, для партии в целом. Подобная позиция ведет к примирению с религией и церковью, что в корне противоречит марксистскому мировоззрению.

В статье «Об отношении рабочей партии к религии» Ленин подвергает резкой критике богостроительство. Подчеркивая, что Энгельс ставил в упрек Фейербаху то, что он боролся с религией не ради ее уничтожения, а ради ее подновления, создания новой религии, Ленин критикует богостроительство Луначарского, указывая, что его утверждение «социализм есть религия» является формой перехода от социализма к религии. В названных работах В. И. Ленина развиты теоретические основы марксистского атеизма и политики партии по отношению к религии и церкви.

Особое место занимает статья «Лев Толстой, как зеркало русской революции». Эта работа написана в связи с 80-летием со дня рождения Л. Н. Толстого и имеет огромное значение. Статья Ленина направлена прежде всего против официальной прессы, ранее травившей писателя, а в дни юбилея расточавшей ему похвалы, «чтобы соблюсти приличия перед Европой», и против либерально-буржуазных литературоведов и политиков, ханжески прославлявших Толстого как «великого богоискателя». Разоблачая лицемерие этих похвал, Ленин показывает, что является действительно гениальным, действительно великим в творчестве Толстого. Ленин характеризует его как гениального художника, создавшего не только несравненные картины русской жизни, но и выдающиеся произведения мировой литературы. Творчество Толстого рассматривается в непосредственной связи с задачами русской революции. Ленин отмечает искренний протест писателя против лжи и фальши современного ему общества, беспощадную критику капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, подчеркивает чрезвычайно трезвый реализм Толстого, срывающий все и всяческие маски. «Толстой велик, – писал Ленин, – как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как *крестьянской буржуазной революции*» (стр. 210).

В то же время Ленин обнажает противоречия во взглядах, учении и творчестве Толстого и доказывает, что эти противоречия являются отражением условий русской жизни последней трети XIX века. Высоко оценивая великий талант писателя, Ленин отмечает и теневые стороны в его мировоззрении, – стремление «поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению», подмену активной борьбы против общественного зла бессильным призывом к нравственному самосовершенствованию и проповедью «непротивления злу насилием». Ленин высмеивает русских и заграничных толстовцев, которые стремились превратить в догму самые слабые, самые отсталые стороны взглядов Толстого.

Статья Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции» является образцом глубокого социального анализа сущности литературы и партийного подхода к ней.

Исключительно важное значение имеют работы Ленина по вопросам международной политики и национально-освободительного движения народов колониальных и зависимых стран. В статьях «Горячий материал в мировой политике», «Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии», «Мирная демонстрация английских и немецких рабочих», «События на Балканах и в Персии», «Заседание Международного социалистического бюро» Ленин освещает важнейшие события международной жизни и определяет тактику социал-демократии в борьбе против колониальной политики и национального гнета, против милитаризма и угрозы войны.

Большое внимание уделяет В. И. Ленин разоблачению грабительской, империалистической политики европейских колонизаторов в Азии. На примере подавления колонизаторами национально-освободительной борьбы в Персии, Индии и других странах Ленин показывает, «какими *зверями* становятся самые «цивилизованные», прошедшие самую высшую школу конституционализма, европейские политические «деятели», когда дело доходит до пробуждения борьбы масс против капитала, против капиталистической колониальной системы, т. е. системы порабощения, грабежа и насилия» (стр. 174, 177), Ленин подчеркивает, что никакие лицемерные речи и дипломатические фокусы не могут прикрыть контрреволюционную коалицию так называемых цивилизованных стран против рвущихся к свободе угнетенных народов Азии. Необходимо, писал он, срывать маску с буржуазных лицемеров, раскрывать перед глазами самых широких народных масс реакционность буржуазных правительств, которые из боязни пролетарской борьбы у себя дома играют роль жандарма по отношению к революции в Азии. В своих статьях Ленин разоблачает заговор колониальных держав, направленный на подавление революций на Востоке, продолжение колониального грабежа и территориальных завоеваний.

С радостью отмечает Ленин успехи национально-освободительного движения в Персии, Турции, Индии, Китае. Борьбу колониальных и зависимых стран за свое освобождение Ленин рассматривает как часть международного революционного движения. Прямой задачей международного пролетариата Ленин провозглашает борьбу против всякого колониального гнета и колониальной политики. «Долой всякую колониальную политику, долой всю политику вмешательства и капиталистической борьбы за чужую землю, за чуждое население, за новые привилегии, за новые рынки, проливы и т. п.!» (стр. 231).

Ленин резко критикует голландских и германских оппортунистов, которые пытались подменить борьбу против колониального грабежа политикой буржуазных реформ в колониях, становясь фактически на позиции сохранения и защиты колониальной политики буржуазных государств. Оппортунисты оставляют в стороне борьбу социал-демократии против колониальной политики, агитацию в массах против колониального грабежа, пробуждение духа отпора и сопротивления у угнетенных масс в колониях, сосредоточивая внимание на «реформах» колониального быта «при данных порядках».

Все эти положения Ленина приобретают особое значение в современных условиях, когда под ударами национально-освободительных движений, поддерживаемых социалистическими странами, международным рабочим классом и всеми прогрессивными силами, рушится колониальная система империализма, когда одной из самых важных задач нашего времени является борьба за быстрейшую и полную повсеместную ликвидацию колониализма во всех его формах и проявлениях.

В статьях, посвященных международному положению, Ленин вскрывает некоторые существенные черты, характерные для эпохи империализма. Он отмечает обострение борьбы пролетариата с буржуазией во всех развитых капиталистических странах, усиление движения народных масс против трестов, сочетание революционной борьбы пролетариата европейских стран с национально-освободительным движением народов Азии и ряд других факторов, которые подготавливают условия для победы социалистической революции.

«Горячий материал, – пишет В. И. Ленин, – так быстро растет во всех передовых государствах мира, пожар так явно перекидывается на большинство государств Азии, вчера еще спавших глубоким сном, что усиление международной буржуазной реакции и обострение всякой отдельной национальной революции абсолютно неизбежны» (стр. 182–183).

Отмечая рост революционного движения пролетариата, Ленин подчеркивает, что оно не может идти равномерно и в одинаковых формах во всех странах. Различие исторических условий, политических порядков в разных странах и форм рабочего движения определяет различные темпы и проявления единого революционного процесса. Каждая страна, доказывает Ленин, вносит свои ценные, оригинальные черты в общий поток.

Большое внимание уделял В. И. Ленин в эти годы растущей опасности мировой войны и борьбе против нее. Он показывает, как под прикрытием дипломатических фраз об укреплении мира правящие круги империалистических государств подготавливают войну, создают широкую сеть явных и тайных договоров, военных союзов.

Ленин приводит положение из резолюции Штутгартского социалистического конгресса о том, что войны коренятся в самой сущности капитализма. Связывая окончательное устранение социальных и национальных причин возникновения всяких войн с победой социализма во всем мире, Ленин в то же время призывал партии рабочего класса бороться против милитаризма, за предотвращение империалистических войн, отмечал большое значение антимилитаристской деятельности революционной социал-демократии и распространения среди трудящихся масс идей международной солидарности. Ленин критикует рассуждения тех правых социал-демократов (Фольмар и др.), которые заявляли, что если милитаризм и войны являются неизбежными спутниками капитализма, то нет никакого смысла вести против них борьбу, проводить специальную антимилитаристскую деятельность, Ленин писал, что необходимость антимилитаристской пропаганды вытекает не только из принципиальных соображений, но и подтверждается историческим опытом, что она практически целесообразна и плодотворна. Ленин приводит ряд положительных примеров из антимилитаристской агитации некоторых европейских социал-демократических партий, отмечает в частности совместный митинг английских и германских рабочих против растущей опасности войны, состоявшийся в Берлине 20 сентября 1908 года, и излагает принятую на митинге резолюцию о том, что решение вопроса о войне и мире находится в руках рабочего класса.

Ленин показал, что рассуждения Фольмара, Носке и их сторонников о необходимости принимать участие в «оборонительной» войне толкают их на путь национализма, на путь защиты своего буржуазного отечества. Он дал критику оппортунистической тактики правых социал-демократов, которая позднее, в годы первой мировой войны, привела их на позиции социал-шовинизма.

Отмечая, что националистическая позиция правых германских социал-демократов противоречит положению «Коммунистического манифеста» о том, что в условиях капитализма «пролетарии не имеют отечества», Ленин решительно выступал и против анархистского фразерства и национального нигилизма французского социалиста Густава Эрве, заявлявшего, что пролетариату безразлично, в каком отечестве он живет. Ленин раскрывает сущность подлинного, пролетарского патриотизма, не имеющего ничего общего с лживым, своекорыстным патриотизмом буржуазии. «Отечество, т. е. данная политическая, культурная и социальная среда, – подчеркивает Ленин, – является самым могущественным фактором в классовой борьбе пролетариата... Пролетариат не может относиться безразлично и равнодушно к политическим, социальным и культурным условиям своей борьбы, следовательно, ему не могут быть безразличны и судьбы его страны» (стр. 190).

Вопрос об отношении к войне, учил Ленин, социал-демократы должны решать не с точки зрения того, носит ли она оборонительный или наступательный характер, а с позиций защиты классовых интересов международного пролетариата.

Ленин как великий поборник мира призывал бороться против империалистических войн. Он обращался с таким призывом еще тогда, когда капитализм господствовал на международной арене, а общественные и политические силы, не заинтересованные в войне, были слабы, недостаточно организованы и не могли обуздать империалистов. В настоящее время, когда социализм является мировой системой, которая превращается в решающий фактор развития человеческого общества, война перестала быть фатальной неизбежностью. Объединенными усилиями мировой системы социализма, международного рабочего класса, национально-освободительного движения, всех стран, выступающих против войны, и всех миролюбивых сил мировую войну можно предотвратить.

* * *

В семнадцатый том входят 12 ленинских документов, впервые включенных в Сочинения В. И. Ленина. Восемь из них, опубликованные ранее в XXV Ленинском сборнике, представляют собой заявления, проекты постановлений и резолюций, внесенных Лениным на пленуме ЦК в августе 1908 года и на V Общероссийской конференции РСДРП в декабре 1908 года. Эти материалы показывают, какую напряженную борьбу пришлось вести Ленину против меньшевиков-ликвидаторов за победу революционной тактики партии. В разделе «Подготовительные материалы» печатается 4 ленинских документа: «Поправки к проекту резолюции о созыве общероссийской партийной конференции, внесенному на пленуме ЦК РСДРП», «Конспект речи по организационному вопросу на V Общероссийской конференции РСДРП», «План лекций о марксизме» и «План реферата «Современное положение России»».

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

1908 г.

На прямую дорогу^[1]

Напечатано (1 апреля) 19 марта 1908 г. в газете «Пролетарий» № 26

Печатается по тексту газеты

Разгон второй Думы и государственный переворот 3-го июня 1907 года^[2] явились поворотным пунктом в истории нашей революции, началом некоторого особого периода или зигзага в ее развитии. Мы говорили уже не раз о значении этого зигзага с точки зрения общего соотношения классовых сил в России и задач незавершенной буржуазной революции. Мы хотим остановиться теперь на состоянии нашей партийной работы в связи с этим поворотом революции.

Больше полугода прошло со времени реакционного переворота 3-го июня, и несомненно, что первое полугодие после него характеризуется значительным упадком и ослаблением всех революционных организаций, в том числе и социал-демократической. Шатания, разброд и распад – такова общая характеристика этого полугодия. Иначе и не могло быть, конечно, ибо крайнее усиление реакции и временное торжество ее при заминке непосредственной классовой борьбы не может не сопровождаться кризисом революционных партий.

Теперь замечается совершенно уже явственно целый ряд признаков, свидетельствующих о прекращении этого кризиса, о том, что худшее уже пережито, что правильный путь уже намечен, что партия вступает снова на прямую дорогу – последовательного и выдержанного руководства революционной борьбой социалистического пролетариата.

Возьмите одно из очень характерных, далеко не самых глубоких, конечно, но пожалуй из самых видных внешних проявлений партийного кризиса. Это – бегство интеллигенции от партии. Вышедший в феврале текущего года первый номер Центрального Органа нашей партии^[3], дающий очень много материала для оценки ее внутренней жизни и в большей части перепечатаваемый нами, характеризует это бегство чрезвычайно рельефно. «В последнее время *за отсутствием* интеллигентных работников окружная организация умерла», пишут в корреспонденции с Кулебацкого завода (Владимирская окружная организация Центрального промышленного района). «Наши идейные силы тают, как снег», пишут с Урала. «Элементы, избегающие вообще нелегальных организаций... и примкнувшие к партии лишь в момент подъема и существовавшей в это время во многих местах фактической свободы, покинули наши партийные организации». И статья Центрального Органа «К организационным вопросам» подводит итог этим (и другим непечатаемым) сообщениям, говоря: «Интеллигенты, как известно, дезертируют за последнее время массами».

Но освобождение партии от полупролетарской, полумещанской интеллигенции начинает пробуждать к *новой жизни* накопленные за период героической борьбы пролетарских масс новые, *чисто пролетарские* силы. Та самая Кулебацкая организация, которая находилась, по приведенной нами сейчас выдержке из корреспонденции, в отчаянном состоянии, даже совсем «умерла», оказывается воскресшей. «Рабочие партийные гнезда, – читаем мы в ней, – рассеянные в изобилии по округе, в большинстве случаев без интеллигентных сил, без литературы, даже без всякой связи с партийными центрами, не желают умирать... Число организованных не уменьшается, а увеличивается... Интеллигентных сил нет, приходится вести пропагандистскую работу самим же рабочим, наиболее сознательным». Получается, как общий вывод, что «в целом ряде мест («Социал-Демократ» № 1, стр. 28) ввиду бегства интеллигенции ответственная работа переходит в руки передовых рабочих».

Эта перестройка партийных организаций на ином, так сказать классовом фундаменте, конечно, трудное дело, и не без колебаний суждено ему развиваться. Но – труден только первый шаг, и он уже сделан. На прямую дорогу руководства рабочих масс передовыми «интеллигентами» из самих же рабочих партия уже вступила.

Работа в профессиональных союзах и кооперативах, за которую брались сначала ошупью, вполне оформливается и отливается в устойчивые формы. Две резолюции Центрального Комитета, о профессиональных союзах и о кооперативах, принятые *обе единогласно*, уже подсказаны растущей местной работой. Партийные ячейки во всех беспартийных организациях; руководство ими в духе боевых задач пролетариата, в духе революционной классовой борьбы; «от беспартийности к партийности» («С.-Д.» № 1, стр. 28), – вот тот путь, на который и здесь вступило уже рабочее движение. Корреспондент одной партийной организации в глухом провинциальном городке, Минске, сообщает: «более революционно настроенные рабочие от них (от коверкаемых администрацией легальных союзов) отстраняются и все более сочувствуют образованию нелегальных союзов».

В том же направлении, «от беспартийности к партийности», развивается работа в совершенно иной области, работа думской с.-д. фракции. Это звучит, конечно, странно, но это факт: сразу поставить на партийную высоту работу наших парламентских представителей мы не можем, – как не сразу заработали мы «по-партийному» и в кооперативах. Выбранные по избирательному закону, фальсифицирующему волю народа, – выбранные из круга сохранивших легальность социал-демократов, поредевшего необыкновенно сильно после преследований за обе первые Думы, – наши думские с.-д. на *деле* неизбежно являлись сначала скорее беспартийными социал-демократами, чем настоящими членами партии.

Это печально, но это факт, и едва ли может быть иначе в капиталистической стране, опутанной тысячами крепостнических нитей, при существовании открытой рабочей партии всего каких-нибудь два года. И на этом факте хотели построить свою тактику создания нереволюционной социал-демократии те не только беспартийные, но и «безголовые» социал-демократствующие интеллигенты, которые облепили думскую фракцию, как мухи тарелку с медом. Но как будто бы усилия этих почтенных бернштейнианцев проваливаются! Как будто бы начинает выпрямляться работа с.-д. и здесь. Не станем пророчествовать, не будем закрывать глаза на то, каких еще громадных трудов стоит сколько-нибудь сносная постановка парламентской с.-д. работы в наших условиях, – но отметим то, что в первом номере ЦО имеется партийная критика фракции и *прямая резолюция* ЦК о более правильном направлении ее работ. Мы ни в каком случае не считаем данной в ЦО критики исчерпывающе все проблемы, мы думаем, например, что с.-д. не следовало голосовать ни за передачу в первую очередь земствам поступающих поземельных сборов, ни за *выкуп* по невысокой цене городской земли, арендуемой беднотой (см. стр. 36, № 1 ЦО). Но это уже все вопросы, сравнительно говоря, второго порядка. Основное и самое главное – то, что превращение фракции в действительно партийную организацию вполне наметилось уже во всей нашей работе и что, следовательно, партия этого достигнет, каких бы трудов это ни стоило, какими бы испытаниями, колебаниями, частными кризисами, личными столкновениями и т. п. путь этот ни оказался еще усеянным.

В ряду тех же признаков выпрямления настоящей социал-демократической, действительно-партийной работы стоит явственно выступающий факт усиления нелегального издательства. «Урал издает восемь газет, – читаем в ЦО, – Крым – 2, Одесса – одну газету, в Екатеринославе скоро выходит газета; значительна издательская деятельность Петербурга, Кавказа и национальных организаций». Помимо двух заграничных с.-д. органов, выпущен в России, несмотря на выходящие из ряду вон полицейские препятствия, Центральный Орган. Готовится областной орган «Рабочее Знамя»^[4] в Центрально-промышленном районе.

Тот путь, на который твердою ногою вступает с.-д. партия, вырисовывается из всего сказанного выше вполне определенно. Крепкая нелегальная организация партийных центров, систематическое нелегальное издательство, а главное: местные и в особенности заводские партийные ячейки, руководимые передовиками из самих рабочих, живущими в непосредственной связи с массой, – такова основа, на которой мы строили и построили непоколебимо-прочное ядро революционного и социал-демократического рабочего движения. И это нелегальное ядро будет несравненно шире, чем в прежние времена, простирать *свои* щупальцы, распространять *свое* влияние и через посредство Думы, и в профессиональных союзах, и в кооперативах, и в культурно-просветительных обществах.

На первый взгляд, есть замечательное сходство в этой системе партийной работы и той, которая установилась у немцев во времена исключительного закона (1878–1890 гг.)^[5]. Тот путь, который германское рабочее движение прошло в тридцать лет после буржуазной революции (1848–1878), – русское рабочее движение проходит в три года (конец 1905 года – 1908 г.). Но за этим внешним сходством скрывается глубокое внутреннее различие. Тридцатилетие, протекшее после буржуазно-демократической революции в Германии, вполне выполнило объективно-необходимые задачи *этой* революции. Она изжила себя и в конституционном парламенте начала 60-х годов, и в династических войнах, объединивших большую часть немецких стран, и в создании империи при помощи всеобщего избирательного права. В России не истекшие еще три года после первой великой победы и первого великого поражения буржуазно-демократической революции не только не выполнили ее задач, а, напротив, впервые внесли сознание этих задач в *широкие* массы пролетариата и крестьянства. Изжили себя за эти два с небольшим года конституционные иллюзии и вера в демократичность либеральных лакеев черносотенного царизма.

Кризис на основе неосуществленных объективных задач буржуазной революции в России неминуем. Чисто экономические, специально-финансовые, внутренне-политические и внешние события, обстоятельства и перипетии могут сделать его острым. И партия пролетариата, – вступив на прямую дорогу создания крепкой нелегальной с.-д. организации, обладающей более многочисленными и более разнообразными орудиями легального и полуполитического влияния, чем прежде, – сумеет встретить этот кризис более подготовленной к решительной борьбе, чем в октябре и декабре 1905 года.

О «природе» русской революции

Гони природу в дверь, она влетит в окно, – восклицает кадетская *«Речь»* в одной своей недавней передовице^[6]. Это ценное признание официального органа наших контрреволюционных либералов необходимо особенно подчеркнуть, ибо дело идет о *природе* русской революции. И нельзя достаточно настаивать на том, с какой силой подтверждают события основной взгляд большевизма на эту «природу» *крестьянской* буржуазной революции, которая может победить лишь *против* колеблющегося, шаткого, контрреволюционного буржуазного либерализма.

Перед первой Думой, в начале 1906 года, г. Струве писал: «крестьянин в Думе будет кадетом». Это было тогда *смелым* утверждением либерала, *еще думавшего* о перевоспитании мужика из наивного монархиста в сторонника оппозиции. Это было тогда, когда орган бюрократии, газета лакеев г-на Витте, «Русское Государство»^[7] уверяло, что «серячок выручит», т. е. что широкое представительство от крестьян окажется благоприятным для самодержавия. Мнения подобного рода были в те времена (далекие времена! целых два года отделяют их от нас!) настолько распространены, что даже в меньшевистских речах на Стокгольмском съезде^[8] явственно звучат родственные ноты.

Но уже первая Дума^[9] развеяла эти иллюзии монархистов и *иллюзии либералов* бесповоротно. Самый темный, неразвитый, политически-девственный, партийно-неорганизованный мужик оказался *неизмеримо левее* кадетов^[10]. Борьба кадетов с «трудовицким духом» и трудовицкой политикой^[11] составляет основное содержание либеральной «деятельности» в течение обеих первых Дум. И когда, после разгона второй Думы^[12], г. Струве – передовой человек среди либеральных контрреволюционеров – бросал свои гневные отзывы о трудовиках, провозглашал крестовый поход против «радикальничающих интеллигентских» вождей крестьянства, он выражал этим *полный крах* либерализма^[13].

Либерализм после опыта двух Дум потерпел полное фиаско: ему *не удалось* «приручить мужика». Ему не удалось сделать его скромным, уступчивым, согласным на компромисс с помещичьим самодержавием. Либерализм буржуазных адвокатов, профессоров и прочей интеллигентской дребедени не смог «приспособиться» к «трудовицкому» мужичью. Он оказался политически и экономически *позади* его. И все историческое значение первого периода русской революции можно резюмировать словами: либерализм *уже* окончательно доказал свою контрреволюционность, свою неспособность руководить крестьянской революцией; крестьянство *еще* не вполне поняло, что только на революционно-республиканском пути, под руководством социалистического пролетариата может быть завоевана настоящая победа.

Крах либерализма означал торжество помещичьей реакции. Теперь, запуганный этой реакцией, униженный и оплеванный ею, превращенный в крепостного пособника столыпинской конституционной комедии, либерализм нет-нет да и всплакнет о прошлом. Конечно тяжела, невыносимо тяжела была борьба с трудовицким духом. Но... все же... не выиграем ли мы второй раз, если опять усилится этот дух? Не сыграем ли мы тогда удачнее роль маклеров? Не писал ли наш маститый, наш знаменитый П. Струве еще до революции, что средние партии всегда выигрывают от обострения борьбы между крайними?

И вот изнемогшие в борьбе с трудовиками либералы козыряют против реакции возрождением трудовицкого духа! «Только что поданные в Государственную думу земельные проекты правых крестьян и священников обнаруживают, – пишет та же передовица «Речи», – старый трудовицкий дух. Именно трудовицкий, а не кадетский». «Один проект принадлежит крестьянам и подписан 41 членом Гос. думы. Другой принадлежит священникам. Первый радикальнее второго, но и второй в некоторых отношениях (слушайте кадетскую «Речь»!)

далеко оставляет за собой кадетский проект аграрной реформы». Либералы вынуждены признать, что после всех просевок избирателя, предпринятых и осуществленных по знаменитому закону 3-го июня, этот факт свидетельствует (как мы уже отмечали раньше: см. номер 22 «Пролетария») не о случайности, а о *природе* русской революции¹.

У крестьян есть – пишет «Речь» – земельный фонд не в смысле передаточной инстанции, «а в смысле постоянного учреждения». Признавая это, кадеты скромно умалчивают о том, как они сами, подделываясь к реакции и подслуживаясь ей, выкидывали при переходе от первой к второй Думе земельный фонд (т. е. так или иначе, в той или иной степени, признание национализации земли) из своей программы, становились на гурковскую точку зрения^[14] полной частной собственности на землю.

У крестьян – пишет «Речь» – земля приобретается по справедливой оценке (значит, по-кадетски), но – знаменательное «но»! – оценка производится местными земельными учреждениями, «выбираемыми всем населением данной местности».

И опять приходится кое о чем умалчивать господам кадетам. Приходится умалчивать о том, что этот выбор всем населением явно напоминает известный «трудовицкий» проект и первой и второй Думы, проект местных земельных комитетов, выбираемых всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Приходится умалчивать о том, какую подлую борьбу вели с этим, единственно возможным с демократической точки зрения, проектом либералы обеих первых Дум, как они жалко вилили и вертелись, желая на думской трибуне *не сказать* полностью того, что они сказали в своей печати, в передовице «Речи», перепечатанной потом у Милюкова («Год борьбы»)^[15], в проекте Кутлера и в статье Чупрова (кадетский «Аграрный вопрос», том второй)^[16]. Именно: они признали в своей печати, что по их замыслу местные земельные комитеты должны состоять поровну из представителей от крестьян и от помещиков с *представителем от правительства* в качестве третьего лица. Другими словами: кадеты головой выдавали мужика помещику, обеспечивая повсюду большинство за последним (помещики плюс представитель помещичьего самодержавия всегда в большинстве против крестьян).

Мы вполне понимаем, почему жуликам парламентского буржуазного либерализма *приходится* умалчивать об этом. Напрасно только думают они, что рабочие и крестьяне способны забыть эти крупнейшие вехи на дороге русской революции.

Даже священники, эти ультрареакционеры, нарочито содержимые правительством черносотенные мракобесы, пошли дальше кадетов в своем аграрном проекте. Даже они заговорили о понижении «искусственно повышенных цен» на землю, о прогрессивном налоге на землю с освобождением от всякого налога участков, не превышающих потребительской нормы. Почему деревенский священник, этот урядник казенного православия, оказался *больше* на стороне мужика, чем буржуазный либерал? Потому что деревенскому священнику приходится жить бок о бок с мужиком, зависеть от него в тысяче случаев, даже иногда – при мелком крестьянском земледелии попов на церковной земле – бывать в настоящей шкуре крестьянина. Деревенскому священнику из самой что ни на есть зубатовской Думы придется вернуться в деревню, а в деревню, как бы ее ни чистили карательные экспедиции и хронические военные постой Столыпина, *нельзя вернуться* тому, кто встал на сторону помещиков. Таким образом оказывается, что реакционнейшему попу труднее, чем просвещенному адвокату и профессору предать мужика помещику.

Да, да! Гони природу в дверь, она влетит в окно. Природа великой буржуазной революции в крестьянской России такова, что только победа крестьянского восстания, немыслимая без руководящей роли пролетариата, способна привести эту революцию к победе вопреки имманентной контрреволюционности буржуазного либерализма.

¹ См. Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 422–426. *Ред.*

Либералам остается только либо не верить в силу трудовицкого духа – это невозможно, когда факты налицо, – либо надеяться на новое политическое жульничество. Вот программа этого жульничества в заключительных словах *«Речи»*: «Только серьезная практическая постановка этого рода реформы (именно: аграрной реформы «на самом широком демократическом базисе») может излечить население от утопических попыток». Читай: ваше превосходительство, г. Столыпин, даже со всеми своими виселицами и третьеиюньскими законами вы не «излечили» население от «утопического трудовицкого духа». Дозвольте нам еще разок попробовать: мы пообещаем народу самую широкую демократическую реформу, а на деле «излечим» его посредством помещичьего выкупа и помещичьего преобладания в местных земельных учреждениях!

Мы, с своей стороны, от глубины сердца поблагодарим гг. Милюкова, Струве и К^о за то усердие, с которым они «излечивают» население от «утопической» веры в мирные конституционные пути. Излечивают и, по всей вероятности, излечат.

«Пролетарий» № 27, (8 апреля) 26 марта 1908 г.

Печатается по тексту газеты «Пролетарий»

Марксизм и ревизионизм

Написано во второй половине марта – не позднее 3 (16) апреля 1908 г.

*Напечатано между 25 сентября и 2 октября (8 и 15 октября) 1908 г. в сборнике: «Карл Маркс (1818–1883)». С.-Петербург, изд. О. и М. Кедровых Подпись: **Вл. Ильин***

Печатается по тексту сборника

Известное изречение гласит, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы. Естественно-исторические теории, задевавшие старые предрассудки теологии, вызвали и вызывают до сих пор самую бешеную борьбу. Неудивительно, что учение Маркса, которое прямо служит просвещению и организации передового класса современного общества, указывает задачи этого класса и доказывает неизбежную – в силу экономического развития – замену современного строя новыми порядками, неудивительно, что это учение должно было с боя брать каждый свой шаг на жизненном пути.

Нечего говорить о буржуазной науке и философии, по-казенному преподаваемых казенными профессорами для оглушения подрастающей молодежи из имущих классов и для «натаскивания» ее на врагов внешних и внутренних. Эта наука и слышать не хочет о марксизме, объявляя его опровергнутым и уничтоженным; и молодые ученые, делающие себе карьеру на опровержении социализма, и ветхие старцы, хранящие завет всевозможных обветшалых «систем», с одинаковым усердием нападают на Маркса. Рост марксизма, распространение и укрепление его идей в рабочем классе, неизбежно вызывает учащение и обострение этих буржуазных вылазок против марксизма, который после каждого «уничтожения» его официальной наукой становится все крепче, закаленное и жизненное.

Но и среди учений, связанных с борьбой рабочего класса, распространенных преимущественно среди пролетариата, марксизм далеко и далеко не сразу укрепил свое положение. Первые полвека своего существования (с 40-х годов XIX века) марксизм боролся с теориями, которые были в корне враждебны ему. В первой половине 40-х годов Маркс и Энгельс свели счеты с радикальными младегегельянцами, стоявшими на точке зрения философского идеализма. В конце 40-х годов выступает борьба в области экономических учений – против прудонизма^[17]. Пятидесятые годы завершают эту борьбу: критика партий и учений, проявивших себя в бурный 1848 год. В 60-х годах борьба переносится из области общей теории в более близкую непосредственному рабочему движению область: изгнание бакунизма из Интернационала^[18]. В начале 70-х годов в Германии на короткое время выдвигается прудонист Мюльбергер; – в конце 70-х годов позитивист Дюринг. Но влияние того и другого на пролетариат уже совершенно ничтожно. Марксизм уже побеждает безусловно все прочие идеологии рабочего движения.

К 90-м годам прошлого века эта победа была в основных своих чертах завершена. Даже в романских странах, где всего дольше держались традиции прудонизма, рабочие партии фактически построили свои программы и тактику на марксистской основе. Возобновившаяся международная организация рабочего движения – в виде периодических интернациональных съездов – сразу и почти без борьбы стала во всем существенном на почву марксизма. Но когда марксизм вытеснил все сколько-нибудь цельные враждебные ему учения, – те тенденции, которые выражались в этих учениях, стали искать себе иных путей. Изменились формы и поводы борьбы, но борьба продолжалась. И вторые полвека существования марксизма начались (90-ые годы прошлого века) с борьбы враждебного марксизму течения внутри марксизма.

Бывший ортодоксальный марксист Бернштейн дал имя этому течению^[19], выступив с наибольшим шумом и с наиболее цельным выражением поправок к Марксу, пересмотра

Маркса, ревизионизма. Даже в России, где немарксистский социализм естественно, — в силу экономической отсталости страны и преобладания крестьянского населения, придавленного остатками крепостничества, — держался всего более долго, даже в России он явственно перерастает у нас на глазах в ревизионизм. И в аграрном вопросе (программа муниципализации всей земли), и в общих вопросах программы и тактики наши социал-народники все больше и больше заменяют «поправками» к Марксу отмирающие, отпадающие остатки старой, по своему цельной и враждебной в корне марксизму системы.

Домарксистский социализм разбит. Он продолжает борьбу уже не на своей самостоятельной почве, а на общей почве марксизма, как ревизионизм. Посмотрим же, каково идейное содержание ревизионизма.

В области философии ревизионизм шел в хвосте буржуазной профессорской «науки». Профессора шли «назад к Канту», — и ревизионизм тащился за неокантианцами^[20], профессора повторяли тысячу раз сказанные поповские пошлости против философского материализма, — и ревизионисты, снисходительно улыбаясь, бормотали (слово в слово по последнему хандбуху), что материализм давно «опровергнут»; профессора третировали Гегеля, как «мертвую собаку»^[21], и, проповедуя сами идеализм, только в тысячу раз более мелкий и пошлый, чем гегелевский, презрительно пожимали плечами по поводу диалектики, — и ревизионисты лезли за ними в болото философского опошления науки, заменяя «хитрую» (и революционную) диалектику «простой» (и спокойной) «эволюцией»; профессора отработывали свое казенное жалованье, подгоняя и идеалистические и «критические» свои системы к господствовавшей средневековой «философии» (т. е. к теологии), — и ревизионисты пододвигались к ним, стараясь сделать религию «частным делом» не по отношению к современному государству, а по отношению к партии передового класса.

Какое действительное классовое значение имели подобные «поправки» к Марксу, об этом не приходится говорить — дело ясно само собой. Мы отметим только, что единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов. Это тем более необходимо решительно подчеркнуть, что в наше время делаются глубоко ошибочные попытки провести старый и реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова².

Переходя к политической экономии, надо отметить, прежде всего, что в этой области «поправки» ревизионистов были гораздо более разносторонни и обстоятельны; на публику старались подействовать «новыми данными хозяйственного развития». Говорили, что концентрации и вытеснения крупным производством мелкого не происходит в области сельского хозяйства вовсе, а в области торговли и промышленности происходит она крайне медленно. Говорили, что кризисы теперь стали реже, слабее, вероятно, картели и тресты дадут возможность капиталу совсем устранить кризисы. Говорили, что «теория краха», к которому идет капитализм, несостоятельна ввиду тенденции к притуплению и смягчению классовых противоречий. Говорили, наконец, что и теорию стоимости Маркса не мешает исправить по Бем-Баверку.

Борьба с ревизионистами по этим вопросам дала такое же плодотворное оживление теоретической мысли международного социализма, как полемика Энгельса с Дюрингом за двадцать лет перед тем. Доводы ревизионистов разбирались с фактами и цифрами в руках. Было доказано, что ревизионисты систематически подкрашивают современное мелкое производство. Факт технического и коммерческого превосходства крупного *производства* над

² См. книгу «Очерки философии марксизма» Богданова, Базарова и др. Здесь не место разбирать эту книгу и я должен ограничиться пока заявлением, что в ближайшем будущем покажу в ряде статей или в особой брошюре, что *все* сказанное в тексте про неокантианских ревизионистов относится по существу дела и к этим «новым» неояомистским и необерклианским ревизионистам. (См. Сочинения, 5 изд., том 18. *Ред.*)

мелким не только в промышленности, но и в земледелии доказывают неопровержимые данные. Но в земледелии гораздо слабее развито товарное производство, и современные статистики и экономисты плохо умеют обыкновенно выделять те специальные отрасли (иногда даже операции) земледелия, которые выражают прогрессивное вовлечение земледелия в *обмен* мирового хозяйства. На развалинах натурального хозяйства мелкое производство держится бесконечным ухудшением питания, хронической голодовкой, удлинением рабочего дня, ухудшением качества скота и ухода за ним, одним словом, теми же средствами, которыми держалось и кустарное производство против капиталистической мануфактуры. Каждый шаг вперед науки и техники подрывает неизбежно и неумолимо основы мелкого производства в капиталистическом обществе, и задача социалистической экономики – исследовать этот процесс во всех его, нередко сложных и запутанных, формах, – доказывать мелкому производителю невозможность удержаться при капитализме, безвыходность крестьянского хозяйства при капитализме, необходимость перехода крестьянина на точку зрения пролетария. Ревизионисты в данном вопросе грешили в научном отношении поверхностным обобщением односторонне-выхваченных фактов, вне связи их со всем строем капитализма, – в политическом же отношении они грешили тем, что неизбежно, вольно или невольно, звали крестьянина, или толкали крестьянина на точку зрения хозяина (т. е. точку зрения буржуазии) вместо того, чтобы толкать его на точку зрения революционного пролетария.

С теорией кризисов и теорией краха дела ревизионизма обстояли еще хуже. Только самое короткое время и только самые близорукие люди могли думать о переделке основ учения Маркса под влиянием нескольких лет промышленного подъема и процветания. Что кризисы не отжили свое время, это показала ревизионистам очень быстро действительность: кризис наступил после процветания. Изменились формы, последовательность, картина отдельных кризисов, но кризисы остались неизбежной составной частью капиталистического строя. Картели и тресты, объединяя производство, в то же время усиливали на глазах у всех анархию производства, необеспеченность пролетариата и гнет капитала, обостряя таким образом в невиданной еще степени классовые противоречия. Что капитализм идет к краху – и в смысле отдельных политических и экономических кризисов и в смысле полного крушения всего капиталистического строя, – это с особенной наглядностью и в особенно широких размерах показали как раз новейшие гигантские тресты. Недавний финансовый кризис в Америке, страшное обострение безработицы во всей Европе, не говоря уже о близком промышленном кризисе, на который указывают многие признаки, – все это привело к тому, что недавние «теории» ревизионистов забыты всеми, кажется, многими и из них самих. Не следует только забывать тех уроков, которые эта интеллигентская неустойчивость дала рабочему классу.

О теории стоимости надо только сказать, что, кроме намеков и воздыханий, весьма туманных, по Бем-Баверку, ревизионисты не дали тут решительно ничего и не оставили поэтому никаких следов в развитии научной мысли.

В области политики ревизионизм попытался пересмотреть действительно основу марксизма, именно: учение о классовой борьбе. Политическая свобода, демократия, всеобщее избирательное право уничтожают почву для классовой борьбы, – говорили нам, – и делают неверным старое положение «Коммунистического манифеста»: рабочие не имеют отечества. В демократии, раз господствует «воля большинства», нельзя дескать ни смотреть на государство, как на орган классового господства, ни отказываться от союзов с прогрессивной, социал-реформаторской буржуазией против реакционеров.

Неоспоримо, что эти возражения ревизионистов сводились к довольно стройной системе взглядов, – именно: давно известных либерально-буржуазных взглядов. Либералы всегда говорили, что буржуазный парламентаризм уничтожает классы и классовые деления, раз право голоса, право участия в государственных делах имеют все граждане без различия.

Вся история Европы во 2-й половине XIX века, вся история русской революции в начале XX века показывает воочию, как нелепы подобные взгляды. Экономические различия не ослабляются, а усиливаются и обостряются при свободе «демократического» капитализма. Парламентаризм не устраняет, а обнажает сущность самых демократических буржуазных республик, как органа классового угнетения. Помогая просветить и организовать неизмеримо более широкие массы населения, чем те, которые прежде участвовали активно в политических событиях, парламентаризм подготавливает этим не устранение кризисов и политических революций, а наибольшее обострение гражданской войны во время этих революций. Парижские события весной 1871 года и русские зимой 1905 года показали яснее ясного, как неизбежно наступает такое обострение. Французская буржуазия, ни секунды не колеблясь, вошла в сделку с общенациональным врагом, с чужестранным войском, разорившим ее отечество, для подавления пролетарского движения. Кто не понимает неизбежной внутренней диалектики парламентаризма и буржуазного демократизма, приводящей к еще более резкому, чем в прежние времена, решению спора массовым насилием, – тот никогда не сумеет на почве этого парламентаризма вести принципиально выдержанной пропаганды и агитации, действительно готовящей рабочие массы к победоносному участию в таких «спорах». Опыт союзов, соглашений, блоков с социал-реформаторским либерализмом на Западе, с либеральным реформизмом (кадеты) в русской революции показал убедительно, что эти соглашения только притупляют сознание масс, не усиливая, а ослабляя действительное значение их борьбы, связывая борющихся с элементами, наименее способными бороться, наиболее шаткими и предательскими. Французский мильеранизм^[22] – самый крупный опыт применения ревизионистской политической тактики в широком, действительно национальном масштабе, – дал такую практическую оценку ревизионизма, которую никогда не забудет пролетариат всего мира.

Естественным дополнением экономических и политических тенденций ревизионизма явилось отношение его к конечной цели социалистического движения. «Конечная цель – ничто, движение – все», это крылатое словечко Бернштейна выражает сущность ревизионизма лучше многих длинных рассуждений. От случая к случаю определять свое поведение, приспособляться к событиям дня, к поворотам политических мелочей, забывать коренные интересы пролетариата и основные черты всего капиталистического строя, всей капиталистической эволюции, жертвовать этими коренными интересами ради действительных или предполагаемых выгод минуты, – такова ревизионистская политика. И из самого существа этой политики вытекает с очевидностью, что она может принимать бесконечно разнообразные формы и что каждый сколько-нибудь «новый» вопрос, сколько-нибудь неожиданный и непредвиденный поворот событий, хотя бы этот поворот только в миниатюрной степени и на самый недолгий срок изменял основную линию развития, – неизбежно будут вызывать всегда те или иные разновидности ревизионизма.

Неизбежность ревизионизма обуславливается его классовыми корнями в современном обществе. Ревизионизм есть интернациональное явление. Для всякого сколько-нибудь сведущего и думающего социалиста не может быть ни малейших сомнений в том, что отношение ортодоксов и бернштейнцев в Германии, гедистов и жоресистов (теперь в особенности бруссистов) во Франции^[23], Социал-демократической федерации и Независимой рабочей партии в Англии^[24], Брукера и Вандервельда в Бельгии, интегралистов и реформистов в Италии^[25], большевиков и меньшевиков в России повсюду в существе своем однородно, несмотря на гигантское разнообразие национальных условий и исторических моментов в современном состоянии всех этих стран. «Разделение» внутри современного международного социализма идет, в сущности, уже теперь по *одной* линии в разных странах мира, документируя этим громадный шаг вперед по сравнению с тем, что было лет 30–40 тому назад, когда в разных странах боролись неоднородные тенденции внутри единого международного

социализма. И тот «ревизионизм слева», который обрисовался теперь в романских странах, как «революционный синдикализм»^[26], тоже приспособляется к марксизму, «исправляя» его: Лабриола в Италии, Лагардель во Франции сплошь да рядом апеллируют от Маркса, неверно понятого, к Марксу, верно понимаемому.

Мы не можем здесь останавливаться на разборе идейного содержания *этого* ревизионизма, который далеко не так еще развился, как ревизионизм оппортунистический, не интернационализировался, не выдержал ни одной крупной практической схватки с социалистической партией хотя бы одной страны. Мы ограничиваемся потому тем «ревизионизмом справа», который был обрисован выше.

В чем заключается его неизбежность в капиталистическом обществе? Почему он глубже, чем различия национальных особенностей и степеней развития капитализма? Потому, что во всякой капиталистической стране рядом с пролетариатом всегда стоят широкие слои мелкой буржуазии, мелких хозяев. Капитализм родился и постоянно рождается из мелкого производства. Целый ряд «средних слоев» неминуемо вновь создается капитализмом (придаток фабрики, работа на дому, мелкие мастерские, разбросанные по всей стране ввиду требований крупной, например, велосипедной и автомобильной индустрии, и т. д.). Эти новые мелкие производители так же неминуемо опять выбрасываются в ряды пролетариата. Совершенно естественно, что мелкобуржуазное мировоззрение снова и снова прорывается в рядах широких рабочих партий. Совершенно естественно, что так должно быть и будет всегда вплоть до перипетий пролетарской революции, ибо было бы глубокой ошибкой думать, что необходима «полная» пролетаризация большинства населения для осуществимости такой революции. То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу, — то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве, — это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу.

Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX века есть лишь преддверие великих революционных битв пролетариата, идущего вперед к полной победе своего дела вопреки всем шатаниям и слабостям мещанства.

По торной дорожке!

Оценка русской революции, т. е. трех первых лет ее, стоит на очереди дня. Без выяснения классовой природы наших политических партий, без учета интересов и взаимного положения классов в нашей революции нельзя сделать ни шагу вперед в деле определения ближайших задач и тактики пролетариата. На одной из попыток такого учета мы и намерены в данной статье остановить внимание наших читателей.

В номере 3 «Голоса Социал-Демократа»^[27] Ф. Дан и Г. Плеханов выступают – один с систематической оценкой итогов революции, другой – с итоговыми выводами о тактике рабочей партии. Оценка Дана сводится к тому, что надежды на диктатуру пролетариата и крестьянства не могли не оказаться иллюзией. «Возможность нового широкого революционного выступления пролетариата... обусловлена в значительной степени позицией буржуазии». «На первых этапах его (нового подъема), – пока подъем революционного рабочего движения не всколыхнет городское мещанство, а развитие городской революции не зажжет пожара в деревне – в качестве главных политических сил очутятся лицом к лицу пролетариат и буржуазия».

Тактические выводы из такого рода «истин» явно недоговорены Ф. Даном. Он посоветился, очевидно, дописать то, что из его слов само собой вытекает: рекомендовать рабочему классу знаменитую тактику меньшевиков – поддерживать буржуазию (припомните блоки с кадетами; поддержку лозунга кадетское министерство; полновластную Думу Плеханова и т. д.). Но зато Плеханов дополнил Дана, закончив свой фельетон в номере 3 «Г. С.-Д.» словами: «Хорошо было бы для России, если бы этих ошибок, сделанных Марксом и Энгельсом в Германии более полувека тому назад» (именно: недооценки способности тогдашнего капитализма к развитию и переоценки способности пролетариата к революционному действию), «сумели избежать русские марксисты в 1905–1906 годах!».

Это яснее ясного. Дан и Плеханов пытаются осторожненько, не называя прямо вещи их именами, оправдать меньшевистскую политику зависимости пролетариата от кадетов. Присмотримся же к их «теоретическому обоснованию» этого предприятия.

Дан рассуждает так, что «крестьянское движение» зависит от «роста и развития городской революции в ее буржуазном и пролетарском руслах». Поэтому за подъемом «городской революции» следовал подъем крестьянского движения, за упадком же ее «придавленные подъемом революции внутренние антагонизмы деревни стали снова обостряться» и «правительственная аграрная политика, политика разъединения крестьянства и т. д. стала пользоваться относительным успехом». Отсюда приведенное нами заключение, что на первых этапах нового подъема главными политическими силами будут пролетариат и буржуазия. «Положение это, – по мнению Ф. Дана, – должно и может быть использовано пролетариатом для такого развития революции, которое оставит далеко за собой *исходную точку* нового подъема ее и приведет к полной демократизации общества под знаком (*sic*!)³ радикального (!!) решения аграрного вопроса».

Нетрудно видеть, что построено это рассуждение целиком на *радикальном* непонимании аграрного вопроса в нашей революции и что непонимание это прикрыто совсем плохо дешевенькими и пустыми фразами о «полной демократизации» «под знаком» «решения» вопроса.

Ф. Дан думает, что «надежды на диктатуру пролетариата и крестьянства» зависят и зависели от народнических предрассудков, от забвения внутренних антагонизмов деревни и индивидуалистического характера крестьянского движения. Это – обычные и давно всем

³ Так! Ред.

известные меньшевистские взгляды. Но едва ли кто так рельефно выставлял до сих пор напоказ всю их нелепость, как Ф. Дан в разбираемой нами статье. Почтеннейший публицист ухитрился *не заметить*, что *оба* противопоставляемые им «*решения*» аграрного вопроса соответствуют «индивидуалистическому характеру крестьянского движения»! В самом деле, столыпинское решение, пользующееся, по мнению Дана, «относительным успехом», покоится на индивидуализме крестьян. Это несомненно. Ну, а другое решение, которое Ф. Дан назвал «радикальным» и связанным с «полной демократизацией общества»? Не думает ли почтеннейший Дан, что оно *не покоится* на индивидуализме крестьян?

В том-то и беда, что пустой фразой о «полной демократизации общества под знаком радикального решения аграрного вопроса» прикрыто у Дана радикальное недомыслие. Он бессознательно, как слепой, *натывается* на два, объективно возможных и не выбранных еще окончательно историей, «решения» аграрного вопроса, не умея ясно и точно представить себе характера *обоих* решений и условий того и другого решения.

Почему столыпинская аграрная политика может пользоваться «относительным успехом»? Потому что в крестьянстве нашем уже давно созданы капиталистическим развитием враждебные классы крестьянской буржуазии и крестьянского пролетариата. Возможен ли полный успех столыпинской аграрной политики и что таковой означает? Он возможен, если обстоятельства сложатся исключительно благоприятно для Столыпина, а означает он «решение» аграрного вопроса в буржуазной России в смысле *окончательного* (до пролетарской революции) укрепления частной собственности на *всю* землю, и помещичью и крестьянскую. Это будет «решение» *прусского* типа, действительно обеспечивающее капиталистическое развитие России, но невероятно медленное, надолго отдающее власть юнкеру, в тысячу раз более мучительное для пролетариата и крестьянства, чем другое *возможное* объективно, тоже капиталистическое «решение аграрного вопроса».

Это другое решение Дан, не вдумавшись в дело, назвал «радикальным». Словечко дешевое, и мысли в нем ни капли нет. Столыпинское решение тоже очень радикально, ибо оно радикально ломает старую общину и старый аграрный строй России. Действительное отличие *крестьянского* решения аграрного вопроса в русской буржуазной революции от *столыпински-кадетского* его решения состоит в том, что первое уничтожает помещичью частную собственность на землю безусловно, а крестьянскую – весьма вероятно (этого частного вопроса о крестьянской надельной земле мы пока не будем касаться, ибо все рассуждение Дана неверно даже с точки зрения теперешней пашей, «муниципализаторской», аграрной программы).

Спрашивается теперь, действительно ли это второе решение объективно возможно? Несомненно. На этот счет согласны все думающие марксисты, ибо *иначе* поддержка пролетариатом стремления мелких собственников конфисковать крупную собственность была бы реакционным шарлатанством. Ни в одной другой капиталистической стране ни один марксист не напишет программы с поддержкой *крестьянского* стремления конфисковать крупную земельную собственность. В России и большевики и меньшевики согласны насчет необходимости такой поддержки. Почему? Потому, что *объективно* возможен для России *иной* путь капиталистического аграрного развития, не «прусский», а «американский», не помещичьи-буржуазный (или юнкерский), а крестьянски-буржуазный.

Столыпин и кадеты, самодержавие и буржуазия, Николай второй и Петр Струве сходятся в том, что надо капиталистически «очистить» обветшалый аграрный строй России посредством сохранения помещичьей земельной собственности. Они расходятся лишь в том, как лучше сохранить ее и насколько сохранить.

Рабочие и крестьяне, социал-демократы и народники (трудовики, н.-с., эсеры в том числе) сходятся в том, что надо *капиталистически* «очистить» обветшалый аграрный строй России посредством насильственного уничтожения помещичьей земельной собственности.

Они расходятся в том, что социал-демократы понимают капиталистический характер в современном обществе всякой, хотя бы наирадикальнейшей аграрной революции, и муниципализации, и национализации, и социализации, и раздела, а народники не понимают этого, облекая мелкобуржуазно-утопическими фразами об уравнительности свою борьбу за крестьянски-буржуазную аграрную эволюцию против помещичьи-буржуазной эволюции.

Вся путаница и все недомыслие Ф. Дана зависит от того, что он радикально не понял экономической основы русской буржуазной революции. За разногласиями марксистского и мелкобуржуазного социализма в России по вопросу об экономическом содержании и значении борьбы крестьян за землю в данной революции он «не заметил» борьбы реальных общественных сил за тот или иной путь объективно-возможной капиталистической аграрной эволюции. И это свое полное непонимание он прикрыл фразами об «относительном успехе» Столыпина и о «полной демократизации общества под знаком радикального решения аграрного вопроса».

На самом деле аграрный вопрос стоит теперь в России так: для успеха столыпинской политики нужны долгие годы насильственного подавления и истребления массы крестьян, не желающих умирать с голоду и быть выселяемыми из своих деревень. В истории бывали примеры *успеха* подобной политики. Было бы пустой и глупой демократической фразеологией, если бы мы сказали, что в России успех такой политики «невозможен». Возможен! Но наше дело – ясно показать народу, какой ценой покупается такой успех, и всеми силами бороться за иной, более краткий и более быстрый путь капиталистического аграрного развития *через* крестьянскую революцию. Трудна крестьянская революция под руководством пролетариата в капиталистической стране, очень трудна, но она возможна, и за нее надо бороться. Три года революции научили нас и весь народ не только тому, что за нее надо бороться, но и тому, как бороться. Никакие меньшевистские «подходцы» к политике поддержки кадетов не вытравят этих уроков революции из сознания рабочих.

Далее. Что, если, несмотря на борьбу масс, столыпинская политика продержится достаточно долго для успеха «прусского» пути? тогда аграрный строй России станет вполне буржуазным, крупные крестьяне заберут себе почти всю надельную землю, земледелие станет капиталистическим и никакое, ни радикальное, ни нерадикальное, «решение» аграрного вопроса при *капитализме* станет невозможным. Тогда добросовестные марксисты прямо и открыто выкинут вовсе всякую «аграрную программу» и скажут массам: рабочие сделали все, что могли, для обеспечения России не юнкерского, а американского капитализма. Рабочие зовут вас теперь к социальной революции пролетариата, ибо *после* «решения» аграрного вопроса в столыпинском духе *никакой иной* революции, способной изменить серьезно экономические условия жизни крестьянских масс, *быть не может*.

Вот в каком соотношении стоит вопрос о соотношении буржуазной и социалистической революции в России, вопрос, особенно запутанный Даном в его немецком пересказе его русской статьи («*Neue Zeit*»^[28] № 27).

Буржуазные революции возможны, даже неизбежны, в России и на почве столыпински-кадетского аграрного пути. Но в *таких* революциях, как и в французских революциях 1830 и 1848 годов, нельзя будет и говорить о «полной демократизации общества под знаком радикального решения аграрного вопроса». Или вернее: в таких революциях только мелкобуржуазные *quasi*⁴-социалисты будут еще болтать о «решении» (особенно «радикальном») решении уже для капиталистически-сложившейся страны аграрного вопроса.

Но в России далеко, далеко еще не сложились капиталистические аграрные порядки. Это ясно не только для нас, и меньшевиков и большевиков, не только для людей, сочувствующих революции и желающих ее нового подъема, – это ясно даже для таких последователь-

⁴ Мнимо. Ред.

ных, сознательных и откровенно-смелых врагов революции и друзей черносотенного самодержавия, как г. Петр Струве. Если он «голосом голосит», что нам нужен Бисмарк, нужно превращение реакции в революцию сверху, то это именно потому, что Струве *не* видит у нас ни Бисмарка, ни революции сверху. Струве видит, что на одной столыпинской реакции и тысяче виселиц не создашь помещичьи-буржуазной, прочной России кнехта. Нужно что-то иное, что-то вроде решения (хотя бы по-бисмарковски) национальных исторических задач, объединения Германии, введения всеобщего избирательного права. А Столыпину объединять приходится только Думбадзе с героями рижского музея!^[29] Отменять *приходится* даже виттевское избирательное право по закону 11 декабря 1905 года!^[30] Вместо крестьян, довольных дановским «относительным успехом» аграрной политики, Столыпину приходится даже от третьедумских крестьян выслушивать «трудовицкие» требования!

Как же не «голосить», не стонать и не плакать Петру Струве, когда он ясно видит, что *не выходит*, все еще не выходит у нас упорядоченной, скромной, умеренной и аккуратной, кучей и прочной «конституции»?

Струве хорошо знает, куда он идет. А Ф. Дан ничему не научился и ничего не забыл за три года революции. Он все еще, как слепой, тащит пролетариат под крылышко господ Струве. Он все еще бормочет те же реакционные меньшевистские речи, будто могут у нас пролетариат и буржуазия оказаться в качестве «главных политических сил»... против кого, почтеннейший? против Гучкова? против монархии?

До какого невероятного подкрашивания либералов доходит при этом Ф. Дан, показывает его немецкая статья. Немецкой публике он не стыдится даже рассказывать, что в III Думу мещанство городов выбирало «прогрессивных выборщиков» (сиречь кадетов), а крестьяне-де дали 40 % реакционных выборщиков! Да здравствуют «прогрессивные» Милюковы и Струве, аплодирующие Столыпину! Да здравствует союз Данов с Милюковыми против «реакционных» крестьян, проявляющих трудовицкий дух в третьей Думе!

И Плеханов фальсифицирует Энгельса в угоду все тех же реакционных меньшевистских теорий. Энгельс говорил, что тактика Маркса в 1848 году была *верна*, что она и только она действительно дала верные, прочные, незабвенные уроки пролетариату. Энгельс говорил, что эта тактика не удалась *несмотря* на то, что она была единственно верная, не удалась в силу недостаточной подготовленности пролетариата и недостаточной развитости капитализма^[31]. А Плеханов, точно в издевку над Энгельсом, точно для вящей потехи Бернштейнов и Стрельцовых, – толкует Энгельса так, будто он «каялся» в тактике Маркса! будто он потом признавал ее ошибочной и отдавал предпочтение тактике поддержки немецких кадетов!

Не скажет ли нам завтра Г. Плеханов, что Энгельс по поводу восстаний в 1849 году находил, что «не следовало браться за оружие»?

Маркс и Энгельс учили пролетариат революционной тактике, тактике развития борьбы до самых высоких форм, тактике, ведущей крестьянство за пролетариатом, а не пролетариат за либеральными предателями.

«Пролетарий» № 29, (29) 16 апреля 1908 г.

Печатается по тексту газеты «Пролетарий»

Блок кадетов с октябристами?

Частная телеграмма из Петербурга в газету «Frankfurter Zeitung»^[32] от 1 (14) апреля сообщает: «С конца марта ведутся тайные переговоры между октябристами^[33], умеренными правыми, кадетами и партией мирного обновления^[34] о том, нельзя ли им образовать *блок*. План исходит от октябристов, которые не могут уже рассчитывать на поддержку крайних правых. Эти последние, особенно недовольные октябристами из-за запроса насчет Думбадзе, намереваются голосовать вместе с оппозицией против центра. Такой прием затруднил бы работы Думы, ибо соединение крайней правой с оппозицией дает 217 голосов против 223 голосов центра и умеренных правых. Первое совещание (о блоке) состоялось 12-го апреля (30 марта ст. ст.). На нем присутствовало 30 избранных на основе пропорциональности доверенных людей. Ни к каким результатам это совещание не пришло, и постановлено было в течение ближайшей недели собрать новое совещание».

Насколько достоверно это известие, мы не знаем. Во всяком случае молчание русских газет не является доказательством против, и мы считаем необходимым осведомить наших читателей об информации заграничной прессы.

Принципиально нет ничего невероятного в том, что тайные переговоры ведутся. Кадеты всей своей политической историей, начиная с визита Струве к Витте в ноябре 1905 года, продолжая закулисными переговорами с Треповым и К^о летом 1906 года^[35] и так далее и так далее, *доказали*, что суть их тактики — забеганье с заднего крыльца ко власти имущим. Но, если бы даже это известие о переговорах оказалось неверным, — остается несомненным, что *на деле* в III Думе^[36] *существует* молчаливый блок кадетов с октябристами на основе поворота кадетов вправо. Целый ряд кадетских голосований в III Думе доказывает это неопровержимо, не говоря уже о содержании кадетских речей и характере их политических выступлений.

В III Думе *два* большинства, говорили мы еще до ее созыва (см. «Пролетарий» и резолюцию ноябрьской Всероссийской конференции РСДРП 1907 года^[37])⁵. И мы доказывали уже тогда, что уклоняться от признания этого факта (как делали меньшевики), а: главное — *от классовой характеристики кадетски-октябристского* большинства значит давать тащить себя на поводу буржуазного либерализма.

Классовая природа кадетов обнаруживает себя все яснее: кто не хотел видеть этого в 1906 году, того заставят факты *признать* это теперь, или скатиться целиком к оппортунизму.

«Пролетарий» № 29, (29) 16 апреля 1908 г.

Печатается по тексту газеты «Пролетарий»

⁵ См. Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 139–149 и 172–174. *Ред.*

К оценке русской революции^[38]

Никто не станет думать уже теперь в России о том, чтобы делать революцию по Марксу. Так, или приблизительно так, провозгласила недавно одна либеральная, — даже почти демократическая, — даже почти социал-демократическая, — (меньшевистская) газета, «Столичная Почта»^[39]. И надо отдать справедливость авторам этого изречения, что им удалось верно схватить *суть* того настроения в современной политике и того отношения к урокам нашей революции, которое безусловно господствует в самых широких кругах интеллигенции, полуобразованного мещанства, а пожалуй, и во многих слоях совсем необразованной мелкой буржуазии.

В этом изречении выражена ненависть не только к марксизму вообще с его непреклонным убеждением в революционной миссии пролетариата, с его беззаветной готовностью поддерживать всякое революционное движение широких масс, обострять борьбу и доводить ее до конца. Нет. Кроме того в этом изречении выражена ненависть к тем приемам борьбы, к тем методам действия, к той тактике, которые *на деле* испытаны *совсем недавно* в *практике* русской революции. Все те победы, — или полупобеды, четверть-победы, вернее сказать, — которые одержала наша революция, одержаны всецело и исключительно благодаря непосредственно-революционному натиску пролетариата, шедшего во главе непролетарских элементов трудящегося населения. Все поражения вызваны ослаблением такого натиска, связаны с тактикой, сторонящейся от него, рассчитанной на его отсутствие, а иногда (у кадетов) даже прямо на его устранение.

И теперь, в период разгула контрреволюционных репрессий, мещанство трусливо приспособляется к новым владыкам жизни, пристраивается к новым калифам на час, отрекается от старого, старается забыть его, уверяет себя и других, что никто не думает уже теперь в России делать революцию по Марксу, никто не помышляет о «диктатуре пролетариата» *и так далее*.

В других революциях буржуазии физическая победа старой власти над восставшим народом тоже вызывала всегда уныние и распад среди широких кругов «образованного» общества. Но среди буржуазных партий, боровшихся на деле за свободу, игравших сколько-нибудь заметную роль в действительно революционных событиях, всегда замечались иллюзии, обратные тем, которые царят сейчас среди интеллигентского мещанства в России. То были иллюзии неизбежной, немедленной *и* полной победы «свободы, равенства и братства», иллюзии насчет не буржуазной, а общечеловеческой республики, республики, водворявшей мир на земле и в человеке благоволение. То были иллюзии насчет отсутствия классовой розни внутри угнетенного монархией и средневековым порядком народа, насчет невозможности методами насилия победить «идею», насчет абсолютной противоположности отжившего феодализма и нового свободного, демократического, республиканского порядка, буржуазность которого не признавалась вовсе или признавалась до последней степени смутно.

Поэтому в контрреволюционные периоды представителям пролетариата, доработавшимся до точки зрения научного социализма, приходилось бороться (как, например, Марксу и Энгельсу в 1850 году) против иллюзий буржуазных республиканцев, против идеалистического понимания традиций революции и ее сущности, против поверхностных фраз, заманивавших выдержанную и серьезную работу в среде определенного класса^[40]. У нас наоборот. Мы не видим иллюзий примитивного республиканизма, которые бы тормозили насущное дело продолжения революционной работы при новых, изменившихся условиях. Мы не видим *преувеличения* значения республики, превращения этого необходимого лозунга борьбы с феодализмом и монархией в лозунг всей и всяческой освободительной борьбы всех трудящихся и эксплуатируемых вообще. Социалисты-революционеры^[41] и родственные им

группы, которые вскармливали *подобные* этим идеи, остались горстками, и период трехлетней революционной бури (1905–1907) принес им вместо широкого увлечения республиканизмом новую партию *оппортунистического* мещанства, энесов^[42], новое усиление антиполитического бунтарства и анархизма.

В мещанской Германии на другой день после первого натиска революции в 1848 году ярко сказались иллюзии мелкобуржуазной республиканской демократии. В мещанской России на другой день после натиска революции в 1905 году ярко сказались и все сказываются иллюзии мелкобуржуазного оппортунизма, который надеялся добиться компромисса без борьбы, боялся борьбы и после первого поражения торопился отречься от своего прошлого, заражал общественную атмосферу унынием, малодушием и ренегатством.

Очевидно, что это различие происходит от различия в социальном строе и в исторической обстановке обеих революций. Но дело не в том, чтобы масса мелкобуржуазного населения России находилась в менее остром противоречии со старым порядком. Как раз наоборот. Наше крестьянство создало в первый же период русской революции аграрное движение несравненно более сильное, определенное, политически сознательное, чем в предыдущих буржуазных революциях XIX века. Дело в том, что тот слой, который составлял ядро революционной демократии в Европе, – цеховое городское ремесло, городская буржуазия и мелкая буржуазия, – в России *должны были* повернуть к контрреволюционному либерализму. Сознательность социалистического пролетариата, идущего рука об руку с международной армией социалистического переворота в Европе, – крайняя революционность мужика, доведенного вековым гнетом крепостников до самого отчаянного положения и до требования конфискации помещичьих земель, – вот какие обстоятельства бросили русский либерализм гораздо сильнее, чем европейский, в объятия контрреволюции. На русский рабочий класс поэтому с особенной силой легла задача: сохранить традиции революционной борьбы, от которой спешат отречься интеллигенция и мещанство, развить и укрепить эти традиции, внедрить их в сознание широких масс народа, донести их до следующего подъема неизбежного демократического движения.

Сами рабочие стихийно ведут именно такую линию. Они слишком страстно переживали великую октябрьскую и декабрьскую борьбу. Они слишком явно видели изменение своего положения *только* в зависимости от этой непосредственно революционной борьбы. Они говорят теперь или, по крайней мере, чувствуют все, как тот ткач, который заявил в письме в свой профессиональный орган: фабриканты отобрали наши завоевания, подмастерья опять по-прежнему издеваются над нами, *погодите, придет опять 1905 год*.

Погодите, придет опять 1905 год. Вот как смотрят рабочие. Для них этот год борьбы дал образец того, *что делать*. Для интеллигенции и ренегатствующего мещанства, это – «сумасшедший год», это образец того, *чего не делать*. Для пролетариата переработка и критическое усвоение опыта революции должны состоять в том, чтобы научиться применять *тогдашние* методы борьбы *более успешно*, чтобы ту же октябрьскую стачечную и декабрьскую вооруженную борьбу сделать более широкой, более сосредоточенной, более сознательной. Для контрреволюционного либерализма, ведущего за собой на поводу ренегатствующую интеллигенцию, усвоение опыта революции должно состоять в том, чтобы навсегда отделаться от «наивной» порывистости «дикой» массовой борьбы, заменив ее «культурной, цивилизованной» *конституционной* работой на почве столыпинского «конституционализма».

Теперь все и каждый говорит об усвоении и критической проверке опыта революции. Говорят об этом социалисты и либералы. Говорят оппортунисты и революционные социал-демократы. Но не все понимают, что именно между двумя *указанными* противоположностями колеблются все многообразные рецепты усвоения революционного опыта. Не все ясно ставят вопрос, – опыт революционной ли борьбы должны мы усвоить и помочь массам усво-

ить для более выдержанной, упорной и более решительной борьбы, — или «опыт» кадетского предательства революции должны мы усваивать и передавать массам?

Карл Каутский подошел к этому вопросу в его основной теоретической постановке. Во втором издании своей известной, переведенной на все главные европейские языки, работы «Социальная революция» он сделал ряд дополнений и изменений, касающихся опыта русской революции. Предисловие ко второму изданию помечено октябрём 1906 года, значит, перед автором был уже материал для суждения не только о «буре и натиске» 1905 года, но и о главных событиях «кадетского периода» нашей революции, об эпохе всеобщего (почти всеобщего) увлечения избирательными победами кадетов и первой Думой.

Какие же вопросы из опыта русской революции счел Каутский достаточно крупными и основными, — или настолько важными, по крайней мере, чтобы дать *новый* материал марксисту, изучающему *вообще* «формы и оружия социальной революции» (как гласит заголовок параграфа седьмого в работе Каутского, т. е. именно дополненного по указаниям опыта 1905–1906 годов параграфа)?

Автор взял два вопроса.

Во-первых, вопрос о классовом составе тех сил, которые *способны* одержать победу в русской революции, сделать ее действительно победоносной революцией.

Во-вторых, вопрос о значении тех высших по направлению революционной энергии и по их наступательному характеру форм борьбы масс, которые выдвинула русская революция, именно: декабрьской борьбы, т. е. вооруженного восстания.

Всякий, сколько-нибудь вдумчиво относящийся к событиям русской революции социалист (в особенности же марксист) должен будет признать, что это действительно коренные, краеугольные вопросы в оценке русской революции, а также в оценке той тактической линии, которая предписывается рабочей партии теперешним положением вещей. Если мы не дадим себе полного, ясного отчета в том, какие классы *способны*, в силу объективно-экономических условий, сделать победоносной русскую буржуазную революцию, то наши слова о стремлении сделать эту революцию победоносной будут пустыми фразами, одной только демократической декламацией, наша тактика в буржуазной революции будет неизбежно беспринципной и колеблющейся.

С другой стороны, для конкретного определения тактики революционной партии в самые бурные времена переживаемого страной общенационального кризиса явно недостаточно одного указания на те классы, которые способны *действовать* в духе победоносного завершения революции. Революционные периоды тем и отличаются от периодов так называемого мирного развития, от периодов, когда экономические условия не вызывают глубоких кризисов, не порождают мощных массовых движений, что *формы* борьбы в периоды первого вида неизбежно бывают *гораздо разнообразнее* с преобладанием непосредственно-революционной борьбы масс над пропагандистско-агитационной деятельностью вожаков в парламенте, прессе и т. п. Поэтому, если при оценке революционных периодов мы ограничимся определением *линии* действия разных классов, не анализируя *форм* их борьбы, то наше рассуждение с научной стороны будет неполно, недиалектично, а с практически-политической стороны оно выродится в *мертвое резонёрство* (каким, в скобках сказать, и пробавляется на девять десятых тов. Плеханов в своих писаниях о тактике с.-д. в русской революции).

Чтобы оценить революцию действительно по-марксистски, с точки зрения диалектического материализма, надо оценить ее, как борьбу живых общественных сил, поставленных в такие-то объективные условия, действующих так-то и применяющих с большим или меньшим успехом такие-то формы борьбы. На почве такого анализа и, разумеется, лишь на этой почве вполне уместна, мало того, необходима для марксиста и оценка *технической* стороны борьбы, технических вопросов ее. Признавать определенную форму борьбы и не признавать необходимость учиться ее технике, — это все равно, как если бы мы признали

нужным участвовать в *данных* выборах, не считаясь с законом, предписывающим технику *этих* выборов.

Перейдем теперь к ответу Каутского на оба поставленные выше вопроса, возбуждавшие, как известно, очень длинные и горячие споры среди русских с.-д. в течение *всего* периода революции, начиная с весны 1905 года, когда большевистский третий съезд РСДРП в Лондоне^[43] и одновременная меньшевистская конференция в Женеве^[44] установили в точных резолюциях принципиальные основы своей тактики, и кончая Лондонским съездом объединенной РСДРП весной 1907 г.^[45]

На первый вопрос Каутский дает следующий ответ. В Западной Европе, говорит он, пролетариат вмещает в себя большую массу населения. Поэтому победа демократии в теперешней Европе означает политическое господство пролетариата. «В России, при ее преобладающем крестьянском населении, этого нельзя ожидать. Конечно, победа социал-демократии в близком (по-немецки: *absehbar*, т. е. таком, которое можно обозреть, охватить взором) будущем не исключена и в России, но эта победа могла бы быть лишь делом союза (Koalition) пролетариата и крестьянства». И Каутский высказывает даже, что такая победа неизбежно дала бы могучий толчок пролетарской революции в Западной Европе.

Таким образом мы видим, что понятие буржуазной революции недостаточно еще определяет те силы, которые могут одержать победу в такой революции. Возможны и бывали такие буржуазные революции, в которых торговая или торгово-промышленная буржуазия играла роль главной движущей силы. Победа подобных революций была возможна, как победа соответствующего слоя буржуазии над ее противниками (вроде привилегированного дворянства или неограниченной монархии). Иначе обстоит дело в России. Победа буржуазной революции у нас невозможна, *как победа буржуазии*. Это кажется парадоксальным, но это факт. Преобладание крестьянского населения, страшная придавленность его крепостническим (наполовину) крупным землевладением, сила и сознательность организованного уже в социалистическую партию пролетариата, – все эти обстоятельства придают *нашей* буржуазной революции *особый* характер. Эта особенность не устраняет буржуазного характера революции (как пытались представить дело Мартов и Плеханов в своих более чем неудачных замечаниях о позиции Каутского). Эта особенность обуславливает лишь контрреволюционный характер нашей буржуазии и необходимость диктатуры пролетариата и крестьянства для победы *в такой* революции. Ибо «коалиция пролетариата и крестьянства», одерживающая *победу* в буржуазной революции, и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Это положение есть исходный пункт тактических разногласий внутри с.-д. во время революции. Только приняв его во внимание, можно понять все частные споры (по вопросу о поддержке кадетов вообще, о левом блоке и его характере и т. д.) и столкновения по отдельным случаям. Только в этом основном тактическом разногласии, отнюдь не в «боевизме» или «бойкотизме», как думают иногда несведущие люди, заключается *источник* расхождения большевиков и меньшевиков в первый период революции (1905–1907 годы).

И нельзя достаточно настаивать на необходимости исследовать этот источник разногласия со всем вниманием, разобрать с *указанной точки зрения* опыт обеих Дум и непосредственной крестьянской борьбы. Если мы не сделаем такой работы *теперь*, – мы не в состоянии будем ни одного шага сделать в области тактики при следующем подъеме движения, без того, чтобы возбуждать старые споры или плодить фракционные конфликты и разлад внутри партии. Отношение социал-демократии к либерализму и к крестьянской буржуазной демократии должно быть установлено на основании опыта русской революции. Иначе принципиально-выдержанной тактики пролетариата у нас не будет. «Союз пролетариата и крестьянства», заметим кстати, ни в каком случае нельзя понимать в смысле слияния различных классов или партий пролетариата и крестьянства. Не только слияние, но и

всякое длительное соглашение было бы губительно для социалистической партии рабочего класса и *ослабило* бы революционно-демократическую борьбу. Что крестьянство неизбежно колеблется между либеральной буржуазией и пролетариатом, это вытекает из его классового положения, а наша революция дала массу примеров тому в самых различных областях борьбы (бойкот виттевской Думы; выборы; трудовики в I и II Думах и т. д.). Только ведя безусловно самостоятельную политику авангарда революции, пролетариат в состоянии будет откалывать крестьянство от либералов, высвобождать его из-под их влияния, вести за собой в ходе борьбы и осуществлять таким образом «союз» *на деле*, союз тогда и постольку, когда и поскольку крестьянство революционно борется. Не заигрыванья с трудовиками, а беспощадная критика их слабостей и шатаний, пропаганда идеи республиканской и революционной крестьянской партии могут осуществить «союз» пролетариата и крестьянства для *победы* над общими врагами, а не для игры в блоки и в соглашения.

Указанный нами особый характер русской буржуазной революции выделяет ее из числа других буржуазных революций нового времени, но сближает ее с *великими* буржуазными революциями старых времен, когда крестьянство играло выдающуюся революционную роль. В этом отношении в высшей степени заслуживает внимания то, что писал Фридрих Энгельс в своей замечательно глубокой и богатой мыслями статье «Об историческом материализме» (английское предисловие к «Развитию социализма от утопии к науке», переведенное самим Энгельсом на немецкий язык в «Neue Zeit», 1892–1893, год XI, том 1). «Оригинальное явление, – говорит Энгельс, – во всех трех великих буржуазных революциях» (реформация в Германии и крестьянская война XVI века; английская революция XVII века; французская XVIII века) «боевой армией являются крестьяне. И именно крестьяне оказываются тем классом, который после завоеванной победы разоряется неизбежно вследствие экономических последствий этой победы. Сто лет спустя после Кромвеля английское йоменри (yeomanry – крестьянство) почти совершенно исчезло. А между тем исключительно благодаря вмешательству этого йоменри и плебейского элемента городов борьба была доведена до последнего решительного конца, и Карл I угодил на эшафот. Для того, чтобы буржуазия могла заполучить хотя бы те только плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора их, – для этого было необходимо довести революцию значительно дальше такой цели. Совершенно то же самое было в 1793 году во Франции, в 1848 г. в Германии. По-видимому, таков на самом деле один из законов развития буржуазного общества». И в другом месте той же статьи Энгельс указывает, что французская революция была «первым восстанием, в котором борьба была доведена до конца, до полного уничтожения одной из борющихся сторон, именно аристократии, и до полной победы другой, именно буржуазии»^[46].

Оба исторические наблюдения или обобщения Энгельса замечательно подтвердились ходом русской революции. Подтвердилось и то, что только вмешательство крестьянства и пролетариата, «плебейского элемента городов», способно серьезно двигать вперед буржуазную революцию (если для Германии XVI века, Англии XVII и Франции XVIII века крестьянство можно поставить на первый план, то в России XX века безусловно необходимо перевернуть отношение, ибо без инициативы и руководства пролетариата крестьянство – ничто). Подтвердилось и то, что революцию надо довести *значительно дальше* ее непосредственных, ближайших, созревших уже вполне буржуазных целей, для того, чтобы действительно осуществить *эти* цели, чтобы бесповоротно закрепить минимальные буржуазные завоевания. Можно судить поэтому, с каким презрением отнесся бы Энгельс к мещанским рецептам заранее втиснуть революцию только в непосредственно-буржуазные, узкобуржуазные рамки, «чтобы не отшатнулась буржуазия», как говорили кавказские меньшевики в своей резолюции 1905 года, или чтобы была «гарантия от реставрации», как говорил в Стокгольме Плеханов!

Другой вопрос, об оценке декабрьского восстания 1905 года, Каутский разбирает в предисловии ко второму изданию своей брошюры. «Я не могу уже теперь, – пишет он, – с той определенностью, как в 1902 году, утверждать, что вооруженные восстания и баррикадные битвы не будут играть в грядущих революциях решающей роли. Против этого свидетельствует слишком явно опыт московской уличной борьбы, когда горстка людей в течение недели держалась против целой армии в баррикадной борьбе и почти одержала бы победу, если бы неудача революционного движения в других городах не дала возможности послать такие подкрепления армии, что, в конце концов, против инсургентов сосредоточена была чудовищно перевешивавшая их сила. Конечно, этот относительный успех баррикадной борьбы был возможен лишь потому, что городское население энергично поддерживало революционеров, а войска были совершенно деморализованы. Но кто может с определенностью утверждать, что нечто подобное невозможно в Западной Европе?»

Итак, почти год спустя после восстания, когда нельзя было уже увлекаться целью непосредственной поддержки бодрости духа борцов, такой осторожный исследователь, как Каутский, решительно признает московское восстание «относительным успехом» баррикадной борьбы и считает необходимым исправить свой общий вывод о том, что роль уличных сражений в революциях будущего не может быть велика.

Декабрьская борьба 1905 года *доказала*, что вооруженное восстание *может* победить при современных условиях военной техники и военной организации. Декабрьская борьба дала то, что все международное рабочее движение должно отныне считаться с вероятностью подобных же форм сражения в ближайших пролетарских революциях. Вот какие выводы действительно вытекают из опыта нашей революции, – вот какие уроки должны быть усвоены самыми широкими массами. Как далеки эти выводы и эти уроки от той *линии* рассуждений, которую дал Плеханов своим геростратовски-знаменитым отзывом о декабрьском восстании: «не надо было браться за оружие»^[47]. Какое море ренегатских комментариев вызвано было подобной оценкой! какое бесконечное количество грязных либеральных рук хваталось за него, чтобы нести разврат и дух мещанского компромисса в рабочие массы!

В оценке Плеханова нет ни грана исторической правды. Если Маркс, за полгода до Коммуны сказавший, что восстание будет безумием, сумел дать тем не менее оценку этого «безумия» как величайшего массового движения пролетариата XIX века, то в тысячу раз с большим правом русские социал-демократы должны нести теперь в массы убеждение в том, что декабрьская борьба была самым необходимым, самым законным, самым великим пролетарским движением после Коммуны. Рабочий класс России будет воспитываться именно в таких взглядах, – что бы ни говорили, как бы ни плакались те или иные интеллигенты в социал-демократии.

Здесь, может быть, необходимо замечание, принимая во внимание то, что статья эта пишется для польских товарищей. Не зная, к сожалению, польского языка, я знаком с польскими условиями только понаслышке. И легко можно возразить мне, что именно в Польше целая партия свернула себе шею на бессильной партизанщине, терроре и фейерверочных вспышках, и именно во имя повстанческих традиций и совместной борьбы пролетариата и крестьянства (так называемая «правица» ППС^[48]). Очень может быть, что с этой точки зрения польские условия действительно радикально разнятся от условий остальной России. Не могу о том судить. Должен, однако, заметить, что нигде кроме Польши не видели мы такого бессмысленного, вызывающего справедливый отпор и борьбу, уклонения от революционной тактики. И здесь сама собою приходит такая мысль: ведь именно в Польше не было той массовой вооруженной борьбы в декабре 1905 года! И разве не потому именно в Польше и только в Польше привилась извращенная и бессмысленная тактика анархизма, «делающего» революцию, не потому ли, что условия не позволили развиваться там, хотя бы на короткий момент, массовой вооруженной борьбе? Разве традиция *такой* именно борьбы, тради-

ция декабрьского вооруженного восстания, не является порою единственным серьезным средством для преодоления анархических тенденций внутри рабочей партии не с помощью шаблонной, филистерской, мещанской морали, а путем обращения от насилия бесцельного, бессмысленного, распыленного к насилию целевому, массовому, связанному с широким движением и обострением непосредственно пролетарской борьбы?

Вопрос об оценке нашей революции имеет отнюдь не теоретическое только, а и самое непосредственное, практически-злободневное значение. Вся наша работа пропаганды, агитации и организации непрерывно связана в настоящий момент с процессом усвоения самыми широкими массами рабочего класса и полупролетарского населения уроков великих 3-х лет. Мы не можем ограничиться в настоящий момент голым заявлением (в духе резолюциях съезда «левицы» ППС), что данные не позволяют сейчас установить, путь ли революционного взрыва или путь долгих, медленных, мелких шагов вперед лежит сейчас перед нами. Конечно, установить этого не сможет сейчас никакая статистика в мире. Конечно, нашу работу мы должны вести так, чтобы она была вся проникнута общим *социалистическим* духом и содержанием, какие бы тяжелые испытания ни готовило нам будущее. Но это еще не все. Остановиться на этом, значит не уметь дать никакого фактического руководства пролетарской партии. Мы должны прямо поставить и твердо решить вопрос, в каком направлении будем мы вести теперь работу переработки опыта трех лет революции? Мы должны заявить открыто и во всеуслышание, в поучение колеблющихся и падающих духом, в посрамление ренегатствующих и отходящих от социализма, что рабочая партия видит в непосредственно-революционной борьбе масс, в октябрьской и декабрьской борьбе 1905 года, величайшие движения пролетариата после Коммуны, что только в развитии таких форм борьбы лежит залог грядущих успехов революции, что эти образцы борьбы должны служить нам маяком в деле воспитания новых поколений борцов.

Ведя в таком направлении нашу повседневную работу и памятуя, что лишь многие годы серьезной и выдержанной подготовительной деятельности партии обеспечили ей полное влияние на пролетариат в 1905 году, — мы сумеем достигнуть того, что при любом развитии событий и темпе разложения самодержавия рабочий класс будет неуклонно крепнуть и вырастать в сознательную революционную социал-демократическую силу.

Напечатано в апреле 1908 г. в журнале «Przegląd Socjaldemokratyczny» № 2 Подпись:

Н. Ленин

На русском языке напечатано (23) 10 мая 1908 г. в газете «Пролетарий» № 30

Печатается по тексту газеты, сверенному с текстом журнала

Кадеты второго призыва

Корреспонденция из России, помещаемая в этом номере под заглавием «Научная хроника», заслуживает особого внимания читателей. Мы получили – перед самым выходом нашей газеты – подтверждение тех фактов, о которых говорит корреспондент, и должны остановиться на них подробнее.

Зарождается новая политическая организация; наблюдается некоторый новый поворот общественного движения. Группируются элементы буржуазной демократии, желающие быть «левее кадетов» и привлекающие к себе меньшевиков и социалистов-революционеров. Пробивается как будто некоторое смутное сознание того, что кадетская оппозиция в третьей Думе есть разлагающийся труп и что необходимо «что-то делать» помимо ее.

Таковы факты. Они далеко, далеко не отличаются еще определенностью, но они уже намечают явления понятные и неизбежные с точки зрения тех уроков, которые дали первые три года революции.

Кадеты первого призыва появились на открытой сцене революции летом 1905 года. Они успели за три неполных года отцвести, – не успевши расцвести. На их смену появляются кадеты второго призыва. В чем смысл этой смены и какие задачи ставит она перед рабочей партией?

Кадеты первого призыва шумели на банкетах 1904 года, вели земскую кампанию, выражали начало общественного подъема при совершенно неопределившихся еще отношениях классов к самодержавию и между собою, т. е. до того времени, когда открытая борьба масс и политика классов, а не группок, определила эти отношения. Кадеты группировали тогда все и всяческие элементы буржуазного, так называемого образованного общества, начиная с помещика, добивавшегося не столько конституции, сколько севрюжины с хреном, и кончая служащей, наемной интеллигенцией. Кадеты готовились *посредничать* между «исторической властью», т. е. царским самодержавием, и борющимися массами рабочего класса и крестьянства. Депутация к царю летом 1905 года была началом этого низкопоклонства, – ибо иного посредничества, кроме низкопоклонства, не понимают русские либералы. И с тех пор не было буквально ни одного сколько-нибудь крупного этапа русской революции, когда бы буржуазный либерализм не «посредничал» тем же методом поклонов самодержавию и слугам черносотенной помещичьей шайки. В августе 1905 года он боролся с революционной тактикой бойкота булыгинской Думы. В октябре 1905 года он выделил открыто контрреволюционную партию октябристов, посылая в то же время Петра Струве в переднюю к Витте и проповедуя умеренность и аккуратность. В ноябре 1905 года он осуждал почтово-телеграфную стачку и соболезновал по поводу «ужасов» солдатских восстаний. В декабре 1905 года он пугливо жался к Дубасову, с тем, чтобы на другой день громить (лягать – надо бы, пожалуй, сказать) «стихию безумия». В начале 1906 года он горячо защищался от «позорного» подозрения, будто либералы способны агитировать за границей против миллиардного займа для укрепления самодержавия. В первой Думе либерализм фразерствовал о народной свободе, под сурдинку забегая с заднего крыльца к Трепову и борясь с трудовиками и рабочими депутатами. Выборгским манифестом^[49] он старался убить двух зайцев, лавировать так, чтобы можно было истолковать его поведение – смотря по надобности – и в духе поддержки революции и в духе борьбы с революцией. Нечего и говорить о второй и третьей Думах, где либерализм кадетов показал во всем блеске свою октябристскую природу.

За три года кадеты «отхозяйничали» настолько, что попытки нового оживления с самого начала связываются с лозунгом «левее кадетов»! Кадеты первого призыва *сделали себя невозможными*. Они похоронили себя своим сплошным предательством народной свободы.

Но не заражены ли тем же трупным ядом кадеты второго призыва, идущие на смену старых? Не намереваются ли «социал-кадеты», гг. народные социалисты, которые особенно шумят около новой организации, повторить старую, знакомую уже нам по опыту трех лет, эволюцию?

На этот вопрос надо ответить не гаданиями о будущем, а анализом прошлого. И этот анализ неопровержимо показывает, что «эсеровские меньшевики», гг. народные социалисты действительно играли роль кадетов в той среде трудовицкой, крестьянской политической организации или, вернее, политического движения, в которой они действовали в свои «лучшие дни», например, в эпоху первой Думы. Припомните главные факты из истории «партии» (группка?) народных социалистов в русской революции. В «Союзе освобождения»^[50] они получили свое крещение. На съезде партии эсеров в декабре 1905 года они – вечно колеблющиеся между кадетами и эсерами – защищали нелепую межеумочную позицию, желая быть и вместе и врозь с социалистами-революционерами. В период октябрьских свобод они вели политические газеты в блоке с с.-р. То же в эпоху первой Думы: «высшая» дипломатия, «хитрое» прикрывание разногласий от глаз света! После разгона первой Думы, после неудачи второй полосы восстаний, после подавления Свеаборга^[51] сии джентльмены *решаются* – повернуть вправо. Они «легализируют» свою партию не для чего иного, разумеется, как для того, чтобы в печати легально разносить идею восстания и доказывать несвоевременность активной республиканской пропаганды. Перед крестьянскими депутатами в первой Думе они одерживают победу над эсерами, собирая 104 подписи под своим аграрным проектом^[52] против 33 эсеровских^[53]. «Трезвые» буржуазные стремления крестьянского хозяйчика к национализации земли берут верх над туманом «социализации». Вместо стремления к политически-революционной организации крестьян, организации для восстания, мы видим у социал-кадетов стремление к игре в легальность и в парламентаризм, к узкой интеллигентской кружковщине. Колебание русского крестьянина от кадета и от интеллигентского оппортуниста энеса к интеллигентски невыдержанному революционеру эсеру знаменует собой двойственное положение мелкого земледельца, его неспособность без руководства со стороны пролетариата вести выдержанную классовую борьбу.

И если теперь господа энесы снова начинают «путаться» с левыми кадетами, таща за собой несмышленишней – меньшевиков и эсеров, то это значит, что вся компания ничему не научилась за три года революции. Они толкуют, что экономические требования разъединяют. Они хотят объединиться на более близких – политических. Они ровно ничего не поняли в ходе революции, показавшей в России, как и в других странах, что только массовая борьба сильна и что только во имя серьезных экономических преобразований может развернуться такая борьба.

Что меньшевики и эсеры паки и паки тянутся за левыми кадетами, это не новость. Так было на выборах в II Думу в Петербурге. Так было в вопросе о кадетском министерстве и о полновластной Думе у одних, – в тайном блоке с энесами у других. Есть, очевидно, глубокие причины, которые создают у мещанской интеллигенции «влечение род недуга», влечение под крылышко либеральной буржуазии.

Это влечение прикрывают, конечно, как водится, речами об использовании нового подъема или новой группировки сил и т. п.

О да, господа, мы тоже стоим за использование... трупа – только не для «оживления» его, а для удобрения им почвы, не для потакательства гнилым теориям и филистерским настроениям, а для роли «адвоката дьявола». Мы будем учить народ на этом новом, хорошем, превосходном примере энесов и левых кадетов, учить тому, чего не делать, также избегать кадетского предательства и мещанской дряблости. Мы будем следить внимательно за ростом и развитием этого нового уродика (если он не мертворожденный), – напоминая ежечасно, что всякий такой зародыш, *если он не мертворожденный*, неминуемо и неизбежно означает

в современной России преддверие массовой борьбы рабочего класса и крестьянства. «Союз освобождения» возрождается. Если так, это значит, что верхи начинают что-то чувствовать. А если так, это значит, что за началом грядет продолжение, за интеллигентской суетней – пролетарская борьба.

И урокам борьбы, урокам революционного сближения только на борьбе и только с революционно борющимися крестьянскими массами, будем мы учить народ по поводу выхода на сцену кадетов второго призыва.

«Пролетарий» № 30, (23) 10 мая 1908 г.

Печатается по тексту газеты «Пролетарий»

Аграрный вопрос в России к концу XIX века^[54]

Написано в первой половине 1908 г.

Впервые напечатано в 1918 г. отдельной брошюрой, изданной в Москве издательством «Жизнь и знание»

Печатается по тексту брошюры

Задача настоящей статьи – дать краткий очерк всей совокупности общественно-экономических отношений в русском сельском хозяйстве. Такая работа не может носить характера специального исследования. Она должна подвести итоги марксистскому исследованию, указать место каждой сколько-нибудь крупной черты нашей сельскохозяйственной экономики в общем строе русского народного хозяйства, обрисовать общую линию развития аграрных отношений в России и вскрыть те классовые силы, которые определяют так или иначе это развитие. Мы рассмотрим поэтому с указанной точки зрения землевладение в России, затем помещичье и крестьянское хозяйство, а в заключение дадим общие выводы о том, к чему привела наша эволюция в течение XIX века и какие задачи завещала она XX веку.

I

Землевладение в Европейской России к концу XIX века мы можем обрисовать по данным новейшей поземельной статистики 1905 года (издание Центрального статистического комитета, СПб. 1907^[55]).

Всего земель в Евр. России было на учете по этому исследованию 395,2 миллиона десятин. Распределение их на три основные группы таково:

I группа — частные владения	101,7	млн.	дес.
II » » наделън. земли	138,8	»	»
III » » земли казны и пр	154,7	»	»
<i>Всего в Европ. России</i>	<i>395,2</i>	<i>млн.</i>	<i>дес.</i>

Надо сказать, что в число казенных земель наша статистика вводит свыше сотни миллионов десятин на дальнем севере, в губерниях Архангельской, Олонецкой и Вологодской. Громадную долю казенных земель надо выбрасывать, раз речь идет о действительном сельскохозяйственном фонде Европейской России. В своей работе об аграрной программе социал-демократов в русской революции (работа эта написана в конце 1907 г., но выход ее в свет задержался по не зависящим от автора обстоятельствам) я определяю действительный сельскохозяйственный фонд Европейской России приблизительно в 280 млн. десятин. Из казенных земель сюда входит не полтора миллиона, а всего 39,5 млн. десятин. Следовательно, вне собственности помещичьей и крестьянской остается в Европейской России *менее одной седьмой* доли земельной площади. Шесть седьмых находится в руках двух антагонистических классов.

Посмотрим на землевладение этих классов, различающихся между собою и как сословия, ибо большая часть частновладельческих земель дворянские земли, а наделные земли — крестьянские. Из 101,7 млн. дес. частновладельческой земли 15,8 млн. принадлежат обществам и товариществам, а остальные 85,9 млн. дес. находятся в личной собственности. Вот распределение этой последней по сословиям за 1905 и, параллельно, за 1877 год:

Сословия владельцев	Принадлежит				В 1905 году увеличилось + уменьшилось —	
	в 1905 г.		в 1877 г.		млн. дес.	во сколь- ко раз
Дворянам	53,2	61,9	73,1	79,9	— 19,9	— 1,40
Духовным лицам	0,3	0,4	0,2	0,2	+ 0,1	+ 1,74
Купцам и почетн. гр	12,9	15,0	9,8	10,7	+ 3,1	+ 1,30
Мещанам	3,8	4,4	1,9	2,1	+ 1,9	+ 1,85
Крестьянам	13,2	15,4	5,8	6,3	+ 7,4	+ 2,21
Прочим сословиям	2,2	2,5	0,3	0,3	+ 1,9	+ 8,07
Иностранн. поддан	0,3	0,4	0,4	0,5	— 0,1	— 1,52
<i>Всего личным собственникам</i>	85,9	100,0	91,5	100,0	— 5,6	— 1,09

Итак, главные личные собственники в России дворяне. Им принадлежит громадное количество земель. Но направление развития состоит в том, что дворянское землевладение уменьшается. Растет и чрезвычайно быстро растет бессословность землевладения. Всего быстрее за период 1877–1905 годов увеличилось землевладение «прочих сословий» (в восемь раз за 28 лет) и затем крестьян (более чем вдвое). Крестьяне все более и более выделяют, следовательно, такие социальные элементы, которые превращаются в частных поземельных собственников. Это факт общий. И мы должны будем, при анализе крестьянского хозяйства, вскрыть тот общественно-экономический механизм, который производит такое выделение. Пока необходимо точно установить, что развитие частной поземельной собственности в России состоит в переходе от сословности к бессословности. К концу XIX века феодальная или крепостническая земельная собственность дворянства продолжает обнимать громадное большинство всей частной поземельной собственности, но развитие идет явно к созданию буржуазной частной собственности на землю. Убывает частное землевладение, приобретаемое по наследству от дружинников, вотчинников, служилых людей и т. п. Возрастает частное землевладение, приобретаемое просто-напросто за деньги. Убывает власть земли, растет власть денег. Земля все больше и больше втягивается в торговый оборот; в дальнейшем изложении мы увидим, что размеры этого втягивания еще во много раз сильнее, чем показывают одни только данные о землевладении.

Но до какой степени сильна еще «власть земли», т. е. власть средневекового землевладения крепостников-помещиков в России к концу XIX века, это особенно наглядно видно из данных о распределении частной поземельной собственности по размерам владения. Источник, которым мы пользуемся, выделяет особенно подробно данные о крупнейшем частном землевладении. Вот общее распределение по размерам владения:

Группы владений		Владений	Земли десятин	В среднем на 1 владение дес.
10	дес. и менее	409 864	1 625 226	3,9
10 —	50 »	209 119	4 891 031	23,4
50 —	500 »	106 065	17 326 495	163,3
500 —	2 000 »	21 748	20 590 708	947
2 000 —	10 000 »	5 386	20 602 109	3 825
Свыше	10 000 »	699	20 798 504	29 754
<i>Всего свыше 500 дес.</i>		27 833	61 991 321	2 227
<i>Итого в Европ. России</i>		752 881	85 834 073	114

Отсюда видно, что в частном личном землевладении мелкая собственность играет ничтожную роль. Шесть седьмых всего числа землевладельцев, 619 тысяч из 753 тыс., владеют всего $6\frac{1}{2}$ млн. десятин. Наоборот, латифундии имеются необъятные: *семьсот* собственников владеют *в среднем по тридцать тысяч десятин* каждый. У этих семисот человек втрое больше земли, чем у шестисот тысяч мелких землевладельцев. И латифундии вообще составляют отличительную черту русского частного землевладения. Выделяя все владения свыше 500 десятин, получаем двадцать восемь тысяч собственников, владеющих 62 миллионами десятин, т. е. в среднем по 2 227 дес. на каждого. В руках этих 28 тысяч три четверти всего частного землевладения⁶. По сословиям владельцев эти громадные латифундии преимущественно дворянские. Из 27 833 владений 18 102, т. е. почти две трети, принадлежат дворянам, и земли у них $44\frac{1}{2}$ млн. дес, т. е. свыше 70 % всего количества земли под латифундиями. Ясно, таким образом, что в России к концу XIX века громадное количество земель — и притом, как известно, лучших по качеству земель — сосредоточено по-прежнему (по-средневековому) в руках привилегированного дворянского сословия, в руках вчерашних крепостников-помещиков. О том, какие формы хозяйства складываются на таких латифундиях, мы будем подробно говорить ниже. Теперь же добавим лишь краткое указание на тот общеизвестный факт, в литературе ярко обрисованный г. Рубакиным, что высшие сановники бюрократии фигурируют один за другим в числе этих владельцев дворянских латифундий^[56].

Перейдем к надельному землевладению. За исключением 1,9 млн. дес. не распределенных по размерам землевладения, остальная масса, 136,9 млн. дес. находится во владении $12\frac{1}{4}$ миллиона крестьянских дворов. В среднем это дает по 11,1 дес. на двор. Но и надельная земля распределена неравномерно: почти половина ее, 64 млн. дес. из 137, находится в руках 2,1 миллиона богатых земель дворов, т. е. *одной шестой* общего числа.

Вот сводные данные о распределении надельной земли в Европейской России:

⁶ Чтобы не пестрить текста цитатами, отмечим здесь сразу, что большинство данных взято из вышеуказанной работы и из «Развития капитализма в России», 2-ое изд. СПб., 1908. (См. Сочинения, 5 изд., том 3. Ред.)

Группы дворов		Дворов	Десятин	В среднем на 1 двор дес.
До 5	дес.	2 857 650	9 030 333	3,1
5 — 8	»	3 317 601	21 706 550	6,5
<i>Всего до 8 дес.</i>		6 175 251	30 736 883	4,9
8 — 15	дес.	3 932 485	42 182 923	10,7
15 — 30	»	1 551 904	31 271 922	20,1
Свыше 30	»	617 715	32 695 510	52,9
<i>Итого в Европ. России</i>		12 277 355	136 887 238	11,1

Итак, больше половины наделных дворов — 6,2 млн. из 12,3 — имеют до 8 дес. на двор. В общем и среднем по всей России это — количество, безусловно недостаточное для содержания семьи. Чтобы судить о хозяйственном положении этих дворов, напомним общие данные военно-конских переписей (единственной статистики, охватывающей периодически и регулярно всю Россию). По 48 губерниям Европейской России, т. е. за исключением Донской области и Архангельской губернии, в 1896–1900 годах насчитано было 11 112 287 крестьянских дворов. Из них безлошадных оказалось 3 242 462, т. е. 29,2 %. Однолошадных 3 361 778 дворов, т. е. 30,3 %. Известно, что такое безлошадный крестьянин в России (разумеется, мы берем здесь валовые итоги, а не какие-нибудь исключительные районы молочного хозяйства в пригородах, табаководства и т. п.). Известна также нужда и нищета крестьянина однолошадного. Шестимиллионная масса дворов — это значит от 24 до 30 миллионов населения. И все это население — пауперы, нищие, наделенные ничтожными клочками земли, с которых нельзя жить, на которых можно только умирать голодной смертью. Если предположить, что для сведения концов с концами в земельном состоятельном хозяйстве нужны не менее 15 дес, то получим 10 млн. крестьянских дворов, стоящих ниже этого уровня, и у них 72,9 миллиона десятин земли.

Далее. По отношению к наделному землевладению необходимо отметить одну, чрезвычайно важную, черту его. Неравномерность распределения наделной земли между крестьянами неизмеримо меньше, чем неравномерность распределения частновладельческой земли. Но зато среди наделных крестьян есть масса другого рода различий, делений, перегородок. Это — различия между разрядами крестьян, исторически сложившимися в течение долгих веков. Чтобы показать наглядно эти перегородки, возьмем сначала огульные данные по всей Европейской России. Статистика 1905 года дает такие основные разряды. Крестьяне бывшие владельческие — в среднем по 6,7 дес. наделной земли на двор. Бывшие государственные — 12,5 дес. Бывшие удельные — 9,5 дес. Колонисты — 20,2 дес. Чиншевики — 3,1 дес. Резеши — 5,3 дес. Башкиры и тептяри^[57] — 28,3 дес. Прибалтийские крестьяне — 36,9 дес. Казаки — 52,7 дес. Уже отсюда видно, что наделное землевладение крестьян — чисто средневековое. Крепостное право до сих пор живет в той массе перегородок, которые остались между крестьянами. Разряды отличаются между собой не только количеством земли, но и размерами платежей, условиями выкупа, характером землевладения и т. д. Возьмем вместо огульных данных о всей России данные по одной губернии, и мы увидим тогда, что значат все эти перегородки. Вот земско-статистический сборник по Саратовской губернии. Кроме общерусских разрядов, т. е. упомянутых уже нами выше, мы видим здесь, что местные исследователи отличают разряды крестьян дарственников, полных собственников, государственных с общинным владением, государственных с четвертным владением, государственных из помещичьих, арендаторов казенных участков, поселян-собственников, переселенцев, вольноотпущенников, безоброчных, свободных хлебопашцев, бывших фабричных и т. д.^[58]

Эта сеть средневековых перегородок доходит до того, что иногда крестьяне одной и той же деревни делятся на две совершенно различные категории «бывших г-на N. N.» и «бывших г-жи M. M.». Наши писатели либерально-народнического лагеря, не умеющие смотреть на русские хозяйственные отношения с точки зрения развития, как на смену крепостнических порядков буржуазными, обыкновенно игнорируют этот факт. На самом же деле история России XIX века и особенно ее непосредственный результат – события начала XX века в России – совершенно не могут быть поняты, если не оценить всего значения этого факта. Страна, в которой происходит рост обмена и развитие капитализма, не может не переживать кризисов всякого рода, если в главной отрасли народного хозяйства средневековые отношения являются на каждом шагу тормозом и помехой. Пресловутая община^[59], о значении которой нам еще придется говорить, не оберегая крестьянина от пролетаризации, на деле играет роль средневековой перегородки, разобщающей крестьян, точно прикованных к мелким союзам и к потерявшим всякий «смысл существования» разрядам.

Прежде чем переходить к заключительным выводам о землевладении в Европейской России, надо указать еще на одну сторону дела. Ни данные о количестве земли у «верхних 30 тысяч» помещиков и у миллионов крестьянских дворов, ни данные о средневековых перегородках в крестьянском землевладении недостаточны еще для учета действительных размеров того, до какой степени «утеснен», прижат и задавлен наш крестьянин живыми остатками крепостничества. Во-первых, земли, оставленные в надел крестьянам после той экспроприации крестьян в пользу помещиков, которая называется великой реформой 1861 года^[60], несравненно хуже качеством, чем земли помещичьи. Об этом свидетельствует вся громадная литература местных описаний и исследований земской статистики. Об этом имеются неопровержимые массовые данные, показывающие меньшую урожайность крестьянских земель по сравнению с помещичьими; общепризнано, что эта разница в первую голову зависит от худшего качества надельных земель и лишь затем от худшей обработки и от промахов нищенского крестьянского хозяйства. Во-вторых, в массе случаев земли крестьянам при «освобождении» их от земли помещиками в 1861 году отмежеваны таким образом, что крестьяне оказались в западне у «своего» помещика. Русская земско-статистическая литература обогатила науку политическую экономию описанием замечательно оригинального, самобытного, едва ли где-нибудь виданного еще на свете, способа ведения помещичьего хозяйства. Это – хозяйство *посредством отрезных земель*. Крестьяне «освобождены» в 1861 году от необходимых для их хозяйства водопоев, выгонов и т. п. Крестьянские земли вкrojены клином между помещичьими, так чтобы господам помещикам был обеспечен чрезвычайно верный – и чрезвычайно благородный – доход от взысканий за потравы и пр. «Куренка некуда выпустить», – эта горькая крестьянская правда, этот «юмор висельника» лучше всяких длинных цитат повествует о той особенности крестьянского землевладения, которая не поддается статистическому выражению. Нечего и говорить, что эта особенность есть чистейшей воды крепостничество, как по своему происхождению, так и по влиянию на способ организации помещичьего хозяйства.

Теперь мы перейдем к заключениям относительно землевладения в Европейской России. Мы показали условия помещичьего и крестьянского землевладения, взятых в отдельности. Мы должны взглянуть теперь на них в их связи. Для этого возьмем приведенную выше приблизительную цифру о величине земельного фонда в Европейской России – 280 млн. дес. – и посмотрим, как вся эта масса распределяется между земельными владениями разного типа. Каковы эти типы, будет показано подробно в дальнейшем изложении, и теперь, забегаая несколько вперед, мы возьмем основные типы предположительно. Земельные владения размером до 15 дес. на двор мы отнесем к первой группе – разоренное крестьянство, задавленное крепостнической эксплуатацией. Вторую группу составит среднее крестьянство – владение от 15 до 20 дес. Третью – зажиточное крестьянство (крестьянская буржуа-

зия) и капиталистическое землевладение, от 20 до 500 дес. Четвертую – крепостнические латифундии, – свыше 500 дес. Соединяя по этим группам и крестьянское и помещичье землевладение вместе и производя небольшие округления⁷ и примерные исчисления (подробно указываемые мною в названной выше работе), мы получим следующую картину русского землевладения к концу XIX века.

Землевладение в Европейской России к концу XIX века

	Число		На 1 владение дес.
	владений (в миллионах)	десятин	
а) Разоренное крестьянство, придавленное крепостнической эксплуатацией.....	10,5	75,0	7,0
б) Среднее крестьянство.....	1,0	15,0	15,0
в) Крестьянская буржуазия и капиталистическое землевладение.....	1,5	70,0	46,7
г) Крепостнические латифундии.....	0,03	70,0	2 333
<i>Всего</i>	13,03	230,0	17,6
Не распределено по размерам владений.....		50,0	
<i>Итого</i>	13,03	280,0	21,4

Повторяем: правильность экономической характеристики взятых здесь групп будет доказана в дальнейшем изложении. И если частности этой картины (которая по существу дела не может не быть приблизительной) вызовут критику, то мы попросим читателя внимательно следить за тем, чтобы за критикой частных нельзя было контрабандой провести отрицания *сути* дела. А эта суть дела состоит в том, что на одном полюсе русского землевладения мы имеем 10¹/₂ миллионов дворов (около 50 млн. населения) с 75 млн. десятин земли, а на другом полюсе *тридцать тысяч семей* (тысяч около полутораasta населения) с 70 млн. десятин земли.

Нам остается теперь, чтобы покончить с вопросом о землевладении, выйти за пределы Европейской собственно России и рассмотреть в общих чертах значение колонизации. Чтобы дать читателю некоторое представление о всем земельном фонде Российской империи (кроме Финляндии), воспользуемся данными г. Мертваго. Для наглядности мы приведем их в табличной форме и добавим цифры населения по переписи 1897 года. [См. таблицу на стр. 69. *Ред.*]

Из этих цифр ясно видно, как мало мы еще знаем об окраинах России. Конечно, думать о «решении» земельного вопроса внутренней России посредством переселения на окраины было бы верхом нелепости. Не подлежит ни малейшему сомнению, что предлагать такое «решение» могут только шарлатаны, что те противоречия старых латифундий в Европейской России новым условиям жизни и хозяйства в той же Европейской России, которые мы показали выше, должны быть «разрешены» тем или иным переворотом *в Европейской России*, а не вне ее. Не в том дело, чтобы переселением избавлять крестьян от крепостничества. Дело в том, что наряду с аграрным вопросом центра стоит аграрный вопрос колонизации. Не в том дело, чтобы заслонять кризис в Европейской России вопросом о колонизации, а в том, чтобы показать губительные результаты крепостнических латифундий *и* на центр *и* на

⁷ Например, к латифундиям добавлено сверх 62 млн. дес. помещичьих земель 5,1 млн. дес. удельных земель и 3,6 млн. дес. у 272 торгово-промышленных товариществ, имеющих каждое свыше 1000 десятин.

окраины. Русскую колонизацию *тормозят* остатки крепостничества в центре России. Иначе как аграрным переворотом в Европейской России, иначе как освобождением крестьян от гнета крепостнических латифундий *нельзя* освободить и урегулировать русской колонизации. Это урегулирование должно состоять не в бюрократических «заботах» о переселении и не в «организации переселений», о которой любят говорить писатели либерально-народнического лагеря, а в устранении тех условий, которые осуждают русского крестьянина на темноту, забитость и одичание в вечной кабале у владельцев латифундий.

	Всего земли		В том числе		В том числе угодия				Население 1897 г.	
	Кв. верст тысяч	Десятин млн.	Земли, о которой нет никаких сведений, млн. дес.	Земли на учете млн. дес.	Пашни	Повоса	Леса	Итого	Всего тыс.	На 1 кв. версту
10 губ. Царства Польского	111,6	11,6	—	11,6	7,4	0,9	2,5	10,8	9 402,2	84,3
38 губ. на запад от Волги ..	1 755,6	183,0	—	183,0	93,6	18,7	34,0	146,3	—	—
12 губ. на сев. и вост. от Волги ..	2 474,9	258,0	—	258,0	22,3	7,1	132,0	161,4	—	—
Итого 50 губ. Евр. России ..	4 230,5	441,0	—	441,0	115,9	25,8	166,0	307,7	93 442,9	22,1
Кавказ ..	411,7	42,9	22,1	20,8	6,5	2,2	2,5	11,2	9 289,4	22,6
Сибирь ..	10 966,1	1 142,6	639,7	502,9	4,3	3,9	121,0	129,2	5 758,8	0,5
Ср. Азия ..	3 141,6	327,3	157,4	169,9	0,9	1,6	8,0	10,5	7 746,7	2,5
Итого Азиатск. Россия	14 519,4	1 512,8	819,2	693,6	11,7	7,7	131,5	150,9	—	—
Всего Российск. империя ...	18 861,5	1 965,4	819,2	1 146,2	135,0	34,4	300,0	469,4	125 640,0	6,7

Г-н Мертваго в брошюре, написанной им вместе с г. Прокоповичем («Сколько в России земли, и как мы ею пользуемся?» М., 1907), справедливо указывает на то, что рост культуры превращает неудобные земли в удобные. Академики Бер и Гельмерсен, знатоки дела, писали в 1845 году, что таврические степи *«всегда будут принадлежать к беднейшим и неудобовосделываемым по климату и недостатку в воде!!»*^[61]. Тогда население Таврической губ. производило 1,8 млн. четвертей хлеба. Через 60 лет население удвоилось и производит 17,6 млн. четвертей, т. е. почти вдесятеро больше.

Это очень верное и важное рассуждение, но только г. Мертваго забыл одно: главным условием, позволившим быструю колонизацию Новороссии, было *падение крепостного права* в центре России. Только переворот в центре дал возможность быстро, широко, по-американски, заселить юг и индустриализировать его (про *американский* рост юга России после 1861 года говорено ведь очень и очень много). И теперь только переворот в Европейской России, только полное устранение в ней остатков крепостничества, избавление крестьян от средневековых латифундий в состоянии *действительно* открыть новую эру колонизации.

Колонизационный вопрос в России есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны. Конец XIX века ставит перед нами альтернативу: либо решительная ликвидация крепостничества в «исконных» русских губерниях; тогда быстрое, широкое, американское развитие колонизации наших окраин обеспечено. Либо затяжка аграрного вопроса в центре; тогда неизбежна долгая задержка в развитии производительных сил, сохранение крепостнических традиций и в колонизационном деле. В первом случае земледелие будет вести свободный фермер, во втором — кабальный мужик и «хозяйничающий» посредством отрезных земель барин.

II

Переходим к организации помещичьего хозяйства. Общеизвестно, что основной чертой этой организации является соединение капиталистической системы («вольный наем») с отработочной. Что же такое эта отработочная система?

Для ответа на этот вопрос необходимо взглянуть на организацию помещичьего хозяйства при крепостном праве. Всем известно, чем было крепостное право с точки зрения юридической, административной, бытовой. Но очень редко задаются вопросом о том, в чем была сущность экономических отношений помещиков и крестьян при крепостном праве. Крестьян наделяли тогда землей помещики. Иногда они ссужали крестьянам и другие средства производства, напр., лес, скот и т. п. Какое же значение имело это наделение крепостных крестьян помещичьей землей? Надел был тогда *формой заработной платы*, если говорить применительно к современным отношениям. В капиталистическом производстве заработная плата рабочему выплачивается деньгами. Прибыль капиталиста реализуется в виде денег. Необходимый и прибавочный труд (т. е. труд, оплачивающий содержание рабочего, и труд, дающий неоплаченную прибавочную стоимость капиталисту) соединены вместе в один процесс труда на фабрике, в один фабричный рабочий день и т. д. Иначе обстоит дело в барщинном хозяйстве. Необходимый и прибавочный труд есть и здесь, как есть он и в рабском хозяйстве. Но эти оба вида труда разделены во времени и в пространстве. Крепостной крестьянин три дня работает на барина, три дня на себя. На барина он работает на помещичьей земле или над помещичьим хлебом. На себя он работает на надельной земле, добывая сам для себя и для своей семьи тот хлеб, который необходим на содержание рабочей силы для помещика.

Следовательно, крепостная или барщинная система хозяйства одинакова с капиталистической в том отношении, что в обеих работник получает лишь продукт необходимого труда, отдавая продукт прибавочного труда без оплаты собственнику средств производства. Отличается же система крепостного хозяйства от капиталистической в трех следующих отношениях. Во-первых, крепостное хозяйство есть натуральное хозяйство, капиталистическое же – денежное. Во-вторых, в крепостном хозяйстве орудием эксплуатации является *прикрепление* работника к земле, наделение его землей, в капиталистическом же – освобождение работника от земли. Для получения дохода (т. е. прибавочного продукта) крепостник-помещик должен иметь на своей земле крестьянина, обладающего наделом, инвентарем, скотом. Безземельный, безлошадный, бесхозяйный крестьянин – негодный объект для крепостнической эксплуатации. Для получения дохода (прибыли) капиталист должен иметь перед собой именно безземельного, бесхозяйного работника, вынужденного продавать свою рабочую силу на свободном рынке труда. В-третьих, наделенный землей крестьянин должен быть *лично зависим* от помещика, ибо, обладая землей, он не пойдет на барскую работу иначе как *под принуждением*. Система хозяйства порождает здесь «внеэкономическое принуждение», крепостничество, зависимость юридическую, неполноправность и т. д. Напротив, «идеальный» капитализм есть полнейшая свобода договора на свободном рынке – между собственником и пролетарием.

Только отчетливо уяснив себе эту экономическую сущность крепостного или, что то же, барщинного хозяйства, мы можем понять историческое место и значение отработков. Отработки, это – прямой и непосредственный пережиток барщины. Отработки, это – переход от барщины к капитализму. Сущность отработков в том, что помещичьи земли обрабатывают крестьяне *своим инвентарем* за плату частью денежную, частью натурой (за землю, за отрезки, за выпас, за зимнюю ссуду и т. п.). Известная под именем *испольщины* форма хозяйства есть одна из разновидностей отработков. Для отработочного помещичьего хозяй-

ства *необходим* наделенный землей крестьянин, имеющий хоть самый плохенький живой и мертвый инвентарь; необходимо также, чтобы этот крестьянин был задавлен нуждой и шел в кабалу. Кабала вместо свободного найма есть необходимый спутник отработков. Помещик выступает здесь не как предприниматель-капиталист, владеющий деньгами и всей совокупностью орудий труда. Помещик выступает при отработках в качестве ростовщика, пользующегося нуждой соседнего крестьянина и приобретающего его труд втридешева.

Чтобы нагляднее показать это, возьмем данные департамента земледелия, – источник, стоящий выше всяких подозрений в недоброжелательстве к господам землевладельцам. Известное издание «Вольнонаемный труд в хозяйстве и т. д.» (вып. V «С.-х. и стат. свед., получ. от хозяев». СПб., 1892) дает сведения о средней черноземной полосе за 8 лет (1883–1891): средней платой за полную обработку крестьянским инвентарем одной десятины озимого хлеба надо считать 6 руб. Если же рассчитать стоимость тех же работ по вольному найму, то получаем – говорит то же издание – 6 р. 19 коп. только за пеший труд, *не считая* работы лошади; эту работу нельзя считать меньше 4 р. 50 к. (цит. изд., стр. 45; «Развитие капитализма в России», стр. 141⁸). Следовательно, вольнонаемная цена равняется 10 р. 69 к., отработочная же – 6 р. Как объяснить это явление, если оно представляет из себя не случайное, не единичное что-либо, а нормальное и обычное? Такие слова, как «кабала», «ростовщичество», «лихоимство» и т. п., описывают форму сделки и характер ее, но не объясняют ее хозяйственной сущности. Как может крестьянин в течение ряда лет исполнять за 6 р. работу, которая стоит 10 р. 69 к.? Крестьянин *может* это делать потому, что его надел покрывает часть расходов крестьянской семьи и *позволяет* понижать заработную плату ниже «вольнонаемной» нормы. Крестьянин вынужден это делать именно потому, что убогий надел привязывает его к соседнему помещику, не давая возможности жить со своего хозяйства. И понятно, что «нормальным» такое явление может быть лишь как одно из звеньев процесса вытеснения барщины капитализмом. Ибо крестьянин неминуемо разоряется в силу таких условий и медленно, но верно превращается в пролетария.

Вот еще однородные, но несколько более полные данные по Саратовскому уезду. Средняя цена за обработку одной десятины с уборкой, возкой хлеба и молотью составляет 9,6 рублей при зимнем заподряде с выдачей вперед 80–100 % заработной платы. При отработках за аренду пашни цена – 9,4 рубля. При вольном найме – 17¹/₂ рублей! Жатва и возка при отработках стоит 3,8 рубля за десятину, при вольном найме – 8¹/₂ рублей и т. д. Каждая из этих цифр содержит в себе длинную повесть бесконечной крестьянской нужды, кабалы и разорения. Каждая из этих цифр свидетельствует о том, как *живы* к концу XIX века в России крепостническая эксплуатация и пережитки барщины.

Распространенность отработочной системы очень трудно поддается учету. Дело обстоит обыкновенно так, что в помещичьем хозяйстве соединяются отработочная и капиталистическая система, применяемые по отношению к различным операциям земледелия. Незначительная часть земли обрабатывается помещичьим инвентарем и наемными рабочими. Большая часть земли сдается в аренду крестьянам, исполно, под отработки. Вот несколько иллюстраций, заимствуемых нами из обстоятельной работы г. Кауфмана, который свел ряд новейших данных о частновладельческом хозяйстве⁹. Тульская губ. (сведения относятся к 1897–1898 гг.) – «помещики остались при старом трехполье... дальняя земля разбирается крестьянами»; обработка владельческих земель в высшей степени неудовлетворительная. Курская губерния: «... подесятинная раздача земли крестьянам, выгодная вследствие высоких цен..., привела к истощению почвы». Воронежская губ.:... средние и мел-

⁸ См. Сочинения, 5 изд., том 3, стр. 196. Ред.

⁹ «Аграрный вопрос». Изд. Долгорукова и Петрункевича, т. II, М, 1907, стр. 442–628: «К вопросу о культурно-хозяйственном значении частного землевладения».

кие владельцы «в большинстве ведут хозяйство исключительно при помощи крестьянского инвентаря или же сдают свои имения в аренду... в большинстве хозяйств практикуются приемы, отличающиеся отсутствием каких бы то ни было улучшений».

Подобные отзывы показывают нам, что к концу XIX века вполне применима та общая характеристика различных губерний Европ. России по преобладанию отработочной или капиталистической системы, которую дал г. Анненский в книге «Влияние урожаев и т. д.». Приводим эту характеристику в виде таблички:

	Число губерний		Всего	Всего посевов у частновладельцев (тыс. дес.)
	В черно- земной	В нечерно- земной		
I. Губернии с преобладанием капиталистической системы	9	10	19	7 407
II. Губ. с преобл. смешан. системы	3	4	7	2 222
III. Губ. с преобл. отработочной системы	12	5	17	6 281
<i>Всего</i>	24	19	43	15 910

В черноземной полосе, следовательно, отработки безусловно преобладают, отступая на задний план во всех 43 губерниях, включенных в данную таблицу. Важно отметить при этом, что в I группе (капиталистическая система) числятся как раз не характерные для земледельческого центра местности: прибалтийские губернии, юго-западные (свекловичный район), южные, обе столичные.

Какое влияние оказывают отработки на развитие производительных сил земледелия, об этом красноречиво говорят материалы, сведенные в работе г. Кауфмана. «Не может подлежать сомнению, — читаем там, — что мелкая крестьянская аренда и испольщина является одним из условий, наиболее тормозящих прогресс сельского хозяйства...» в обзорах сельского хозяйства по Полтавской губернии постоянно указывается на то, что «съемщики плохо обрабатывают землю, засевают плохими семенами, засоряют ее».

В Могилевской губ. (1898 г.) «всякое улучшение в хозяйстве тормозится неудобствами испольного хозяйства». Скопщина^[62] является одной из главных причин того, что «сельское хозяйство в Днепровском уезде находится в таком положении, что нечего и думать о каких-либо нововведениях и улучшениях». «Наши материалы, — пишет г. Кауфман (стр. 517), — дают нам ряд определенных указаний на то, что даже в пределах одного и того же имения на землях, сдаваемых в аренду, старые, отжившие свой век способы хозяйства продолжают держаться в то время, когда на землях собственной запашки уже введены новые, более совершенные системы полеводства». Напр., на арендуемых землях держится трехполье иногда даже без навозного удобрения, — на землях экономической запашки многопольные севообороты. Испольщина тормозит травосеяние, мешает распространению удобрения, задерживает применение лучших с.-х. орудий. Результат всего этого наглядно сказывается на данных об урожаях. Вот, напр., одна латифундия Симбирской губернии: урожай ржи на экономической запашке 90 пуд. с дес, пшеницы 60 пуд., овса 74 пуд., а на испольных землях 58–28–50 пудов. Вот общие данные по целому уезду (Горбатовский, Нижегородской губернии):

Урожайность ржи в пудах с десятины

Почвенные разряды	Надельные земли	Частновладельческие земли		
		Эконом. посевы	Испольн.	Аренд.
I.....	62	74	—	44
II.....	55	63	49	—
III.....	51	60	50	42
IV.....	48	69	51	51
Для всех разрядов		66	50	45*

* У г. Кауфмана, стр. 521, видимо, опечатка в этих двух цифрах.

Итак, *помещичьи* земли, обрабатываемые крепостнически (испольщина и мелкая аренда), дают *меньшие* урожаи, чем надельные земли! Это – громадной важности факт, ибо он неопровержимо доказывает, что главная и основная причина сельскохозяйственной отсталости России, застоя всего народного хозяйства и невиданного на свете принижения земледельца есть *отрабочная система*, т. е. прямой пережиток крепостничества. Никакие кредиты, никакие мелиорации, никакая «помощь» крестьянину, никакие излюбленные бюрократами и либералами меры «содействия» не дадут никаких серьезных результатов, пока остается гнет крепостнических латифундий, традиций, систем хозяйства. И наоборот, аграрный переворот, уничтожающий помещичье землевладение и разрывающий старую средневековую общину (национализация земли, например, разывает ее не полицейским, не чиновничьим путем), непременно послужил бы основой замечательно быстрого и действительно широкого прогресса. Невероятно низкий урожай испольных и арендных земель обязан системе работ: «на барина». Не только урожаи с этих земель поднялись бы, если бы тот же, теперешний земледелец освободился от работы «на барина», но и урожай надельных земель поднялся бы неизбежно просто в силу устранения крепостнических помех хозяйству.

При данном же положении вещей капиталистический прогресс частновладельческого хозяйства имеется, конечно, налицо, но он чрезвычайно медленен и неизбежно обременяет Россию на долгие времена политическим и социальным господством «дикого помещика». Мы рассмотрим теперь, в чем проявляется этот прогресс, и попытаемся определить некоторые общие результаты его.

Что урожайность «экономических» посевов, т. е. обрабатываемых капиталистически помещичьих земель, выше крестьянских, это указывает на технический прогресс капитализма в земледелии. Прогресс этот связан с переходом от отрабочной системы к вольнонаемной. Разорение крестьянства, обезлошадение, потеря инвентаря, пролетаризация земледельца *заставляют* помещиков переходить к работе своим инвентарем. Растет употребление машин в сельском хозяйстве, повышающих производительность труда и неизбежно ведущих к развитию чисто капиталистических производственных отношений. Сельскохозяйственных машин ввозилось в Россию из-за границы на 788 тыс. руб. в 1869–1872 годах, на 2,9 млн. руб. в 1873–1880 годах, на 4,2 млн. руб. в 1881–1888 годах, на 3,7 млн. руб. в 1889–1896 годах, на 15,2–20,6 млн. руб. в 1902–1903 годах. Производство с.-х. машин в России определялось (приблизительно, по довольно грубой статистике фабрик и заводов) в 2,3 млн. руб. в 1876 году, в 9,4 млн. руб. в 1894 году, в 12,1 млн. руб. в 1900–1903 годах. Неоспоримо, что эти цифры свидетельствуют о прогрессе земледелия и именно капиталистическом прогрессе, конечно. Но так же неоспоримо, что прогресс этот чрезвычайно медленен по сравнению с тем, что возможно в современном капиталистическом государстве: пример – Америка. По переписи 1 июня 1900 года в Соед. Штатах было земли под фер-

мами 838,6 млн. акров, т. е. около 324 млн. дес. Число ферм – 5,7 млн., так что среднее на 1 ферму – 146,2 акра (ок. 60 дес). И вот, производство сельскохозяйственных орудий для этих фермеров равнялось *157,7 миллионам долларов* в 1900 году (в 1890 г. – 145,3 млн. долл.; в 1880 г. – 62,1 млн. долл.)¹⁰. Русские цифры до смешного малы по сравнению с этими, и малы они потому, что велики у нас и сильны крепостнические латифундии. Сравнительное распространение улучшенных сельскохозяйственных орудий у владельцев и крестьян было предметом специальной анкеты, произведенной министерством земледелия в середине 90-х годов прошлого века. Сводку данных этой анкеты, изложенных подробно у г. Кауфмана, мы можем привести в следующей таблице:

Районы	Процент показаний о широкой распространенности улучшенных с.-х. орудий	
	У владельцев	У крестьян
Центр. земледельч	20—51	8—20
Средневолжский	18—66	14
Новороссийский	50—91	33—65
Белорусский	54—86	17—41
Приозерный	24—47	1—21
Подмосковный	22—51	10—26
Промышленный	4—8	2

В среднем по всем этим районам получаем 42 % у помещиков и 21 % у крестьян.

Относительно распространения навозного удобрения все данные статистики равным образом неопровержимо свидетельствуют, «что в этом деле владельческое хозяйство все время шло и до сих пор стоит далеко впереди крестьянского» (Кауфман, стр. 544). Мало того: довольно широко распространено было в пореформенной России такое явление, как покупка навоза помещиками у крестьян. Это уже – результат самой крайней крестьянской нужды. В последнее время явление это идет на убыль.

Наконец, точные и массовые статистические данные по вопросу о высоте сельскохозяйственной техники в помещичьем и крестьянском хозяйстве имеются относительно распространения травосеяния (Кауфман, стр. 561). Вот главные выводы:

Годы	Посев кормовых трав в Европ. России			
	У крестьян		У владельцев	
1881	49,8	тыс. дес.	491,6	тыс. дес.
1901	499,0	» »	1046,0	» »

¹⁰ «Abstract of the Twelfth Census». 1900, Third Edition, Washington, 1904, pages 217 and 302 agricultural implements («Обзор двенадцатой переписи». 1900, 3-е изд., Вашингтон, 1904, стр. 217 и 302 сельскохозяйственные орудия. Ред.).

Каков результат всех этих различий между помещичьим и крестьянским хозяйством? Для суждения об этом есть только данные об урожайности. По всей Европейской России в среднем за 18 лет (1883–1900) урожайность была следующая (в четвертях):

	Рожь	Пшеница озимая	Пшеница яровая	Овес
У владельцев	6,0	5,75	5,0	8,5
У крестьян.....	5,0	5,0	4,25	7,0
Разница.....	16,7%	13,0%	15,0%	17,6%

Г. Кауфман совершенно прав, когда говорит, что разница эта «очень не велика» (стр. 592). Надо принять при этом во внимание не только то, что крестьянам оставлены были в 1861 г. худшие земли, но и то, что общие средние относительно всего крестьянства скрадывают (как мы сейчас увидим) крупные различия.

Общий вывод, который мы должны сделать из рассмотрения помещичьего хозяйства, следующий. Капитализм совершенно явственно пролагает себе дорогу в этой области. Смена идет от барщинного к вольнонаемному хозяйству. Технический прогресс капиталистического земледелия по сравнению с отработочным и мелким крестьянским намечается во всех направлениях вполне определенно. Но прогресс этот необыкновенно медленен для современной капиталистической страны. И конец XIX века застает в России самое острое противоречие между потребностями всего общественного развития и крепостничеством, которое в виде помещичьих дворянских латифундий, в виде отработочной системы хозяйства является тормозом хозяйственной эволюции, источником угнетения, варварства, бесконечных форм татарщины в русской жизни.

III

Крестьянское хозяйство составляет центральный пункт современного аграрного вопроса в России. Мы показали выше, каковы условия крестьянского землевладения, и теперь должны обратиться к организации крестьянского хозяйства – не в техническом, а в политико-экономическом смысле слова.

На первом месте мы встречаем здесь вопрос о крестьянской общине. Ему посвящена чрезвычайно обширная литература, и народническое направление нашей общественной мысли связывает основные пункты своего мирозерцания с национальными особенностями этого «уравнительного» учреждения. Надо прежде всего заметить по этому поводу, что в литературе о русской поземельной общине постоянно переплетаются и сплошь да рядом смешиваются две различные стороны вопроса: агрикультурная и бытовая, с одной стороны, и политико-экономическая, с другой. В большинстве сочинений по общине (В. Орлов, Трирогов, Кейслер, В. В.) первой стороне вопроса уделяется так много места и внимания, что вторую сторону совершенно оставляют в тени. Между тем подобный прием глубоко неправилен. Своеобразие русских поземельных отношений по сравнению с отношениями любой иной страны не подлежит сомнению, но не найдется двух чисто капиталистических, общепризнанных капиталистических стран, которые не различались между собой столь же значительно аграрным бытом, историей земельных отношений, формами землевладения и землепользования и т. д. То, что придало вопросу о русской поземельной общине его значение и его остроту, то, что разделило, начиная со второй половины XIX века, два основных направления нашей общественной мысли – народническое и марксистское, – это

вовсе не агрикультурная и не бытовая сторона вопроса. Возможно, что ей должны были уделять много внимания местные исследователи как для того, чтобы всесторонне учесть именно местные особенности земледельческого быта, так и для того, чтобы отразить невежественные, чисто наглые, покушения бюрократии на мелочную, проникнутую полицейским духом, регламентацию. Но для экономиста во всяком случае совершенно непозволительно заслонять изучением разновидностей переделов, техники их и т. п. вопрос о том, какие *типы хозяйств* складываются *внутри* общины, как развиваются эти типы, как складываются отношения между нанимающими рабочих и нанимающимися на черную работу, между зажиточными и беднотой, между улучшающими хозяйство и вводящими усовершенствования в технике и разоряющимися, забрасывающими хозяйство, бегущими из деревни. Несомненно, что сознание этой истины и побудило наших земских статистиков – давших неоценимый материал для изучения народного хозяйства России – перейти в 80-х годах прошлого века от *казенной* группировки крестьян по общинам, по наделу, по числу ревизских^[63] или наличных душ мужского пола, к единственно-научной группировке по *хозяйственной состоятельности* дворов. Напомним, что в те времена, когда интерес к экономическому изучению России был особенно велик, даже такой «партийный» в этом вопросе писатель, как г. В. В., от всей души приветствовал «новый тип местно-статистического издания» (заглавие книги г. В. В. в «Северном Вестнике»^[64] за 1885 г., № 3) и заявлял: «необходимо цифровые данные приурочивать не к такому агломерату разнообразнейших экономических групп крестьянства, как село или община, а к самим этим группам».

Основная черта нашей общины, придавшая ей особое значение в глазах народников, есть уравнительность землепользования. Мы оставим совершенно в стороне вопрос о том, как достигает община этой уравнительности, а обратимся прямо к экономическим фактам, к результатам этой уравнительности. Распределение всей надельной земли в Европейской России, как мы показали выше на точных данных, далеко не уравнительное. Между рядами крестьян, между крестьянами разных деревень, даже между крестьянами разных помещиков («бывших») в одной деревне, распределение тоже не имеет ничего общего с уравнительным. Только внутри мелких общин аппарат переделов создает уравнительность этих небольших замкнутых союзов. Посмотрим же на данные земской статистики относительно распределения надельной земли между дворами. При этом, разумеется, мы должны взять группировку дворов не по величине семьи, не по числу работников, а непременно по *хозяйственной состоятельности* отдельных дворов (посев, число штук рабочего скота, количество коров и т. п.), ибо вся сущность капиталистической эволюции мелкого земледелия состоит в создании и усилении имущественного неравенства внутри патриархальных союзов, далее в превращении простого неравенства в капиталистические отношения. Мы затушевали бы, следовательно, все особенности новой хозяйственной эволюции, если бы не задались целью изучить специально различия в хозяйственной состоятельности внутри крестьянства.

Возьмем сначала один типичный уезд (подворные исследования земской статистики с детальными комбинационными таблицами приурочены к отдельным уездам) и затем приведем основания, которые заставляют распространить интересующие нас выводы на крестьянство всей России. Материал заимствуем из «Развития капитализма», глава II¹¹.

В Красноуфимском уезде, Пермской губернии, в которой имеется исключительно общинное крестьянское землевладение, надельная земля распределяется следующим образом:

¹¹ См. Сочинения, 5 изд., том 3, стр. 61–180. *Ред.*

	На один двор	
	Душ об. п.	Надельн. земли дес.
Не обрабатыв. земли.....	3,5	9,8
Обраб. до 5 дес.....	4,5	12,9
» 5—10 »	5,4	17,4
» 10—20 »	6,7	21,8
» 20—50 »	7,9	28,8
» более 50 »	8,2	44,6
<i>Всего</i>	5,5	17,4

Мы видим, что с повышением хозяйственной состоятельности дворов безусловно правильно повышается размер семьи. Ясно, что многосемейность является одним из факторов крестьянского благосостояния. Это бесспорно. Вопрос только в том, к каким общественно-экономическим отношениям приводит это благосостояние в данной обстановке всего народного хозяйства. Что касается до наделной земли, то мы видим неравномерность ее распределения, хотя и не слишком значительную. Чем состоятельнее крестьянский двор, тем больше наделной земли приходится *на 1 душу населения*. В низшей группе меньше 3 дес. наделной земли на 1 душу обоего пола; в дальнейших группах около 3 десятин — три дес. — около 4-х — четыре — и, наконец, в последней высшей группе свыше 5 дес. наделной земли на 1 душу обоего пола. Следовательно, многосемейность и наибольшая обеспеченность наделной землей служат основой зажиточности *небольшого меньшинства* крестьян. Ибо две высшие группы охватывают всего *одну десятую* долю общего числа дворов. Вот процентные соотношения между числом дворов, количеством населения и распределением наделной земли:

Группы дворов	Дворов	Проценты к итогу	
		Населения об. п.	Наделной земли
Не обработ. земли.....	10,2	6,5	5,7
Обраб. до 5 дес.....	30,3	24,8	22,6
» 5—10 »	27,0	26,7	26,0
» 10—20 »	22,4	27,3	28,3
» 20—50 »	9,4	13,5	15,5
» более 50 »	0,7	1,2	1,9
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0

Из этих цифр видно ясно, что пропорциональность распределения наделной земли есть налицо, что результат общинной уравнительности учитывается нами. Процентные доли населения по группам и наделной земли по группам довольно близки одна к другой. Но и

тут уже начинает сказываться влияние хозяйственной состоятельности отдельных дворов: у низших групп доля земли *меньше* доли населения, у высших групп – *больше*. И это явление не единичное, не одного только уезда касающееся, а общее для всей России. В вышеуказанной работе мною сведены однородные данные по 21 уезду 7 губерний самых различных местностей России. Эти данные, охватывающие полмиллиона крестьянских дворов, показывают везде одинаковые отношения. У 20 % зажиточных дворов 26,1 % – 30,3 % населения и 29,0 %–36,7 % наделной земли. У 50 % беднейших дворов 36,6 %–44,7 % населения и 33,0 %–37,7 % наделной земли. Пропорциональность распределения наделной земли есть везде, и в то же время везде сказывается то, что община *подается* в сторону крестьянской буржуазии; отступления от пропорциональности идут повсюду в пользу высших групп крестьянства.

Таким образом, было бы глубокой ошибкой думать, что, изучая группировку крестьянства по хозяйственной состоятельности, мы игнорируем «уравнительное» влияние общины. Как раз напротив, мы именно учитываем посредством точных данных действительное хозяйственное значение этой уравнительности. Мы именно показываем, насколько простирается эта уравнительность, к чему приводит, *в конце концов*, вся система переделов. Пусть эта система дает наилучшее распределение земель разного качества и разных угодий, но неоспорим факт, что перевес зажиточных групп крестьянства над беднейшими сказывается *и* в распределении наделной земли. Распределение других, не наделных, земель, как мы сейчас увидим, неизмеримо более неравномерно.

Известно значение аренды в крестьянском хозяйстве. Нужда в земле вызывает необыкновенно разнообразные формы кабальных отношений на этой почве. Сплошь да рядом, как мы уже говорили выше, аренда земли крестьянами является по сути дела отработочной системой помещичьего хозяйства, – является крепостническим способом приобретения рабочих рук для барина. Таким образом, крепостническое значение нашей крестьянской аренды не подлежит сомнению. Но, раз мы имеем перед собой капиталистическую эволюцию данной страны, мы должны специально исследовать, как проявляются и проявляются ли *буржуазные* отношения в крестьянской аренде. Для этого опять-таки необходимы данные о различных хозяйственных группах крестьянства, а не о целых общинах и деревнях. Напр., в «Итогах земской статистики» г. Карышев должен был признать, что натуральные аренды (т. е. аренды не за деньги, а исполу или за отработки) по общему правилу *везде* дороже денежных, и притом значительно дороже, иногда вдвое; далее, что натуральные аренды развиты *всего сильнее в беднейших группах крестьянства*. Сколько-нибудь состоятельные крестьяне стараются снимать землю за деньги. «Наниматель пользуется малейшей возможностью вносить арендную сумму деньгами и тем удешевить стоимость пользования чужой землей» (Карышев в цит. соч., стр. 265).

Значит, крепостнические черты нашей аренды всей тяжестью ложатся на беднейших крестьян. Зажиточные стараются высвободиться из средневекового ярма, и это удастся им лишь в той мере, в какой они располагают достаточными денежными суммами. Есть деньги – можешь снять землю за наличные по обыкновенным рыночным ценам. Нет денег – идешь в кабалу, платишь втридорога за землю в виде ли испольщины или в виде отработков. Мы видели выше, во сколько раз отработочные цены за труд ниже вольнонаемных цен. А если условия аренды различны для крестьян разной состоятельности, то ясно, что мы не можем ограничиться (как это постоянно делает Карышев) группировкой крестьян по наделу, ибо такая группировка *искусственно* сливает дворы разной состоятельности, смешивает сельский пролетариат с крестьянской буржуазией.

Возьмем для иллюстрации данные по Камышинскому уезду, Саратовской губернии, почти сплошь общинной (из 2455 общин этой губернии 2436 имеют землю в общинном владении). Вот каковы здесь отношения между разными группами дворов по аренде земли:

Группы домохозяев	%	Приходится на 1 наделный двор десятин	
		Наделной пашни	Арендованной земли
Без рабоч. скота.....	26,4	5,4	0,3
С 1 гол. рабочего скота.....	20,3	6,5	1,6
» 2 » »	14,6	8,5	3,5
» 3 » »	9,3	10,1	5,6
» 4 » »	8,3	12,5	7,4
» 5 и более »	21,1	16,1	16,6
<i>Всего</i>	100,0	9,3	5,4

Распределение наделной земли уже знакомо нам: состоятельные дворы лучше обеспечены ею по расчету на единицу населения, чем бедные. Распределение аренды оказывается *в десятки раз* более неравномерное. В высшей группе втрое больше наделной земли, чем в низшей (16,1 против 5,4). Арендованной же земли в высшей группе *в пятьдесят раз* больше, чем в низшей (16,6 против 0,3). Аренда, следовательно, не выравнивает различия между крестьянами по хозяйственной состоятельности, а в десятки раз усиливает, обостряет их. Обратный вывод, который неоднократно встречается у экономистов-народников (В. В., Ник. – он, Маресс, Карышев, Вихляев и др.), основан на следующей ошибке. Берут обыкновенно группировку крестьян по наделу и показывают, что малонаделные больше арендуют, чем многонаделные. На этом и останавливаются, не указывая, что арендуют землю преимущественно зажиточные дворы малонаделных общин и что поэтому кажущаяся уравнительность общин только прикрывает величайшую неравномерность распределения внутри общин. Карышев, напр., сам признает, что «большими арендами пользуются а) менее обеспеченные землей разряды, но б) более обеспеченные в них группы» (стр. 139 указ. соч.), но, тем не менее, не исследует систематически распределения аренды по группам.

Чтобы яснее была эта ошибка экономистов-народников, приведем один пример – г. Маресса (в книге «Влияние урожаев и хлебных цен», т. I, стр. 34). Он выводит из данных по Мелитопольскому уезду «приблизительно равномерное подушное распределение аренды». В чем дело? В том, что если распределить дворы по числу работников мужского пола, то окажется, что дворы без работников арендуют «в среднем» по 1,6 дес. на арендующий двор, дворы с 1 работником по 4,4 дес, с двумя – по 8,3 дес, с тремя – по 14,0 дес. В том-то и соль, что эти «средние» объединяют дворы совершенно различной хозяйственной состоятельности, что среди, например, дворов с работником есть дворы, арендующие по 4 дес. и сеющие 5–10 дес. при 2–3 головах рабочего скота, и дворы, арендующие по 38 дес, сеющие более 50 дес. при 4 и более головах рабочего скота. Таким образом выведенная г. Марессом уравнительность *фиктивна*. На деле в Мелитопольском уезде 20 % богатейших дворов, несмотря на наибольшую обеспеченность их и наделной и купчей землей, концентрируют 66,3 %, т. е. две трети всей арендованной земли, оставляя всего 5,6 % ее на долю *половины* беднейших дворов.

Далее. Если мы видим, с одной стороны, аренду одной десятины или даже части ее в дворах безлошадных и однолошадных, а с другой стороны, аренду 7–16 десятин у дворов четырех- и более лошадных, то ясно, что здесь количество переходит в качество. Первая аренда есть аренда из нужды, аренда кабальная. «Арендатор», стоящий в подобных условиях, не может не превращаться в орудие эксплуатации посредством отработков, зимней

наемки, ссуды денег и т. п. Наоборот, двор, имеющий 12–16 десятин наделной земли, и арендующий *сверх того* по 7–16 десятин, явно арендует не от нужды, а от богатства, не для «продовольствия», а для обогащения, для того, чтобы «заработать деньгу». Мы видим здесь воочию превращение аренды в капиталистическое фермерство, зарождение предпринимательства в земледелии. Подобные дворы, как увидим ниже, не обходятся без найма земледельческих рабочих.

Спрашивается теперь, насколько общее явление – эта явно предпринимательская аренда? Мы приведем ниже указание на то, что в различных районах торгового земледелия рост предпринимательского хозяйства проявляется различно. Теперь же приведем еще несколько примеров и сделаем общие выводы об аренде.

В Днепровском уезде Таврической губернии дворы, сеющие 25 и более дес, составляют 18,2 % общего числа. Они имеют наделной земли по 16–17 дес. на двор и арендуют по 17–44 десятины. В Новоузенском уезде Самарской губ. дворы, имеющие 5 и более голов раб. скота, составляют 24,7 % общего числа. Они сеют по 25–53–149 дес. на двор, арендуя вненаделной земли по 14–54–304 дес. на двор (первая цифра относится к группе с 5–10 голов раб. скота, 17,1 % дворов; вторая – 10–20 голов, 5,8 % дворов; третья – 20 и более голов, 1,8 % дворов). Наделной земли они арендуют в других обществах по 12–29–67 дес. и в своем обществе по 9–21–74 дес. В Красноуфимском уезде Пермской губернии обрабатывают 20 дес. и более 10,1 % всего числа дворов. Они имеют по 28–44 дес. наделной земли на двор и арендуют по 14–40 дес. пашни и 118–261 дес. покоса. В двух уездах Орловской губ. (Елецкий и Трубчевский) дворы с 4 и более лошадьми составляют 7,2 % общего числа. Имея по 15,2 дес. наделной земли, они посредством купчей земли и аренды доводят свое землепользование до 28,4 дес. В Задонском уезде Воронежской губ. соответственные цифры: 3,2 % дворов по 17,1 дес. наделной земли и по 33,2 дес. всего землепользования. В трех уездах Нижегородской губернии (Княгининский, Макарьевский и Васильский) 9,5 % дворов с 3 и более лошадьми. У них по 13–16 дес. наделной земли на двор, а всего землепользования по 21–34 дес.

Отсюда видно, что предпринимательская аренда в крестьянстве не единичное и не случайное явление, а общее и повсеместное. Везде и повсюду выделяются из общины зажиточные дворы, которые всегда составляют незначительное меньшинство и всегда организуют капиталистическое земледелие при помощи предпринимательской аренды. Поэтому общими фразами о продовольственной и капиталистической аренде нельзя ничего выяснить в вопросах нашего крестьянского хозяйства: необходимо изучать *конкретные данные* о развитии крепостнических черт в аренде и об образовании *в ней* капиталистических отношений.

Мы привели выше данные о том, какую долю населения и наделной земли сконцентрировывают 20 % наиболее зажиточных дворов. Мы можем добавить теперь, что они сосредоточивают от 50,8 % до 83,7 % всей арендуемой крестьянством земли, оставляя на долю 50 % дворов низших групп от 5 % до 16 % всей арендуемой земли. Вывод отсюда ясен: если нас спросят, какая аренда преобладает в России, продовольственная или предпринимательская, аренда из нужды или аренда зажиточных крестьян, аренда крепостническая (отрабочная, кабальная) или буржуазная, то ответ может быть лишь один. По числу арендуемых дворов, несомненно, большинство арендаторов арендует из нужды. Для громадного большинства крестьян аренда есть кабала. По количеству арендуемой земли, несомненно, не менее половины ее находится в руках зажиточного крестьянства, сельской буржуазии, организующей капиталистическое земледелие.

Данные о ценах на арендуемую землю обыкновенно приводятся только «в среднем» для всех арендаторов и за всю землю. До какой степени *прикрашивают* эти средние безмерную нужду и угнетение крестьян, видно из данных земской статистики по Днепровскому

уезду Таврической губернии, где даны в виде счастливого исключения цены аренды у разных групп крестьянства:

	Процент арендующих дворов	Дес. пашни на 1 аренд. двор	Цена 1 дес. в руб.
У сеющих до 5 дес	25	2,4	15,25
» » 5—10 »	42	3,9	12,00
» » 10—25 »	69	8,5	4,75
» » 25—50 »	88	20,0	3,75
» » свыше 50 »	91	48,6	3,55
<i>Всего</i>	56,2	12,4	4,23

Таким образом, «средняя» цена аренды — 4 руб. 23 коп. за десятину — прямо искажает действительность, погашая те противоречия, которые составляют самую суть дела. Беднота вынуждена арендовать за разорительную цену более чем втрое выше средней. Богачи выгодно покупают землю «оптом» и, конечно, передают ее при случае нуждающемуся соседу с барышом в 275 %. Есть аренда и аренда. Есть крепостническая кабала, есть ирландская аренда, и есть торговля землей, капиталистическое фермерство.

Такое явление, как сдача крестьянами надельной земли, еще более наглядно показывает капиталистические отношения внутри общины, разорение бедноты и обогащение меньшинства на счет этой разоряющейся массы. Аренда и сдача земли, это — явления такого рода, которые не стоят ни в какой связи с общиной и ее уравнительностью. Какое значение в действительной жизни будет иметь эта уравнительность распределения надельной земли, если беднота вынуждена *сдавать* богатым уравнительно данную ей землю? И какое более наглядное опровержение «общиннических» взглядов можно себе представить, чем этот факт *обхода* жизнью официальной, ревизской, казенной уравнительности наделов? Бессилие какой угодно уравнительности перед развивающимся капитализмом доказывается воочию фактом сдачи надельной земли беднотой и концентрации аренды богачами.

Как широко распространено это явление сдачи надельных земель? По тем, устаревшим уже теперь, земско-статистическим исследованиям 80-х годов прошлого века, которыми мы вынуждены пока ограничиваться, число сдающих землю дворов и процент сдаваемой надельной земли кажутся небольшими. Напр., в Днепровском уезде Таврической губернии сдают надельную землю 25,7 % домохозяев; процент сдаваемой надельной земли — 14,9 %. В Новоузенском уезде Самарской губернии сдают землю 12 % дворов. В Камышинском уезде Саратовской губ. процент сдаваемой земли = 16 %. В Красноуфимском уезде Пермской губ. сдают надельную пашню $8\frac{1}{2}$ тысяч хозяев из $23\frac{1}{2}$, т. е. более трети. Сдается $50\frac{1}{2}$ тыс. дес. надельной земли из 410 тыс., т. е. около 12 %. В Задонском уезде Воронежской губ. сдается $6\frac{1}{2}$ тыс. дес. надельной земли из $135\frac{1}{2}$ тыс., т. е. менее 5 %. В трех уездах Нижегородской губ. 19 тыс. дес. из 433 тыс., т. е. тоже менее 5 %. Но все эти цифры только кажутся незначительными, ибо подобные процентные отношения включают молчаливое предположение, будто сдают землю более или менее равномерно хозяева всех групп. А такое предположение прямо противоположно действительности. Гораздо важнее, чем абсолютные цифры аренды и сдачи, чем средние проценты сдаваемой земли или сдающих землю хозяев, тот факт, что сдает землю главным образом беднота, а арендуют наибольшее количество земли зажиточ-

ные. На этот счет данные земско-статистических исследований не оставляют и тени сомнения. На 20 % наиболее зажиточных дворов приходится от 0,3 % до 12,5 % всей сдаваемой земли. Наоборот, на 50 % дворов низших групп падает из итога сдаваемой земли от 63,3 % до 98,0 %. И арендуют эти сдаваемые беднотой земли, конечно, те же зажиточные крестьяне. Тут опять-таки ясно, что в разных группах крестьянства сдача земли имеет различное значение: беднота сдает из нужды, не имея возможности обрабатывать землю, не имея семян, скота, инвентаря, нуждаясь дозарезу в деньгах. Богатые сдают мало, либо обменивая один кусок земли на другой в интересах хозяйства, либо прямо торгуя землей. Вот конкретные данные по Днепровскому уезду Таврической губернии:

П р о ц е н т ы		
	Домохозяев, сдающих наделъ- ную землю	Сдаваемой наделъной земли
Не сеющие	80	97,1
Сеющие до 5 дес.	30	38,4
» 5—10 »	23	17,2
» 10—25 »	16	8,1
» 25—50 »	7	2,9
» свыше 50 дес.	7	13,8
По уезду	25,7	14,9

Разве не ясно из этих данных, что забрасывание земли и пролетаризация в громадных размерах соединяется здесь с торговлей землею ничтожной кучки богатееров? Разве не характерно, что процент сдаваемой наделъной земли повышается как раз у тех крупных посевищников, которые имеют по 17 дес. наделъной земли на двор, по 30,0 дес. купчей и по 44,0 дес. арендованной земли? В общем и целом вся бедная группа в Днепровском уезде, т. е. 40 % дворов, имея 56 тыс. дес. наделъной земли, арендует 8 тыс., сдает 21¹/₂ тыс. дес. А зажиточная группа, имея 18,4 % дворов, при 62 тыс. дес. наделъной земли, сдает 3 тыс. дес. наделъной земли и арендует 82 тыс. дес. В трех уездах Таврической губ. эта зажиточная группа арендует 150 тыс. дес. наделъной земли, т. е. три пятых всей сдаваемой наделъной земли! В Новоузенском уезде Самарской губ. 47 % безлошадных дворов и 13 % однолошадных сдают наделъную землю, а владельцы 10 и более голов рабочего скота, т. е. всего 7,6 % общего числа дворов, арендуют наделъной земли по 20—30—60—70 десятин.

Относительно купчей земли нам придется сказать почти то же, что и относительно аренды. Разница здесь та, что в аренде есть крепостнические черты, что аренда бывает в известных условиях отработочной и кабальной, т. е. бывает способом привязывания к помещицкому хозяйству рабочих рук из числа соседних обнищавших крестьян. Покупка же земли в частную собственность наделъными крестьянами представляет из себя чисто буржуазное явление. На Западе иногда привязывают батраков и поденщиков к земле посредством продажи им мелких участков земли. У нас в России аналогичная операция давно уже произведена казенным образом в виде «великой реформы» 1861 года, и теперь покупка земли крестьянами выражает исключительно выделение из общины представителей сельской буржуазии. О том, как развивалась после 1861 года покупка земли крестьянами, мы сказали

выше, разбирая данные о землевладении. Здесь же надо указать на громадную концентрацию купчей земли в руках меньшинства. У 20 % зажиточных дворов сосредоточено от 59,7 % до 99 % купчей земли; у 50 % беднейших дворов – от 0,4 % до 15,4 % всего количества купленной крестьянами земли. Мы смело можем утверждать поэтому, что из $7\frac{1}{2}$ млн. десятин земли, которую приобрели крестьяне в личную собственность с 1877 по 1905 год (см. выше), от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ находится в руках ничтожного меньшинства зажиточных дворов. То же самое относится, конечно, к покупке земель крестьянскими обществами и товариществами. В 1877 году крестьянские общества владели купчей землей в размере 765 тыс. дес, а в 1905 г. уже 3,7 млн. дес, а крестьянские товарищества в 1905 году имели 7,6 млн. десятин земли в частной собственности. Ошибочно было бы думать, что земля, покупаемая или арендуемая обществами, распределяется иначе, чем при индивидуальной покупке или аренде. Факты говорят обратное. Напр., по трем материковым уездам Таврической губернии были собраны данные о распределении земли, арендуемой у казны *обществами* крестьян, причем оказалось, что 76 % арендованной земли находится в руках зажиточной группы (ок. 20 % дворов), а 40 % беднейших дворов имеют лишь 4 % всей арендованной земли. Крестьяне делят арендуемые или покупаемые земли не иначе, как «по деньгам».

IV

Сумма приведенных выше данных о надельной, арендной, купчей и сдаваемой в аренду крестьянской земле приводит к тому выводу, что *действительное землепользование* крестьянства с каждым днем становится все менее и менее соответствующим официальному, казенному, надельному землевладению крестьянства. Конечно, если взять валовые цифры или «средние» величины, то сдача надельной земли погасится арендой, оставшая аренда и купчая земля распределится между всей массой дворов как бы поровну, и получится впечатление, что действительное землепользование не очень существенно разнится от казенного, т. е. от надельного. Но такое впечатление будет фикцией, ибо действительное землепользование крестьян наиболее отстает от первоначальной уравнительности надельной земли *именно в крайних группах*, так что при пользовании «средними» дело неминуемо искажается.

На самом деле все землепользование крестьян для низших групп оказывается относительно, – а иногда и абсолютно, – меньшим по сравнению с надельным землевладением (сдача земли; ничтожная доля аренды); для высших же групп все землепользование всегда оказывается и относительно и абсолютно более высоким по сравнению с надельным землевладением в силу концентрации купчей и арендованной земли. У 50 % дворов беднейших групп находится в руках, мы видели, от 33 до 37 % надельной земли; всего же землепользования только 18,6 %–31,9 %. Уменьшение оказывается в некоторых случаях почти вдвое: напр., в Красноуфимском уезде Пермской губернии 37,4 % надельной земли и 19,2 % всего землепользования. У 20 % зажиточных дворов 29–36 % надельной земли, всего же землепользования 34–49 %. Вот некоторые конкретные данные для иллюстрации этих отношений. В Днепровском уезде Таврической губернии 40 % беднейших дворов имеют 56 тыс. дес. надельной земли; все же землепользование их 45 тыс. дес, т. е. *меньше* на 11 тыс. дес. Зажиточная группа (18 % дворов) имеет 62 тыс. дес. надельной земли; все же землепользование ее 167 тыс. дес, т. е. на 105 тыс. дес больше. Вот данные по трем уездам Нижегородской губернии:

На 1 двор приходится десятин		
	земли надельн.	всего землепольз.
Безлошадные	5,1	4,4
С 1 лош.	8,1	9,4
» 2 »	10,5	13,8
» 3 »	13,2	21,0
» 4 и более	16,4	34,6
<i>Всего</i>	8,3	10,3

И здесь в самой низшей группе в результате аренды и сдачи получилось абсолютное уменьшение землепользования. А эта низшая группа, т. е. безлошадные, обнимает целых 30 % дворов. Почти треть дворов *теряет* абсолютно от аренды и сдачи. Однолошадные (37 % дворов) увеличили свое землепользование, но чрезвычайно незначительно, в меньшей пропорции, чем среднее увеличение крестьянского землепользования (от 8,3 дес. до 10,3 дес). Поэтому *доля* этой группы в общем землепользовании уменьшилась: у нее было 36,6 % наделной земли по всем трем уездам, а стало 34,1 % общего землепользования. Наоборот, ничтожное меньшинство высших групп увеличило свое землепользование гораздо выше среднего. Трехлошадные (7,3 % дворов) увеличили землевладение в полтора раза: с 13 дес. до 21 дес. Многолошадные (2,3 % дворов) – более чем вдвое, с 16 дес. до 35 дес.

Мы видим, следовательно, как общее явление, *уменьшение роли наделной земли в крестьянском хозяйстве*. Уменьшение это идет на обоих полюсах деревни различными путями. У бедноты роль наделной земли падает, потому что растущая нужда и разорение *заставляют* сдавать ее, бросать землю, *уменьшать* земельное хозяйство в силу недостатка скота, инвентаря, семян, денежных средств и переходить либо к какой-нибудь работишке по найму, либо... в царствие небесное. Низшие группы крестьянства вымирают, – голодовки, цинга, тиф делают свое дело. В высших группах крестьянства наделная земля падает в своем значении, ибо расширяющееся хозяйство вынуждено выходить далеко за ее пределы, вынуждено строиться на землевладении новом, не тягловом, а свободном, не исконно-родовом, а покупаемом на рынке: купля и аренда. Чем богаче землей крестьянство, чем слабее следы крепостного права, чем быстрее хозяйственное развитие, тем сильнее это высвобождение от наделной земли, втягивание всей земли в торговый оборот, построение коммерческого земледелия на арендованной земле. Пример – Новороссия. Мы видели сейчас, как зажиточное крестьянство хозяйничает там более на купчей и арендованной земле, чем на наделной. Это кажется парадоксом, но это факт: в самой многоземельной местности России самое обеспеченное наделной землей зажиточное крестьянство (16–17 дес. наделной земли на двор) переносит центр тяжести земельного хозяйства с наделной земли *на вненаделную!*

Факт уменьшения роли наделной земли в обоих быстро прогрессирующих полюсах крестьянства имеет, между прочим, громадное значение для оценки условий того аграрного переворота, который завещан XIX веком XX и который вызвал борьбу классов в нашей революции. Этот факт показывает наглядно, что *ломка старого землевладения, и помещичьего и крестьянского, стала безусловной экономической необходимостью*. Эта ломка абсолютно неизбежна, и никакие силы на земле не помешают ей. Борьба идет из-за формы этой ломки, из-за способов ее: по-столыпински ли, с сохранением помещичьего землевладения и ограблением общины кулаками, по-крестьянски ли, с уничтожением помещичьего землевладе-

ния и устранением всех средневековых перегородок на земле посредством национализации земли. Но об этом мы будем говорить подробнее ниже. Здесь же необходимо указать на то важное явление, что уменьшение роли надельной земли ведет к чрезвычайно неравномерному распределению податей и повинностей.

Известно, что подати и повинности с русского крестьянина сохранили на себе громадные следы средневековья. Мы не можем входить здесь в подробности, которые относятся к финансовой истории России. Достаточно указать на выкуп – это прямое продолжение средневекового оброка, эту дань крепостникам-помещикам, взыскиваемую при помощи полицейского государства. Достаточно напомнить неравномерность обложения дворянских и крестьянских земель, натуральные повинности и т. д. Мы приводим только итоговую величину податей и повинностей по данным воронежской статистики *крестьянских бюджетов*^[65]. Средний валовой доход крестьянской семьи (по данным о 66 типичных бюджетах) определен в 491 р. 44 к., валовой расход 443 р. Чистый доход 48 р. 44 к. Сумма же податей и повинностей, падающих на «средний» двор, равняется 34 р. 35 коп. Таким образом, подати и повинности составляют 70 % *чистого дохода*. Конечно, это только по форме подати, а на деле это – прежняя крепостническая эксплуатация *«тяглового сословия»*. Денежный чистый доход средней семьи равняется всего 17 р. 83 коп., т. е. «подати» с русского крестьянина *вдвое превышают* его денежный чистый доход, – это по данным 1889, а не 1849 года!

Но средние цифры и здесь прикрашивают крестьянскую нужду и изображают положение крестьянства во много раз лучше, чем оно есть в действительности. Данные о распределении податей и повинностей между группами крестьян различной хозяйственной состоятельности показывают, что у безлошадного и однолошадного крестьянина (т. е. у *трех пятых* всего числа крестьянских семей в России) подати и повинности во много раз превышают не только чистый денежный, но и чистый валовой доход. Вот эти данные:

Бюджетные данные (на 1 хозяйство руб.)				
	Валовой доход	Расход	Подати и повинности	Тоже в % к расходу
а) Безлошадные.....	118,10	109,08	15,47	14,19
б) С 1 лош.....	178,12	174,26	17,77	10,20
в) » 2 »	429,72	379,17	32,02	8,44
г) » 3 »	753,19	632,36	49,55	7,83
д) » 4 »	978,66	937,30	67,90	7,23
е) » 5 и более	1 766,79	1 593,77	86,34	5,42
<i>В среднем</i>	491,44	443,00	34,35	7,75

Безлошадные и однолошадные крестьяне выплачивают под видом податей *седьмую и десятую* часть всего своего *валового* расхода. Едва ли крепостнические оброки были так высоки: помещику невыгодно было бы неизбежное разорение массы принадлежавших ему в собственность крестьян. Что касается до неравномерности податей, то она оказывается огромной: зажиточные платят втрое – вдвое меньше пропорционально своему доходу. От чего зависит эта неравномерность? От того, что главную массу податей крестьяне делят по земле. Доля податей и доля надельной земли сливаются для крестьянина в одно понятие: «душа». И если мы в нашем примере вычислим сумму податей и повинностей, приходящихся в разных группах на 1 десятину надельной земли, то получим такие цифры: а) 2,6 руб.; б) 2,4; в) 2,5; г) 2,6; д) 2,9 и е) 3,7 руб. За исключением самой высшей группы, где есть крупные промышленные заведения, облагаемые особо, мы видим приблизительно равномерное

распределение податей. Доля наделной земли и здесь соответствует, в общем и целом, доле податей. Это явление есть прямой пережиток (и прямое доказательство) тяглого характера нашей общины. По самым условиям отработочного хозяйства это и не может быть иначе: помещики не могли бы обеспечить себе на полвека после «освобождения» кабальных работников из среды соседних крестьян, если бы эти крестьяне не были привязаны к голодным наделам, не были обязаны втридорога платить за них. Не надо забывать, что *в конце XIX века* в России вовсе нередки случаи, когда крестьянам приходится *откупаться* от наделной земли, платить «верхи» за отказ от надела, т. е. доплачивать некоторую сумму тому, кто взял на себя надел ушедшего. Напр., г. Жбанков, описывая быт костромских крестьян в книге «Бабыя сторона» (Кострома, 1891 г.), говорит, что из отхожих костромичей «редко хозяева получают за землю известную небольшую часть податей, а обыкновенно ее сдают только за то, чтобы нанявшие городили вокруг нее огороды, а все подати платит сам хозяин». В «Обзоре Ярославской губернии», вышедшем в 1896 году, встречается целый ряд однородных указаний на то, что отхожим рабочим приходится откупаться от надела.

Конечно, в чисто земледельческих губерниях *такой* «власти земли» мы не встретим. Но и для них в другой форме имеет, безусловно, силу то явление, что роль наделной земли на обоих полюсах деревни падает. Это факт всеобщий. А раз так, то распределение податей по наделной земле неизбежно вызывает все большую и большую неравномерность обложения. Экономическое развитие со всех сторон и самыми различными путями ведет к тому, что средневековые формы землевладения рушатся, сословные перегородки (надельные, помещичьи и т. д. земли) идут на слом, новые формы хозяйства складываются безразлично из кусочков того и другого землевладения. XIX век завещает XX, как безусловно обязательную задачу, закончить эту «чистку» средневековых форм землевладения. Борьба идет из-за того, будет ли эта «чистка» произведена в виде крестьянской национализации земли или в виде ускоренного грабежа общины кулаками и превращения помещичьего хозяйства в юнкерское.

Продолжая разбор данных о современном строе крестьянского хозяйства, перейдем от вопроса о земле к вопросу о скотоводстве. И здесь мы должны установить опять-таки, как общее правило, что распределение скота между крестьянскими хозяйствами *гораздо более* неравномерно, чем распределение наделной земли. Вот, например, размер скотоводства у крестьян Днепрового уезда Таврической губернии:

			Приходится на один двор	
			наделн. земли	всего скота
			дес.	гол.
Не сеющие			6,4	1,1
Сеющие до 5 десятин			5,5	2,4
» 5—10 »			8,7	4,2
» 10—25 »			12,5	7,3
» 25—50 »			16,6	13,9
» свыше 50 »			17,4	30,0
В среднем			11,2	7,6

Различие между крайними группами по количеству скота *вдесятеро* больше, чем по количеству наделной земли. Действительный размер хозяйства оказывается и по данным о скотоводстве очень мало похожим на то, что обыкновенно принимают, когда ограничива-

ются средними данными и предположениями о всеопределяющей роли надела. Какие бы мы уезды ни взяли, везде и повсюду распределение скота оказывается гораздо более неравномерным, чем распределение наделной земли. У 20 % зажиточных дворов при 29–36 % наделной земли сосредоточено от 37 % до 57 % всего количества скота, имеющегося у крестьянства в данном уезде или группе уездов. На долю 50 % дворов низших групп остается от 14 % до 30 % всего количества скота.

Но эти данные еще далеко не оценивают всей глубины действительных различий. Наряду с вопросом о количестве скота не менее, а иногда даже более важное значение имеет вопрос о его *качестве*. Понятно само собою, что полуразоренный крестьянин при нищенском хозяйстве и опутанный со всех сторон кабалой не в состоянии приобретать и держать сколько-нибудь хорошего качества скот. Голодает хозяин (горе-хозяин), голодает и скот, иначе быть не может. Бюджетные данные по Воронежской губернии показывают чрезвычайно наглядно всю мизерность скотоводческого хозяйства безлошадных и однолошадных крестьян, т. е. *трех пятых* всего числа крестьянских хозяйств в России. Приводим выборку из этих данных для характеристики скотоводческого хозяйства крестьян:

	На 1 хозяйство всего скота в переводе на крупн. гол.	Средний размер расходов в год (руб.)	
		На пополнение и ремонт инвентаря и скота	На корм скота
а) Безлошадные	0,8	0,08	8,12
б) С 1 лошастью	2,6	5,36	36,70
в) » 2 »	4,9	8,78	71,21
г) » 3 »	9,1	9,70	127,03
д) » 4 »	12,8	30,80	173,24
е) » 5 и более	19,3	75,80	510,07
<i>В среднем</i>	5,8	13,14	98,91

Безлошадных крестьян в Европейской России в 1896–1900 годах было $3\frac{1}{4}$ миллиона дворов. Можно себе представить, каково их земледельческое «хозяйство» при расходе *восьми копеек* в год на инвентарь живой и мертвый. Однолошадных крестьян $3\frac{1}{3}$ миллиона дворов. При пяти рублях годового расхода на пополнение инвентаря и скота они могут только вечно маяться в безысходной нужде. Даже у двухлошадных крестьян ($2\frac{1}{2}$ млн. дворов) и трехлошадных (1 млн. дворов) расход на живой и мертвый инвентарь составляет всего 9–10 руб. в год. Только в двух высших группах (по всей России таких крестьянских хозяйств 1 млн. из 11 млн. всех крестьянских хозяйств) расход на живой и мертвый инвентарь хоть сколько-нибудь приближается к подобию правильного земледельческого хозяйства.

Совершенно естественно, что при таких условиях качество скота не может быть одинаково в хозяйствах различных групп. Стоимость одной рабочей лошади определяется, напр., у однолошадного крестьянина в 27 руб., у двухлошадного в 37 р., у трехлошадного в 61 р., у четырехлошадного в 52 р. и у многолошадного в 69 руб. Разница между крайними группами выше 100 %. И это явление общее для всех капиталистических стран, где есть мелкое

и крупное хозяйство. В своей книге «Аграрный вопрос» (часть I, СПб. 1908)¹² я показал, что исследования Дрекслера в области германского земледелия и скотоводства дали совершенно такой же результат^[66]. Средний вес средней штуки скота составлял в крупных имениях 619 килограммов (1884 г., цит. соч., стр. 259), в крестьянских хозяйствах, имеющих 25 и более гектаров, — 427 клгрм., в хозяйствах с $7\frac{1}{2}$ –25 гект. — 382; с $2\frac{1}{2}$ – $7\frac{1}{2}$ гект. — 352 и, наконец, в хозяйствах, имеющих до $2\frac{1}{2}$ гектаров, — 301 килограмм.

В зависимости от количества и качества скота находится также уход за землей, в частности удобрение ее. Мы показали выше, что все данные статистики по всей России свидетельствуют о лучшем удобрении помещичьих земель по сравнению с крестьянскими. Теперь мы видим, что такое деление, бывшее правильным и законным во времена крепостного права, устарело. Между различными крестьянскими хозяйствами оказывается глубокая пропасть, и все исследования, расчеты, заключения, теории, исходящие из представлений о «среднем» крестьянском хозяйстве, ведут к абсолютно неправильным выводам в данном вопросе. Земская статистика, к сожалению, чрезвычайно редко изучает различные группы дворов, ограничиваясь по-общинными данными. Но вот в Пермской губернии (Красноуфимский уезд) в виде исключения собраны были при подворном исследовании точные данные об удобрении земли различными крестьянскими дворами:

	Процент хозяйств, вообще вывозящих навоз	Вывозилось навоза возов на 1 двор (вы- возящий)
Обраб. до 5 десятин	33,9	80
» 5—10 »	66,2	116
» 10—20 »	70,3	197
» 20—50 »	76,9	358
» свыше 50 »	84,3	732
<i>В среднем</i>	51,7	176

Тут мы видим уже различные агрикультурные типы хозяйства в зависимости от размеров хозяйства. И в другой местности исследователи, обратившие внимание на этот вопрос, пришли к аналогичным выводам. Орловские статистики сообщают, что у зажиточных крестьян скоп навоза от одной головы крупного скота почти вдвое больше, чем у несостоятельных. При 7,4 штуках скота на двор этот скоп равняется 391 пуд., а при 2,8 гол. скота на двор — 208 пуд. «Нормальным» считается скоп в 400 пуд., следовательно, норма достигается только у небольшого меньшинства зажиточных крестьян. Беднота вынуждена употреблять солому и навоз на топливо, иногда даже продавать навоз и т. д.

В связи с этим надо рассмотреть вопрос о росте числа безлошадных среди крестьянства. В 1888–1891 годах в 48 губерниях Европейской России было 2,8 миллиона дворов безлошадных из всего числа 10,1 млн., т. е. 27,3 %. Приблизительно через 9–10 лет, в 1896–1900 гг., из 11,1 млн. дворов было 3,2 млн. безлошадных, т. е. 29,2 %. Рост экспроприации крестьянства, следовательно, несомненен. Но если взглянуть на этот процесс с агрономической точки зрения, то получается парадоксальный на первый взгляд вывод. Этот вывод сделал известный народнический писатель г. В. В. еще в 1884 году («Вестник Европы»^[67],

¹² См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 235–245. *Ред.*

1884 г., № 7), сопоставляя количество десятин пашни, приходящееся на 1 лошадь в нашем крестьянском хозяйстве и в «нормальном» трехпольном хозяйстве – нормальном с точки зрения агрономии. Оказалось, что крестьяне держат *слишком много* лошадей: у них приходится только 5–8 дес. пашни на лошадь вместо требуемых агрономией 7–10 дес. «Следовательно, – умозаключил г. В. В., – на обезлошадение части населения этой области России (центральной черноземной полосы) нужно смотреть, до известной степени, как на восстановление нормального отношения между количеством рабочего скота и площадью, подлежащей обработке». На самом деле, парадокс объясняется тем, что обезлошадение сопровождается концентрированием земли в руках зажиточных дворов, у которых получается «нормальное» соотношение числа лошадей с обрабатываемой площадью. Это «нормальное» соотношение не «восстанавливается» (ибо его не было никогда в нашем крестьянском хозяйстве), а достигается только крестьянской буржуазией. «Ненормальность» же сводится к раздроблению средств производства в мелком крестьянском хозяйстве: то количество земли, которое миллион однолошадных крестьян обрабатывает при помощи миллиона лошадей, зажиточные крестьяне обрабатывают лучше и тщательнее при помощи $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ миллиона лошадей.

Относительно мертвого инвентаря в крестьянском хозяйстве надо различать обычный крестьянский инвентарь и усовершенствованные земледельческие орудия. Распределение первого соответствует, в общем и целом, распределению рабочего скота; нового в данных этого рода для характеристики крестьянского хозяйства мы не найдем. Улучшенные же орудия, которые стоят гораздо дороже, окупаются только при более крупном хозяйстве, вводятся только успешно развивающимися хозяйствами, концентрированы несравненно сильнее. Данные об этой концентрации чрезвычайно важны, потому что это единственные данные, позволяющие точно судить о том, в какую сторону, при каких общественных условиях идет *прогресс* крестьянского хозяйства. Не подлежит сомнению, что с 1861 года в этом направлении сделан шаг вперед, но очень часто оспаривается или подвергается сомнению капиталистический характер этого прогресса не только в помещичьем, но и в крестьянском хозяйстве.

Вот данные земской статистики о распределении улучшенных орудий среди крестьян:

	На 100 хозяйств приходится улучшенных с.-х. орудий	
	2 уезда Орловской губ.	1 уезд Воронежской губ.
Безлошадные	0,01	—
С 1 лошадью	0,2	0,06
» 2—3 »	3,5	1,6
» 4 и более	36,0	23,0
<i>В среднем</i>	2,2	1,2

В этой местности сравнительно слабо распространены среди крестьян улучшенные орудия. Общий процент дворов, владеющих таковыми, совершенно ничтожен. Но низшие группы почти совершенно не пользуются такими орудиями, а среди высших они входят в употребление систематически. В Новоузенском уезде Самарской губернии всего 13 % хозяев имеют улучшенные орудия, причем этот процент повышается до 40 % в группе с 5–20 шт. раб. скота и до 62 % в группе с 20 и более голов рабочего скота. В Красноуфимском уезде

Пермской губ. (три района уезда) на 100 хозяйств приходится 10 улучшенных орудий; это — общая средняя; на 100 хозяйств, обрабатывающих 20–50 дес, приходится 50 орудий, а на 100 хозяйств, обрабатывающих 50 дес, даже 180 орудий. Если взять те процентные отношения, которые мы брали выше для сравнения данных по различным уездам, то окажется, что 20 % зажиточных дворов имеют от 70 % до 86 % всего числа улучшенных орудий, оставляя на долю 50 % дворов бедноты от 1,3 % до 3,6 %. Не подлежит, следовательно, никакому сомнению, что прогресс в распространении улучшенных орудий среди крестьянства (об этом прогрессе говорит, между прочим, в цитированной выше работе 1907 года г. Кауфман) есть прогресс зажиточного крестьянства. Три пятых всего числа крестьянских дворов, безлошадные и однолошадные, почти совершенно не в состоянии пользоваться этими улучшениями.

V

Рассматривая крестьянское хозяйство, мы до сих пор брали крестьян преимущественно как хозяев, указывая в то же время, что низшие группы постоянно вытесняются из числа хозяев. Вытесняются куда? Очевидно, в ряды пролетариата. Мы должны теперь рассмотреть подробно, как именно идет это образование пролетариата, в особенности сельского, и как складывается рынок на рабочую силу в земледелии. Если для отработочного хозяйства типичными классовыми фигурами являются помещик-крепостник и наделенный землей кабальный крестьянин, то для капиталистического хозяйства типичны наниматель-фермер и нанимающийся батрак или поденщик. Превращение помещика и зажиточного крестьянина в нанимателя мы показали. Теперь посмотрим на превращение крестьянина в нанимающегося.

Велико ли употребление наемного труда зажиточными крестьянами? Если взять средний процент дворов с батраками ко всему числу крестьянских дворов (как обыкновенно делают), то получим очень невысокий процент: 12,9 % в Днепровском уезде Таврической губ., 9 % в Новоузенском уезде Самарской губернии, 8 % в Камышинском уезде Саратовской губ., 10,6 % в Красноуфимском уезде Пермской губ., 3,5 % в 2-х уездах Орловской губ., 3,8 % в 1 уезде Воронежской губ., 2,6 % в 3-х уездах Нижегородской губернии. Но этого рода данные, в сущности, фиктивны, ибо определяется отношение дворов с батраками ко всему числу дворов, в том числе и дворов, отпускающих батраков. Буржуазия во всяком капиталистическом обществе составляет ничтожное меньшинство населения. Дворов с наемными рабочими всегда будет «мало». Вопрос в том, складывается ли здесь особый тип хозяйства, или наем случаен? И на этот вопрос дают совершенно определенный ответ данные земской статистики, повсюду показывающей в группах зажиточного крестьянства процент дворов с батраками, несравненно более высокий, чем в среднем по уезду вообще. Приведем данные по Красноуфимскому уезду Пермской губ., где в виде исключения есть сведения не только о найме батраков, но и о найме поденщиков, т. е. о форме найма, более типичной для земледелия.

	Число работниц муж. п. на 1 двор	Процент хозяйств, наним. рабочих			
		Сроковых	На косьбу	На жатву	На молотьбу
Не обраб. земли	0,6	0,15	0,6	—	—
Обраб. до 5 дес.	1,0	0,7	5,1	4,7	9,2
» 5—10 »	1,2	4,2	14,3	20,1	22,3
» 10—20 »	1,5	17,7	27,2	43,9	25,9
» 20—50 »	1,7	50,0	47,9	69,6	33,7
» свыше 50 »	2,0	83,1	64,5	87,2	44,7
<i>В среднем</i>	1,2	10,6	16,4	24,3	18,8

Мы видим, что состоятельные дворы отличаются более высоким семейным составом, имеют больше своих, семейных, работников, чем дворы неимущие. Но тем не менее они употребляют несравненно больше наемного труда. «Семейная кооперация» служит основой для расширения хозяйства и превращается таким образом в капиталистическую кооперацию. В высших группах наем рабочих явно становится системой, условием ведения расширенного хозяйства. При этом наем поденщиков оказывается весьма значительно распространенным даже в средней группе крестьянства: если в двух высших группах (10,3 % дворов) большинство дворов нанимает рабочих, то в группе, обрабатывающей 10—20 дес. (22,4 %) *свыше двух пятых* всего числа дворов нанимает рабочих на жатву. Вывод отсюда тот, что зажиточное крестьянство не могло бы существовать без миллионной армии готовых к их услугам батраков и поденщиков. И если поуездные данные о среднем проценте дворов с батраками представляют, как мы видели, значительные колебания, то безусловно всеобщим является концентрация дворов с батраками в высших группах крестьянства, т. е. превращение зажиточных дворов в предпринимателей. На 20 % зажиточных дворов приходится от 48 % до 78 % общего количества дворов с батраками.

На другом полюсе деревни статистика не дает нам обыкновенно сведений о числе дворов, отпускающих наемных рабочих всякого рода. В целом ряде вопросов наша земская статистика сделала чрезвычайно крупный шаг вперед по сравнению со старой казенной статистикой губернаторских отчетов и всяческих департаментов. Но в одном вопросе старая казенная точка зрения сохранилась и в земской статистике, именно в вопросе о так называемых «заработках» крестьян. Занятие земледелием на своем наделе считается настоящим занятием крестьянина; всякое же постороннее занятие относится к сторонним «заработкам» или «промыслам», причем тут смешиваются такие хозяйственные категории, различать которые требует азбука политической экономии. В разряд «сельскохозяйственных промышленников», например, попадут наряду с массой наемных рабочих и хозяева-предприниматели (напр., бахчевники), рядом с ними тоже в числе «дворов с заработками» будут считаться нищие и торговцы, прислуга и ремесленники-хозяева и т. п. Ясно, что эта вопиющая политико-экономическая путаница есть прямой пережиток крепостничества. Для помещика действительно безразлично было, чем занимается на стороне *его* оброчный крестьянин: торговлей, работой по найму или промышленностью в качестве хозяина; на всех крепостных крестьян одинаково падал общий оброк, все считались во временной и условной отлучке от своего настоящего дела.

После отмены крепостного права эта точка зрения с каждым днем приходила все более и более в резкое противоречие с действительностью. Большинство крестьянских дворов с заработками, несомненно, принадлежат к числу дворов, отпускающих наемных работников, но вполне точной картины мы здесь иметь не можем, потому что меньшинство хозяев-про-

мышленников все же попадает в общее число и *прикрашивает* положение нуждающихся. Приведем для иллюстрации один пример. По Новоузенскому уезду Самарской губ. статистики выделили «земледельческие промыслы» из общей массы «промыслов»^[68]. Конечно, и этот термин не точен, но список профессий дает, по крайней мере, то указание, что из 14 063 «промышленников» этого рода 13 297 батраков и поденщиков. Здесь, значит, преобладание наемных рабочих очень велико. И распределение земледельческих промыслов оказывается следующее:

				Процент работников муж. пола, занятых землед. промыслами
Без рабочего скота				71,4
С 1	гол. рабочего скота			48,7
» 2—3	»	»	»	20,4
» 4	»	»	»	8,5
» 5—10	»	»	»	5,0
» 10—20	»	»	»	3,9
» 20 и более	»	»	»	2,0
По уезду				25,0

Из безлошадных крестьян, следовательно, семь десятых наемные рабочие, а из однолошадных почти половина. По Красноуфимскому уезду Пермской губ. средний процент дворов с земледельческими промыслами равен 16,2 %, а из числа необрабатывающих земли 52,3 % «промышленников», из обрабатывающих до 5 дес. – 26,4 %. По другим уездам, где не выделены специально земледельческие промыслы, картина получается менее яркая, но все же остается общим правилом, что «промыслы» и «заработки», вообще говоря, специальность низших групп. На 50 % дворов низших групп приходится от 60 % до 93 % всего числа дворов с заработками.

Мы видим отсюда, что низшие группы крестьянства, в частности однолошадные и безлошадные дворы, представляют из себя, по своему положению в общем строе народного хозяйства, *батраков и поденщиков* (шире: наемных рабочих) *с наделом*. Этот вывод подтверждают и данные о росте употребления наемного труда после 1861 года во всей России, и бюджетные исследования об источнике дохода у низших групп, и, наконец, данные о жизненном уровне этих групп. На этом трояком доказательстве мы и остановимся несколько подробнее.

Общие данные о росте числа сельских наемных рабочих во всей России имеются только относительно отхожих рабочих без точного различения земледельческих и неземледельческих. Вопрос о том, преобладают ли в общем числе первые или вторые, решался в народнической литературе в пользу первых, но мы укажем ниже основания обратного взгляда. Факт быстрого увеличения после 1861 года числа отхожих рабочих в крестьянстве не подлежит никакому сомнению. Об этом свидетельствуют все источники. Приблизительное статистическое выражение явления дают сведения о паспортном доходе и о числе выдаваемых паспортов. В 1868 году паспортный доход составлял 2,1 млн. руб., в 1884 году – 3,3 миллиона, в 1894 году – 4,5 млн. руб. Это дает увеличение более чем вдвое. Число выдаваемых паспортов и билетов в Европейской России было 4,7 миллиона в 1884 году и 7,8–

9,3 млн. в 1897–1898 гг. Здесь за тринадцать лет мы видим удвоение. Все эти данные в общем и целом соответствуют другим расчетам, напр., расчету г. Уварова, который свел данные земской статистики, большей частью, устаревшие, по 126 уездам 20 губерний и определил вероятную цифру отхожих рабочих в 5 млн. чел.^[69] Г-н С. Короленко по данным о числе местных избыточных рабочих определял эту цифру в 6 млн. чел.

Из всей этой суммы, по мнению г. Николая – она, «громаднейшее большинство» – промыслы земледельческие. Я подробно изложил в «Развитии капитализма»¹³, что данные и исследования 60-х, 80-х и 90-х годов вполне доказывают неверность этого вывода. Большинство, хотя и не громаднейшее, из отхожих рабочих рабочие неземледельческие. Вот наиболее полные и наиболее новые данные о погубернском распределении видов на жительство, выданных в Европейской России в 1898 году:

Группы губерний	Количество всех видов на жительство, выданных в 1898 г.
1) 17 губерний с преобладанием неземледельческого отхода	3 369 597
2) 12 губерний переходных	1 674 231
3) 21 губерния с преобладанием земледельческого отхода	2 765 762
<i>Всего по 50 губерниям</i>	<i>7 809 590</i>

Если в переходных губерниях предположим половину земледельческих рабочих, то *приблизительное*, самое вероятное, распределение будет таково: около 4,2 миллиона неземледельческих наемных рабочих и *около 3,6 миллиона земледельческих наемных рабочих*. В параллель к этой цифре надо поставить цифру г-на Руднева^[70], который в 1894 году свел данные земской статистики по 148 уездам в 19 губерниях и определил приблизительное число сельскохозяйственных наемных рабочих в 3¹/₂ млн. человек. Эта цифра охватывает, по данным 80-х годов, и местных и отхожих земледельческих рабочих. В конце 90-х годов одних только отхожих с.-х. рабочих было столько.

Рост числа земледельческих наемных рабочих стоит в прямой связи с тем развитием капиталистического предпринимательства в земледелии, которое мы проследили на помещичьем и крестьянском хозяйстве. Возьмите, напр., употребление машин в сельском хозяйстве. Что у зажиточного крестьянина оно означает переход к предпринимательству, мы показали на точных данных. А в помещичьем хозяйстве употребление машин и вообще улучшенных орудий означает неминуемо вытеснение отработков капитализмом. На место крестьянского инвентаря ставится помещичий; на место старого трехполья новые технические приемы, связанные с переменной орудий; кабальный крестьянин не годится для работы с улучшенными орудиями, и его место занимает батрак или поденщик.

В том районе Европейской России, в котором всего более развилось после реформы употребление машин, – всего более распространено и употребление наемной рабочей силы пришлых рабочих. Этот район – южные и восточные окраины Европейской России. Приход земледельческих рабочих в этот район создал чрезвычайно типичные и ярко выраженные капиталистические отношения. На них следует остановиться, чтобы сопоставить старые и

¹³ См. Сочинения, 5 изд., том 3, стр. 569–581. *Ред.*

преобладающие до сих пор отработки с все более пробивающейся новой струей. Прежде всего следует отметить, что южный район отличается наиболее высокой заработной платой в земледелии. По данным за целое десятилетие (1881–1891 гг.), устраняющим всякие случайные колебания, заработная плата выше всего в России в губерниях Таврической, Бессарабской и Донской. Годовой работник здесь получает, считая и содержание, 143 р. 50 к., сроковый (на лето) – 55 р. 67 к. Следующее место по высоте заработной платы занимает наиболее промышленный район – губернии Петербургская, Московская, Владимирская и Ярославская. Здесь платят годовому сельскому рабочему 135 руб. 80 коп., сроковому 53 руб. Самый низкий уровень заработной платы встречаем в центральных земледельческих губерниях (Казанская, Пензенская, Тамбовская, Рязанская, Тульская, Орловская и Курская), т. е. в главной местности отработков, кабалы и всевозможных пережитков крепостничества. Здесь годовой работник в земледелии получает всего 92 р. 95 коп. – в полтора раза меньше, чем в наиболее капиталистических губерниях, а сроковый – 35 руб. 64 коп., на 20 руб. в лето меньше, чем на юге. Именно из этого центрального района мы наблюдали громадный уход рабочих. Свыше 1½ миллиона человек каждую весну уходят отсюда частью на земледельческие заработки (главным образом на юг, частью, как увидим ниже, и в промышленные губернии), а также на неземледельческие работы в столицы и в промышленные губернии. Между этим главным районом отхода и двумя главными районами прихода (земледельческий юг и столицы с двумя промышленными губерниями) лежат полосы губерний со средней заработной платой. Эти губернии привлекают к себе часть рабочих из самого «дешевого» и самого голодного центра, отпуская в свою очередь часть рабочих в более дорогие районы. В книге г. С. Короленко о «Вольнонаемном труде» на основании очень обширного материала подробно изображен этот процесс рабочих странствований и перемещения населения. Капитализм достигает таким образом более равномерного (с точки зрения потребностей капитала, конечно) размещения населения; нивелирует заработную плату по всей стране, создает действительно единый, национальный, рынок труда; вырывает постепенно почву у старых способов производства, «соблазняя» кабального мужика высокой заработной платой. Отсюда – бесконечные жалобы господ помещиков на развращение местных рабочих, на разгул и пьянство, порождаемое отходом, на «порчу» рабочих городом и т. д. и т. д.

В районе наибольшего прихода рабочих сложились к концу XIX века довольно крупные капиталистические предприятия в земледелии. Капиталистическая кооперация сложилась при употреблении, напр., таких машин, как молотилки. Г-н Тезяков, описавший условия жизни и труда сельскохозяйственных рабочих в Херсонской губернии^[71], указывает, что конная молотилка требует от 14 до 23 и более рабочих, а паровая от 50 до 70. В некоторых хозяйствах собиралось по 500–1000 рабочих – цифра чрезвычайно высокая для земледелия. Капитализм дал возможность заменять более дорогой мужской труд женским и детским. Напр., в местечке Каховке – одном из главных рабочих рынков Таврической губ., где прежде собиралось до 40 000 рабочих, а в 90-х годах прошлого века 20–30 тысяч, в 1890 году было зарегистрировано 12,7 % женщин, а в 1895 году уже 25,6 %. Детей в 1893 г. было 0,7 %, а в 1895 году уже 1,69 %.

Собирая рабочих со всех концов России, капиталистические экономии сортировали их по своим надобностям, создавая нечто подобное иерархии фабричных рабочих. Различают, напр., полных рабочих, полурабочих – из них выделяют еще «рабочих большой силы» (16–20 лет) – и полурабочих «малой помощи» (дети 8–14 лет). Никакого следа старых так называемых «патриархальных» отношений помещика к «своему» крестьянину здесь не остается. Рабочая сила становится товаром, подобным всякому другому. Кабала «истинно русского» типа исчезает, уступая место недельной денежной расплате, бешеной конкуренции и стачкам рабочих и хозяев. Скопление громадных масс рабочих на рынках найма и невероятно тяжелые, антигигиеничные условия труда создали попытки общественного контроля

за крупными экономиями. Эти попытки характерны для «крупной индустрии» в земледелии, но, разумеется, никакой прочности они иметь не могут при отсутствии политической свободы и открытых рабочих организаций. До чего тяжелы условия труда пришлых рабочих, видно из того, что рабочий день продолжается от 12^{1/2} до 15 часов. Травматические повреждения рабочих, занятых при машинах, стали обычным явлением. Развились профессиональные болезни рабочих (напр., занятых при молотилках) и т. д. Все «прелести» чисто капиталистической эксплуатации в самом развитом, американском, виде можно наблюдать в России конца XIX века, наряду с чисто средневековыми, давным-давно исчезнувшими в передовых странах, приемами отработочного и барщинного хозяйства. Все громадное разнообразие аграрных отношений в России сводится к переплетению крепостнических и буржуазных приемов эксплуатации.

Чтобы закончить изложение условий наемного труда в русском земледелии, отметим еще бюджетные данные о хозяйстве крестьян низших групп. Наемная работа фигурирует здесь под эвфемистическим наименованием «заработков» или «промыслов». В каком отношении стоит доход от этих заработков к доходу от земледельческого хозяйства? Воронежские бюджеты безлошадных и однолошадных крестьян дают на это точный ответ. Валовой доход от всех источников определяется для безлошадного в 118 руб. 10 коп., в том числе от земледелия 57 руб. 11 коп., от «промыслов» 59 руб. 4 коп. Эта последняя сумма составляет из 36 руб. 75 коп. дохода от «личных промыслов» и 22 руб. 29 коп. разных доходов. К числу последних относится *доход от сдачи земли!* У однолошадного крестьянина валовой доход 178 руб. 12 коп., в том числе 127 руб. 69 коп. от земледелия и 49 руб. 22 коп. от промыслов (35 руб. – личные промыслы, 6 руб. извоз, 2 руб. от «торгово-промышленных заведений и предприятий» и 6 руб. разных доходов). Если вычесть расходы на земельное хозяйство, то получим 69 руб. 37 коп. от земледелия против 49 руб. 22 коп. от промыслов. Вот как добывают себе средства к жизни три пятых всего числа крестьянских дворов в России. Понятно, что уровень жизни таких крестьян не выше, а иногда ниже, чем у батраков. По той же Воронежской губернии средняя плата годовому батраку (за десятилетие 1881–1891 гг.) 57 руб., плюс содержание, стоящее 42 руб. Между тем стоимость содержания *всей семьи* у безлошадного 78 руб. в год при семье в 4 души, у однолошадного 98 руб. в год при семье в пять душ. Русский крестьянин сведен отработками, податями и капиталистической эксплуатацией до такого нищенского, голодного уровня жизни, который в Европе кажется невероятным. Там называют подобный социальный тип *пауперами*.

VI

Для того, чтобы подвести итоги всему сказанному выше о разложении крестьянства, мы приведем сначала единственные имеющиеся в литературе итоговые данные по всей Европейской России, позволяющие судить о различных группах внутри крестьянства за различные периоды. Это – данные военно-конских переписей. Во втором издании своей книги «Развитие капитализма» я свел эти данные по 48 губерниям Европейской России за периоды 1888–1891 и 1896–1900 годов¹⁴. Вот извлечение наиболее существенных результатов:

¹⁴ См. Сочинения, 5 изд., том 3, стр. 138. *Ред.*

Число крестьянских дворов (миллионов)				
	В 1888—1891 гг.		В 1896—1900 гг.	
	Всего	%	Всего	%
Безлошадные	2,8	27,3	3,2	29,2
С 1 лошадью	2,9	28,5	3,4	30,3
» 2 »	2,2	22,2	2,5	22,0
» 3 »	1,1	10,6	1,0	9,4
» 4 и более	1,1	11,4	1,0	9,1
<i>Всего</i>	10,1	100,0	11,1	100,0

Эти данные, как я уже отметил мимоходом выше, свидетельствуют о растущей экспроприации крестьянства. Весь миллионный прирост числа дворов пошел на увеличение двух низших групп. Общее число лошадей уменьшилось за это время с 16,91 миллионов голов до 16,87 млн., т. е. все крестьянство в целом стало несколько беднее лошадьми. Обеднела и высшая группа, в 1888—1891 гг. имевшая по 5,5 лош. на двор, а в 1896—1900 гг. — по 5,4 лош.

Из этих данных легко сделать тот вывод, что «дифференциация» в крестьянстве не происходит: всего больше увеличилась самая бедная группа, всего больше уменьшилась (по числу дворов) самая богатая. Это не дифференциация, а нивелировка нищеты! И такие выводы, основанные на подобных приемах, очень часто можно встретить в литературе. Но если мы поставим вопрос: изменилось ли взаимоотношение групп внутри крестьянства, то мы увидим иное. В 1888—1891 гг. половина дворов низших групп имела 13,7 % общего числа лошадей, и в 1896—1900 гг. ровно такой же процент. Пятая доля дворов из наиболее зажиточных групп имела в первый период 52,6 % всего числа лошадей, во второй — 53,2 %. Ясно, что взаимоотношение групп почти не изменилось. Крестьянство обеднело, зажиточные группы обеднели, кризис 1891 года дал себя знать самым серьезным образом, но отношения сельской буржуазии к разоряющемуся крестьянству от этого не изменились и не могли, по существу дела, измениться.

Это обстоятельство часто упускают из виду люди, берущиеся судить о разложении крестьянства на основании отрывочно взятых статистических данных. Смешно было бы думать, напр., что отдельные данные о распределении лошадей в состоянии разъяснить хоть что-нибудь по вопросу о крестьянском разложении. Это распределение ровно еще ничего не доказывает, если не взять его в связи *со всей совокупностью* данных о крестьянском хозяйстве. Если мы, разобрав эти данные, установили общее между группами по распределению аренды и сдачи земли, улучшенных орудий и удобрения, заработков и купчей земли, наемных рабочих и количества скота, если мы доказали, что все эти различные стороны явления неразрывно связаны между собою и обнаруживают действительно образование противоположных экономических типов — пролетариата и сельской буржуазии, — если мы установили все это, и только в той мере, в какой это установлено, мы можем брать отдельные данные о распределении хотя бы лошадей для *иллюстрации* всего изложенного выше. Наоборот, если нам ссылаются на тот или другой случай уменьшения количества лошадей, положим, в зажиточной группе за такой-то период, то выводить *только отсюда* какие-либо общие выводы о соотношении сельской буржуазии внутри крестьянства и других групп его было бы вопиющей нелепостью. Ни в одной капиталистической стране, ни в одной отрасли хозяйства нет и быть не может (при господстве рынка) равномерного развития: иначе как скачками, зигза-

гами, то быстро шагая вперед, то временно падая ниже прежнего уровня, *не может* развиваться капитализм. И суть вопроса о русском аграрном кризисе и о предстоящем перевороте состоит вовсе не в том, какова именно степень развития капитализма или каков темп этого развития, а в том, есть ли это капиталистический кризис и переворот, или нет, происходит ли он при условиях превращения крестьянства в сельскую буржуазию и пролетариат, или нет, являются ли отношения между отдельными дворами внутри общины буржуазными, или нет. Другими словами: первой задачей всякого исследования об аграрном вопросе в России является установление основных данных для характеристики классовой сущности аграрных отношений. И лишь потом, когда выяснено, с какими классами и с каким направлением развития мы имеем дело, может идти речь о частных вопросах, о темпе развития, о тех или иных видоизменениях общего направления и т. д.

Основой марксистских взглядов на пореформенное крестьянское хозяйство в России является признание типа этого хозяйства мелкобуржуазным. И споры экономистов марксистского лагеря с экономистами-народниками, прежде всего, шли (и должны идти, если имеется в виду выяснение действительной сущности разногласий) именно о том, правильна ли, применима ли такая характеристика. Не выяснив с полной определенностью *этого* вопроса, нельзя сделать ни шагу вперед к каким-нибудь более конкретным или практическим вопросам. Например, рассматривать те или иные пути решения аграрного вопроса, завещанные XIX веком XX, было бы предприятием совершенно безнадежным и путаным, если бы не было выяснено предварительно, в каком направлении вообще идет наша аграрная эволюция, какие классы могут выиграть при том или ином ходе событий и т. д.

Те подробные данные о разложении крестьянства, которые мы приводили выше, выясняют именно ту основу всех остальных вопросов аграрного переворота, без понимания которой нельзя идти дальше. Та сумма взаимоотношений между различными группами крестьянства, которую мы в противоположных концах России детально изучали, показывает нам как раз сущность общественно-экономических отношений внутри общины. Эти взаимоотношения показывают наглядно мелкобуржуазную природу крестьянского хозяйства в данной исторической обстановке. Когда марксисты говорили, что мелкий производитель в земледелии (все равно, на наделной ли земле он хозяйничает или на какой другой) является неизбежно при развитии товарного хозяйства мелким буржуа, – это положение вызывало недоумение; говорили, что оно бездоказательно, шаблонно переносится с чужих образцов на наши оригинальные условия. Но данные о взаимоотношении групп, о перебивании арендованной земли богатыми общинниками у несостоятельных общинников, о найме батраков первыми и о превращении вторых в наемных рабочих и т. д., и т. д., и т. д. – все эти данные подтверждают теоретические выводы марксизма и делают их неоспоримыми. Вопрос о значении общины в деле направления хозяйственного развития России *решается бесповоротно* этими данными, ибо как раз это действительное направление действительной (а не выдуманной) общины наши данные и показывают. Несмотря на всю уравнительность наделной земли, несмотря на переделы и т. п., *оказывается*, что направление действительного хозяйственного развития крестьян-общинников состоит именно в образовании сельской буржуазии и в вытеснении массы беднейших хозяев в ряды пролетариата. И столыпинская аграрная политика, как мы увидим ниже, и требуемая трудовиками национализация земли лежат по линии этого развития, хотя между этими двумя формами «решения» аграрного вопроса есть громадная разница с точки зрения быстроты общественного развития, роста производительных сил и наибольшего соблюдения интересов массы.

Нам следует теперь рассмотреть еще вопрос о развитии торгового земледелия в России. Предыдущее изложение включало в себя, как предпосылку, тот общеизвестный факт, что вся пореформенная эпоха отличается ростом торговли и обмена. Приводить статистические данные, подтверждающие это, нам кажется совершенно излишним. Но надо показать,

во-первых, насколько именно подчинено уже рынку теперешнее крестьянское хозяйство, а во-вторых, какие *особые* формы принимает земледелие по мере подчинения его рынку.

По первому вопросу всего более точные данные имеются в бюджетной статистике воронежского земства. Мы можем выделить здесь денежные расход и доход крестьянской семьи из всего расхода и дохода (валовые итоги дохода и расхода приводились выше). Вот табличка, показывающая роль рынка:

Какой процент составляют денежные расход и доход у крестьянина ко всему расходу и доходу?		
	%	%
Безлошадные	57,1	54,6
С 1 лошадыю	46,5	41,4
»2 »	43,6	45,7
»3 »	41,5	42,3
»4 »	46,9	40,8
»5 и более	60,2	59,2
<i>В среднем</i>	49,1	47,9

Таким образом, даже хозяйство *среднего* крестьянина, — не говоря уже о хозяйстве зажиточных и обнищавших, полупролетариев, крестьян, — в чрезвычайно сильной степени подчинено рынку. Поэтому всякое рассуждение о крестьянском хозяйстве, игнорирующее преобладающую и растущую роль рынка, обмена, товарного производства, неправильно в корне. Уничтожение крепостнических латифундий и помещичьего землевладения — эта мера, на которой сосредоточены все помыслы русского крестьянства к концу XIX века, *усилит*, а не ослабит власть рынка, ибо рост торговли и товарного производства *задерживается* отработкой и кабалой.

По второму вопросу необходимо указать, что проникновение капитала в земледелие есть своеобразный процесс, который нельзя понять правильно, если ограничиваться огульными, общерусскими данными. Земледелие становится торговым не вдруг и не одинаково в различных хозяйствах и в различных районах государства. Наоборот, рынок подчиняет себе обыкновенно в одной местности одну, в другой — другую сторону сложного земледельческого хозяйства, причем остальные стороны не исчезают, а приспособляются к «главной», т. е. денежной стороне. Например, в одной местности складывается по преимуществу торговое зерновое хозяйство; главным продуктом, производимым на продажу, является зерно. Скотоводство играет подчиненную роль в таком хозяйстве и далее — в крайних случаях одностороннего развития посевного хозяйства — почти исчезает. Например, «пшеничные фабрики» дальнего запада в Америке организовывались иногда на одно лето почти без скота. В других местностях складывается по преимуществу торговое скотоводческое хозяйство; главными продуктами, производимыми на продажу, являются мясные или молочные продукты. Чисто земледельческое хозяйство приспособляется к скотоводческому. Понятно, что и размеры хозяйства и способы организации хозяйства будут различны в том и другом случае. Нельзя судить по величине посева о подгородном молочном хозяйстве. Нельзя брать одинаковую мерку крупного и мелкого хозяйства для степного посева, для огородника, для табаководы, для «молочного фермера» (если употребить английское выражение) и т. д.

Проникновение обмена и торговли в земледелие вызывает специализацию его, и эта специализация все растет. Одни и те же показатели хозяйства (число лошадей, например) получают разное значение в различных районах торгового земледелия. Среди безлошадных крестьян в подстоличной местности есть, напр., крупные хозяева, имеющие, допустим, молочный скот, делающие большие обороты, держащие наемных рабочих. Конечно, в общей массе безлошадных и однолошадных число подобных фермеров совершенно ничтожное, но если мы будем брать одни валовые данные, охватывающие целую страну, то мы не сможем учесть особого вида капитализма в земледелии.

На это обстоятельство надо обратить особое внимание. Игнорируя его, нельзя составить правильного представления о развитии капитализма в земледелии и легко впасть в ошибку упрощения. Всю сложность процесса можно охватить, лишь считаясь с действительными особенностями земледелия. Когда говорят, что земледелие в силу его особенностей не подчиняется законам капиталистического развития, то это совершенно неверно. Особенности земледелия тормозят подчинение земледелия рынку, это так, но тем не менее везде и во всех странах идет неуклонно процесс *роста торгового земледелия*. Но формы этого образования торгового земледелия, действительно, своеобразны и требуют особых методов изучения.

Чтобы пояснить сказанное, возьмем наглядные примеры из различных районов торгового земледелия в России. В районе торгового зернового хозяйства (Новороссия, Заволжье) мы видим чрезвычайно быстрый рост сбора зерновых хлебов; в 1864–1866 годах эти губернии стояли позади центральных черноземных, имея только 2,1 четверти чистого сбора на душу населения; в 1883–1887 годах эти губернии были впереди центра, имея чистый сбор по 3,4 четверти на душу. Расширение посевов, вот что всего более характерно для этого района в пореформенную эпоху. Очень часто обработка земли здесь самая примитивная – все внимание устремлено исключительно на запашку как можно большей площади. Здесь складывалось во второй половине XIX века нечто подобное американским «пшеничным фабрикам». По величине посева (доходившей у крестьян высших групп до 271 дес. на двор) вполне можно судить о размере и типе хозяйства. В другом районе – в промышленном и, в частности, подстоличном – о подобном расширении посевов не может быть и речи. Не торговое зерновое хозяйство, а торговое скотоводство является здесь особенно характерным. По числу десятин обрабатываемой земли или по числу рабочих лошадей здесь уже нельзя составить правильного представления о хозяйстве. Гораздо более пригодным мерилom является число коров (молочное хозяйство). Изменение севооборота, посев трав, а не расширение посевов составляет здесь характерный признак прогресса крупного хозяйства. Многолошадных дворов здесь меньше; может быть, даже уменьшение числа лошадей означает иногда прогресс хозяйства. Зато коровами здешние крестьяне богаче, чем в остальной России. Г-н Благовещенский по итогам земской статистики считал в среднем по 1,2 коровы на двор; в 18 уездах Петербургской, Московской, Тверской и Смоленской губерний имеем по 1,6, а в одной Петербургской – по 1,8 на двор^[72]. И торговый капитал и капитал, вкладываемый в производство, оперируют здесь преимущественно с продуктами скотоводства. Размер дохода зависит всего больше от числа молочных коров. Складываются «молочные фермы». Развивается наем земледельческих рабочих зажиточными крестьянами; мы уже отмечали, что в *промышленные* губернии идут из оскуделого центра на *земледельческие* работы. Одним словом, те же самые общественно-экономические отношения проявляются здесь в совершенно иной форме, при агрикультурных условиях, непохожих на чисто земледельческие.

А если взять специальные культуры, напр., табаководство, или соединение земледелия с технической обработкой продуктов (винокурение, свекло-сахарное, маслoбойное, картофельно-крахмальное и др. производства), то формы проявления предпринимательских отношений здесь окажутся непохожими ни на те, которые существуют при торговом зерновом

хозяйстве, ни на те, которые складываются при торговом скотоводстве. За мерило здесь придется взять либо количество специальных посевов, либо размер того предприятия по технической обработке продуктов, которое связано с данным хозяйством.

Валовая статистика земледелия, имеющая дело только с размерами площадей или с количеством скота, далеко не учитывает всего этого разнообразия форм, и поэтому сплошь да рядом заключения, основанные только на справке с подобной статистикой, оказываются неверными. Рост торгового земледелия идет гораздо быстрее, влияние обмена простирается шире, капитал преобразует сельское хозяйство гораздо глубже, чем можно думать по общим валовым цифрам и абстрактным средним.

VII

Подводим теперь итоги изложенному выше о сущности аграрного вопроса и аграрного кризиса в России к концу XIX века.

В чем сущность этого кризиса? М. Шанин в брошюре «Муниципализация или раздел в собственность» (Вильна, 1907 г.) настаивает на том, что наш земледельческий кризис есть кризис агрикультурный, что самые глубокие корни его – необходимость поднятия техники земледелия, невероятно низкой в России, необходимость перехода к высшим системам полеводства и т. д.

Это мнение неверно, потому что оно слишком абстрактно. Необходимость перехода к высшей технике несомненна, но, во-первых, этот переход и происходил на деле после 1861 года в России. Как ни медленен прогресс, но совершенно бесспорно, что и помещичье и крестьянское хозяйство в лице зажиточного меньшинства переходили к травосеянию, к употреблению улучшенных орудий, к более систематическому и тщательному удобрению земли и т. д. А раз этот медленный прогресс земледельческой техники есть всеобщий процесс, идущий с 1861 года, то очевидно, что недостаточно еще указать на него для объяснения всеми признаваемого обострения земледельческого кризиса к концу XIX века. Во-вторых, обе формы «решения» аграрного вопроса, наметившиеся в жизни, и столыпинское решение его *сверху*, путем сохранения помещичьего землевладения и окончательного уничтожения общины, разграбления ее кулаками, – и крестьянское (трудовическое) решение *снизу*, путем уничтожения помещичьего землевладения и национализации всей земли, оба эти решения по-своему облегчают переход к высшей технике, идут по линии агрикультурного прогресса. Только одно решение базирует этот прогресс на ускорении процесса выталкивания крестьянской бедноты из земледелия, другое – на ускорении процесса вытеснения отработков путем уничтожения крепостнических латифундий. Что крестьянская беднота «хозяйничает» на своей земле из рук вон плохо, это факт несомненный. Несомненно, значит, что если отдать ее земли на поток и разграбление кучке зажиточного крестьянства, то агрикультура поднимается. Но точно так же несомненный факт и то, что помещичьи земли, эксплуатируемые посредством отработков и кабалы, обрабатываются из рук вон плохо, *хуже наделных земель* (припомните приведенные выше данные: с наделных земель 54 пуда с 1 дес, с экономических 66, с находящихся в испольной обработке 50, с арендованных погодно крестьянами 45). Отработочная система помещичьего хозяйства есть сохранение невероятно отсталых приемов земледелия, есть увековечение варварства и в агрикультуре и во всей общественной жизни. Несомненно, значит, что если вырвать все отработки с корнем, т. е. совершенно уничтожить (и притом без выкупа) все помещичье землевладение, то агрикультура поднимется.

Следовательно, сущность аграрного вопроса и аграрного кризиса состоит не в том, чтобы устранить помехи поднятию агрикультуры, а в том, *каким образом* устранить эти помехи, какому классу и какими методами провести это устранение. А устранить помехи развитию производительных сил страны безусловно необходимо, не только в субъективном

смысле слова необходимо, но и в объективном, т. е. это устранение неизбежно, и никакие силы не в состоянии предотвратить его.

Ошибка М. Шанина, которую делают также очень многие писатели по аграрному вопросу, состоит в том, что он взял верное положение о необходимости поднятия земледельческой техники слишком абстрактно, не учтя своеобразных форм сплетения крепостнических и капиталистических черт в русском земледелии. Главной и основной помехой развитию производительных сил сельского хозяйства России являются пережитки крепостничества, т. е. отработки и кабала прежде всего, затем крепостнические подати, неравноправность крестьянина, приниженность его перед высшим сословием и т. д. и т. д. Устранение этих пережитков крепостничества давно стало хозяйственной необходимостью, и кризис земледелия к концу XIX века обострился невероятно сильно именно потому, что процесс освобождения России от средневековья слишком затянулся, что отработки и кабала слишком долго «зажились». Они отмирали после 1861 года до того медленно, что новому организму потребовались насильственные способы быстрого очищения от крепостничества.

Каков этот новый хозяйственный организм русского земледелия? Это мы старались показать в предыдущем изложении особенно подробно, ибо на этот счет существуют особенно неправильные представления у экономистов либерально-народнического лагеря. Новый хозяйственный организм, который вылезает у нас из крепостнической скорлупы, есть торговое земледелие и капитализм. Экономика помещичьего хозяйства, поскольку оно ведется не отработками, не кабалой надельного крестьянина, показывает с полнейшей ясностью капиталистические черты. Экономика крестьянского хозяйства — поскольку мы умеем заглянуть внутрь общины и посмотреть, что делается в жизни вопреки официальной уравнительности надельного землевладения — показывает нам опять-таки везде и повсюду чисто капиталистические черты. Рост торгового земледелия идет в России непрерывно, несмотря на все помехи, и это торговое земледелие неизбежно превращается в капиталистическое, хотя формы этого превращения в высшей степени разнообразны и видоизменяются в отдельных районах.

В чем должно состоять то насильственное устранение средневековой скорлупы, которое стало необходимостью для дальнейшего свободного развития нового хозяйственного организма? В уничтожении средневекового землевладения. Средневековым является в России до сих пор и помещичье землевладение и в значительной части также крестьянское. Мы видели, как новые экономические условия ломают эти средневековые рамки и перегородки землевладения, заставляя бедного крестьянина сдавать свой исконный надел, заставляя зажиточного крестьянина составлять свое, сравнительно крупное, хозяйство из кусочков различных земель: и надельных, и купчих, и арендованных у помещика. И на помещичьей земле разделение земель под отработками, под погодной крестьянской арендой, под экономическим посевом, показывает, что новые системы хозяйства строятся вне рамок старого, средневекового, землевладения.

Уничтожить это землевладение можно сразу, решительно разорвав с прошлым. Такой мерой является национализация земли, которой и требовали, более или менее последовательно, все представители крестьянства в период 1905—1907 годов. Уничтожение частной собственности на землю несколько не изменяет буржуазных основ торгового и капиталистического землевладения. Нет ничего ошибочнее того мнения, будто национализация земли имеет что-либо общее с социализмом или даже с уравнительностью землепользования. Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства. Национализация же есть превращение земли в собственность государства, и такое превращение несколько не затрагивает частного хозяйства на земле. Будет ли земля собственностью или «достоянием» всей страны, всего народа, от этого не меняется система хозяйства на земле, совершенно точно так же, как не меняется (капиталистическая) система хозяйства у зажи-

точного мужика, покупает ли он землю «навечно», арендует ли помещичью или казенную землю, «собирает» ли наделы опустившихся несостоятельных крестьян. Раз остается обмен, о социализме смешно и говорить. А обмен продуктов земледелия и средств производства совершенно не зависит от форм землевладения. (Замечу в скобках, что я излагаю здесь только экономическое значение национализации, а не защищаю ее, как программу; такую защиту я дал в названной выше работе¹⁵.)

Что касается уравнительности, то мы уже показали выше применение ее на деле при распределении наделной земли. Мы видели, что наделная земля распределяется внутри общины довольно уравнительно, лишь слегка подаваясь в сторону богачей. Но от этой уравнительности остается в результате очень мало вследствие сдачи земли беднотой и концентрации аренды в руках богачей. Ясно, что никакая уравнительность землевладения не в силах устранить неравномерности действительного землепользования, раз есть налицо имущественные различия между хозяевами и система обмена, обостряющая эти различия.

Экономическое значение национализации совсем не в том, где его сплошь да рядом ищут. Не в борьбе с буржуазными отношениями состоит оно (национализация – самая последовательная буржуазная мера, как давно показал Маркс^[73]), а в борьбе с крепостническими отношениями. Пестрота средневекового землевладения тормозит хозяйственное развитие; сословные рамки мешают торговому обороту; несоответствие старого землевладения и нового хозяйства порождает острые противоречия; помещики благодаря латифундиям затягивают существование отработков; крестьяне заперты точно в гетто, в наделном землевладении, рамки которого жизнь ломает на каждом шагу. Национализация сметает все средневековые отношения в землевладении дочиства, уничтожает все искусственные перегородки на земле, делает землю действительно свободной – для кого? для всякого гражданина? Ничего подобного. Свобода безлошадного крестьянина (т. е. $3\frac{1}{4}$ миллионов дворов) состоит, как мы видели, в том, чтобы сдавать наделную землю. Земля становится свободной – *для хозяина*, для того, кто действительно хочет и *может* обрабатывать ее так, как этого требуют современные условия хозяйства вообще и мирового рынка в частности. Национализация ускорила бы смерть крепостничества и развитие чисто буржуазного фермерства на свободной от всяческого средневекового хлама земле. Вот действительное историческое значение национализации в России, как она сложилась к концу XIX века.

Что касается до другого, объективно не невозможного, пути расчистки землевладения для капитализма, то он состоит, как мы видели, в ускоренном ограблении общины богачами и в укреплении частной земельной собственности у зажиточного крестьянства. Главный источник отработков и кабалы остается при этом незатронутым, помещичьи латифундии остаются. Ясно, что такой способ расчистки пути для капитализма в неизмеримо меньшей степени обеспечивает свободное развитие производительных сил, чем первый. Раз сохраняются латифундии, неизбежно сохранение и кабального крестьянина, исполщины, мелкой погодной аренды, обработки «барских» земель крестьянским инвентарем, т. е. сохранение самой отсталой культуры и всего того азиатского варварства, которое называется патриархальным деревенским бытом.

Два, указанные мною, способа «решения» аграрного вопроса в развивающейся буржуазной России соответствуют двум путям развития капитализма в земледелии. Я называю эти пути прусским и американским. Первый характеризуется тем, что средневековые отношения землевладения не ликвидируются сразу, а медленно приспособляются к капитализму, который надолго сохраняет в силу этого полуфеодалские черты. Прусское помещичье землевладение не разбито буржуазной революцией, а уцелело и стало основой «юнкерского» хозяйства, капиталистического в основе, но не обходящегося без известной зависимости сельского

¹⁵ См. Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 271–304. *Ред.*

населения вроде *Gesindeordnung*¹⁶ и т. п. От этого социальное и политическое господство юнкеров упрочено на долгие десятилетия после 1848 года, и развитие производительных сил германского земледелия шло несравненно медленнее, чем в Америке. Там, наоборот, основой капиталистического земледелия послужило не старое рабовладельческое хозяйство крупных помещиков (гражданская война разбила рабовладельческие экономии), а свободное хозяйство свободного фермера на свободной земле, свободной от всех средневековых пут, от крепостничества и феодализма, с одной стороны, а с другой стороны, и от пут частной собственности на землю. Земли раздавались в Америке из ее громадного земельного запаса за номинальную плату, и лишь на новой, вполне капиталистической основе развилась там теперь частная собственность на землю.

Оба эти пути капиталистического развития вполне ясно обрисовались в России после 1861 года. Несомненен прогресс помещичьего хозяйства, причем медленность этого прогресса не случайна, а неизбежна, пока сохраняются пережитки крепостничества. Несомненно также, что чем свободнее крестьянство, чем меньше давят на него остатки крепостного права (на юге, например, есть все эти благоприятные условия), наконец, чем лучше в общем и целом обеспечено крестьянство землей, тем сильнее разложение крестьянства, тем быстрее идет образование класса сельских предпринимателей-фермеров. Весь вопрос дальнейшего развития страны сводится к тому, какой же из этих путей развития возьмет окончательно верх над другим, и, соответственно этому, какой класс проведет необходимое и неизбежное преобразование: старый ли барин-землевладелец или свободный крестьянин-фермер.

У нас думают нередко, что национализация земли означает изъятие земли из торгового оборота. На этой точке зрения безусловно стоит большинство передовых крестьян и идеологов крестьянства. Но такой взгляд в корне ошибочен. Как раз наоборот. Частная собственность на землю является помехой свободному приложению капитала к земле. Поэтому при свободной аренде земли у государства (а к этому сводится сущность национализации в буржуазном обществе) земля *сильнее* втягивается в торговый оборот, чем при господстве частной поземельной собственности. Свобода приложения капитала к земле, свобода конкуренции в земледелии гораздо больше при свободной аренде, чем при частной собственности. Национализация земли, это — так сказать, лендлордизм без лендлорда. А что значит лендлордизм в деле капиталистического развития земледелия, об этом замечательно глубоко рассуждает Маркс в «Теориях прибавочной стоимости». Я привел его рассуждение в названной выше работе об аграрной программе, но позволю себе ввиду важности вопроса повторить его здесь еще раз¹⁷.

В параграфе об исторических условиях теории ренты Рикардо («Theorien über den Mehrwert». II. Band, 2. Teil, Stuttgart, 1905, S. 5–7^{18(170)}}) Маркс говорит, что Рикардо и Андерсон «исходят из воззрения, кажущегося очень странным на континенте». Именно: они предполагают, что «не существует вовсе поземельной собственности, как помехи любому применению капитала к земле». На первый взгляд, это — противоречие, потому что как раз в Англии феодальная поземельная собственность считается в особенности полно сохранившейся. Но Маркс объясняет, что именно в Англии капитал «расправлялся так беспощадно с традиционными земледельческими порядками, как нигде на свете». В этом отношении Англия «самая революционная страна в мире». «Все исторически унаследованные порядки там, где они противоречили условиям капиталистического производства в земледе-

¹⁶ Устава о челяди. *Ред.*

¹⁷ См. Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 249–253. *Ред.*

¹⁸ «Теории прибавочной стоимости». II том, 2 часть, Штутгарт, 1905, стр. 5–7.^{(170)}} *Ред.*

^{(170)}} См. К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»)), ч. II, 1957, стр. 230–231.

лии или не соответствовали этим условиям, были беспощадно сметены: не только изменено расположение сельских поселений, но сметены сами эти поселения; не только сметены жилища и места поселения сельскохозяйственного населения, но и само это население; не только сметены исконные центры хозяйства, но и само это хозяйство. У немцев, – продолжает Маркс, – экономические распоряжки оказались определены традиционными отношениями общинных земель (Feldmarken), расположением хозяйственных центров, известными местами скопления населения. У англичан исторические распоряжки земледелия оказались постепенно созданы капиталом, начиная с XV века. Английское техническое выражение «clearing of estates» («чистка земель») не встречается ни в одной континентальной стране. А что означает это clearing of estates? Оно означает, что не считались совершенно ни с оседлым населением – его выгоняли; ни с существующими деревнями – их сравнивали с землей; ни с хозяйственными постройками – их отдавали на слом; ни с данными видами сельского хозяйства – их меняли одним ударом, превращая, напр., пахотные поля в выгон для скота; одним словом, не принимали всех условий производства в том виде, как они существовали по традиции, а исторически *создавали* эти условия в такой форме, чтобы они отвечали в каждом данном случае требованиям самого выгодного приложения капитала. Постольку, следовательно, действительно *не существует собственности на землю*, ибо эта собственность предоставляет капиталу – фермеру – хозяйничать свободно, интересуясь исключительно получением денежного дохода. Какой-нибудь померанский помещик» (Маркс имеет в виду Родбертуса, теорию ренты которого он опровергает блестяще и детально в данном сочинении), «у которого в голове только и есть, что стародавние общинные земли, центры хозяйства, коллегия землевладения и т. п., может поэтому в ужасе всплескивать руками по поводу «неисторического» воззрения Рикардо на развитие земледельческих отношений». На самом же деле «английские условия – единственные условия, в которых адекватно (с идеальным совершенством) развилась современная собственность на землю, т. е. собственность на землю, *видоизмененная* капиталистическим производством. Английская теория (т. е. теория ренты Рикардо) является в этом пункте классической для современного, т. е. капиталистического, способа производства».

В Англии эта чистка земли шла в революционных формах с насильственной ломкой крестьянского землевладения. Ломка старины, отжившей свое время, абсолютно неизбежна и в России, но девятнадцатый век (да и первые 7 лет двадцатого) не решились еще вопроса о том, какой класс и в какой форме произведет необходимую для нас ломку. Мы показали выше, какова основа распределения земли в России в настоящее время. Мы видели, что 10^{1/2} миллионам крестьянских дворов с 75 миллионами десятин земли противостоят 30 000 владельцев латифундий с 70 миллионами десятин. Один из возможных исходов борьбы, которая не может не разгораться на такой почве, состоит в том, что землевладение десяти миллионов дворов почти удвоится, а землевладение верхних тридцати тысяч исчезнет. Рассмотрим этот возможный исход чисто теоретически, с точки зрения того, как сложился аграрный вопрос в России к концу XIX века. Каковы должны были бы быть результаты такой перемены? С точки зрения отношений землевладения очевидно, что средневековое надельное и средневековое помещичье землевладение были бы перетасованы заново. Старина была бы сметена дотла. В отношениях землевладения не осталось бы ничего традиционного. Какая же сила определила бы новые отношения землевладения? «Принцип» уравнительности? Так склонен думать передовой крестьянин, затронутый народнической идеологией. Так думает народник. Но это иллюзия. В общине признанный законом и освященный обычаем «принцип» уравнительности ведет на деле к приспособлению землевладения к различиям в имущественной состоятельности. И на основании этого *экономического факта*, тысячекратно подтверждаемого и русскими данными и западноевропейскими, мы утверждаем, что надежда на уравнительность разлетелась бы как иллюзия, а *перетасовка землевладения*

осталась бы как единственный прочный результат. Велико ли значение *такого* результата? Чрезвычайно велико, ибо никакая иная мера, никакая иная реформа, никакое иное преобразование не могли бы дать таких полных гарантий наиболее быстрого, широкого и свободного прогресса земледельческой техники в России и исчезновения из нашей жизни всех следов крепостничества, сословности, азиатчины.

Прогресс техники? – возразят нам, пожалуй. Но не показано ли выше точными данными, что помещичье хозяйство стоит выше крестьянского хозяйства и по травосеянию, и по употреблению машин, и по удобрению, и по качеству скота, конечно, и т. д.? Да, это показано, и факт этот совершенно несомненен. Но не надо забывать, что *все* эти различия в хозяйственной организации, технике и проч. суммируются в *урожайности*. А мы видели, что урожаи с помещичьих земель, *находящихся в испольной и т. п. обработке у крестьян*, ниже урожаев на наделной земле. Вот какое обстоятельство почти всегда забывают, говоря об агрикультурном уровне помещичьего и крестьянского хозяйства в России! Помещичье хозяйство стоит выше, *поскольку* оно ведется капиталистически. И вся суть в том, что это «поскольку» к концу XIX века оставило отработки преобладающей в нашем центре системой хозяйства. *Поскольку* на помещичьих землях хозяйничает и теперь своими староредедовскими орудиями, способами и т. д. кабальный крестьянин, *постольку* помещичье землевладение есть главная причина отсталости и застоя. Перемена в землевладении, обсуждаемая нами, подняла бы урожай с испольных и арендованных земель (теперь этот урожай – см. цифры выше – 50 и 45 пуд. при 54 пуд. на наделной земле и 66 пуд. на владельческих посевах). Если бы даже этот урожай поднялся *только* до уровня урожая с наделных земель, то и тогда шаг вперед был бы громадный. Но понятно само собой, что и урожай с наделных земель поднялся бы как вследствие освобождения крестьянина от гнета крепостнических латифундий, так и в силу того, что наделные земли стали бы тогда, подобно всем остальным землям государства, свободными землями, одинаково доступными (не всем гражданам, а гражданам с земледельческим капиталом, т. е. –) фермерам.

Этот вывод вытекает вовсе не из данных об урожайности, взятых нами. Напротив, эти данные взяты лишь для наглядной иллюстрации вывода, вытекающего из *всей совокупности* данных об эволюции русского помещичьего и крестьянского хозяйства. Чтобы опровергнуть этот вывод, надо опровергнуть тот факт, что история русского земледелия во второй половине XIX века есть история смены крепостнических производственных отношений буржуазными.

Если держаться данных о числе крестьянских хозяйств в настоящее время, то может получиться впечатление, что рассматриваемое нами аграрное преобразование повело бы к чрезвычайному раздроблению земледелия. Помилуйте, тринадцать миллионов хозяйств на 280 миллионах десятин! разве это не чудовищное распыление? Мы ответим на это: ведь это *теперь* мы видим такое безмерное распыление, ибо *теперь* тринадцать миллионов хозяйств *хозяйничают* на *меньшей* площади, чем 280 млн. дес.! Следовательно, перемена, интересующая нас, ни в каком случае не внесла бы ухудшения в рассматриваемом отношении. Мало того. Мы ставим дальше вопрос, есть ли основание думать, что общее число хозяйств останется при этой перемене прежним? Обыкновенно смотрят именно так под влиянием народнических теорий и мнений самих крестьян, которые всеми помыслами тянут к земле и способны мечтать даже о превращении промышленных рабочих в мелких земледельцев. Несомненно, некоторое число русских промышленных рабочих в конце XIX века стоят и сами на этой крестьянской точке зрения. Но вопрос в том, *верна* ли эта точка зрения? соответствует ли она *объективным* хозяйственным условиям и ходу экономического развития? Достаточно поставить ясно этот вопрос, чтобы увидеть, что крестьянский взгляд определяется отживающим и безвозвратным прошлым, а не нарастающим будущим. Крестьянский

взгляд *неверен*. Он представляет из себя идеологию вчерашнего дня, а экономическое развитие *на деле* ведет не к увеличению, а к уменьшению земледельческого населения.

Перемена в отношениях землевладения, рассматриваемая нами, не уничтожит и не может уничтожить этого процесса уменьшения доли земледельческого населения, процесса, общего всем странам развивающегося капитализма. Каким образом могла бы эта перемена, спросят меня, пожалуй, повлиять на уменьшение земледельческого населения, раз доступ к земле стал бы свободен для всех? Я отвечу на это цитатой из одной думской речи крестьянского депутата (Полтавской губернии), г. Чижевского. В заседании 24 мая 1906 года он говорил: «У нас крестьяне, те же выборщики, которые посылали нас сюда, производили, например, такой расчет: «Если бы мы были немного богаче и если бы каждая наша семья могла пять-шесть рублей в год расходовать на сахар, – в каждом из тех уездов, где возможно производство свеклы, возникло бы несколько сахарных заводов, в добавление к тем, которые существуют теперь». Совершенно естественно, что если бы эти заводы возникли, какая масса рук потребовалась бы для хозяйства при его интенсификации! Увеличилось бы производство сахарных заводов и т. д.» («Стенографические отчеты», стр. 622).

Это – чрезвычайно характерное признание местного деятеля. Если бы спросить его мнение о значении аграрного преобразования вообще, он, наверное, высказал бы народнические взгляды. Но раз вопрос встал не о «мнениях», а о *конкретных* последствиях преобразования, *капиталистическая правда* сразу взяла верх над *народнической утопией*. Ибо то, что сказали крестьяне своему депутату г. Чижевскому, есть именно капиталистическая правда, правда капиталистической действительности. Рост числа сахарных заводов и производительности их действительно был бы громаден при всяком сколько-нибудь серьезном улучшении положения массы мелких земледельцев; и само собою понятно, что не только свеклосахарное производство, но все отрасли обрабатывающей промышленности: текстильная, железнорудная, машиностроительная, строительная вообще и проч. и проч., получили бы громадный толчок, потребовали бы «массы рук». И эта экономическая необходимость оказалась бы сильнее всех прекрасных упований и мечтаний об уравнительности. Три с четвертью миллиона безлошадных дворов не станут «хозяевами» *ни от какого* аграрного преобразования, ни от каких перемен в землевладении, ни от какого «наделения земель». Эти миллионы дворов (да и не малая часть однолошадных) *маются*, как мы видели, на своих кусочках земли, *сдают свои наделы*. Американское развитие промышленности *неминуемо* отвлекло бы большинство таких безнадежных в капиталистическом обществе хозяев от земледелия, и никакое «право на землю» не в силах будет помешать этому отвлечению. Тринадцать миллионов мелких хозяев с самым жалким, нищенским и устарелым инвентарем, ковыряющих и свою надельную и барскую землю, это – действительность сегодняшнего дня; это – *искусственное* перенаселение в земледелии, искусственное в смысле насильственного удержания тех крепостнических отношений, которые давно пережили себя и *не могли бы* продержаться ни одного дня без экзекуций, расстрелов, карательных экспедиций и т. п. Всякое серьезное улучшение в положении массы, всякий серьезный удар крепостническим пережиткам *неминуемо* подорвали бы это перенаселение деревни, усилили бы в громадных размерах (идуший медленно и теперь) процесс отвлечения населения от земледелия к промышленности, уменьшили бы число хозяйств с 13 миллионов до гораздо более низкой цифры, повели бы Россию вперед по-американски, а не по-китайски, как теперь.

Аграрный вопрос в России к концу XIX века поставил на разрешение общественным классам задачу: покончить с крепостнической стариной и очистить землевладение, очистить всю дорогу для капитализма, для роста производительных сил, для свободной и открытой борьбы классов. И эта же борьба классов определит, каким образом будет решена эта задача.

1 июля нов. ст. 1908 г.

О некоторых чертах современного распада

Нам неоднократно приходилось отмечать идейный и организационный распад *справа*, в лагере буржуазных демократов и социалистических оппортунистов, распад, неизбежный – в период разгула контрреволюции – среди партий и течений с преобладанием мелкобуржуазной интеллигенции. Но картина распада была бы неполна, если бы мы не остановились и на распаде *«слева»*, в лагере мелкобуржуазных «социалистов-революционеров».

Конечно, выражение «слева» можно употребить здесь только в очень и очень условном смысле, для характеристики тех, кто склонен *играть* в левизну. Мы уже не раз указывали в «Пролетарии», что именно период русской революции в ее наибольшем подъеме обнаружил особенно наглядно в открытой, массовой, политике всю неустойчивость, непрочность, всю беспринципность эсеровского «революционализма». Достаточно напомнить только крупнейшие события. Осенний подъем 1905 года: эсеры в тайном блоке с энесами, которые тянут к легальной «народно-социалистической партии». Съезд партии с.-р. в декабре 1905 г. отвергает «план» образования подобного двойника эсерской партии, но в весенний и летний подъем 1906 года мы видим *опять* эсеров в ежедневных газетах, т. е. на главной трибуне всенародной агитации, идущими в блоке с энесами. Эти последние открыто отказываются от революции осенью 1906 г., после поражения Свеаборга и Кронштадта^[74], открыто выступают, как оппортунисты, и, тем не менее, выборы во II Думу в Петербурге (весна 1907 года) опять возрождают «народнический блок» эсеров, энесов и трудовиков. Одним словом, революция вполне и окончательно вскрыла отсутствие сколько-нибудь определенной классовой опоры у партии с.-р., свела ее на деле к роли придатка, крыла мелкобуржуазной крестьянской демократии, *заставила* ее колебаться постоянно между словесным революционным порывом и энесовско-трудовической дипломатией. Выделение максималистов, которые все время в течение революции выделялись и не могли выделиться из эсеров окончательно, только подтверждало классовую неустойчивость народнической революционности. Эсеровскому центру, «чистым» эсерам – писали мы еще в № 4 «Пролетария», в статье «Эсеровские меньшевики», – ничего не остается, как защищаться заимствуемыми у марксистов доводами от обоих «новых» направлений в эсерстве¹⁹. Если социал-демократы вышли из революции, окончательно сплотив с собой один определенный класс, именно пролетариат, и отчеканив два течения, свойственные всей международной социал-демократии, оппортунистическое и революционное, то социалисты-революционеры вышли из революции без всякой прямой базы, без всякой определенной межи, способной отделить их, с одной стороны, от трудовиков и энесов, связанных с массой мелких хозяйчиков, с другой стороны, от максималистов, как интеллигентской террористической группы.

И теперь, после исчезновения – может быть, временного – максимализма, мы видим возобновление родственного ему течения в новом костюме. Газетка «Революционная Мысль»^[75] (№ 1 – апрель 1908, № 2 – июнь), орган «группы социалистов- центрального органа, «Знамени Труда», и провозглашает *«пересмотр* нашего (т. е. революционеров», отгораживает *себя* от «официального органа партии с.-р.», т. е. от центрального органа, «Знамени Труда»^[76], и провозглашает *«пересмотр* нашего (т. е. эсерского) теоретического мирозерцания, наших эсерских методов борьбы и организации». Конечно, весь этот «пересмотр», вся эта «критическая творческая работа», обещанная новой газетой, есть чистейшая фраза. На деле ни о каком пересмотре теории нет и не может быть речи, ибо нет у новой газеты никакого теоретического мирозерцания, а есть только перепев на тысячу ладов призывов к террору, да неуклюжее, неумелое, наивное приспособление к этому якобы новому, а на

¹⁹ См. Сочинения, 5 изд., том 13, стр. 398–399. Ред.

деле старому и очень старому приему взглядов на революцию, на массовое движение, на значение партий вообще и т. д. Поразительное убожество такого «теоретического» багажа бьет в глаза при сопоставлении с велеречивыми обещаниями пересмотра, критики и творчества. Полная спутанность теоретических взглядов и у «нового» и у «старого» направления в эсерстве выступает тем более ярко, что «Революционная Мысль» сама подчеркивает «эволюцию, происходящую во взглядах руководителей официального органа партии с.-р.» – эволюцию, состоящую в усиленном подчеркивании «систематического центрального политического террора» для «ускорения событий». Это – цитата из № 8 «Знамени Труда». А в № 10–11 (февраль – март 1908 г.) мы встречаем совершенно такие же речи о «напряжении усилий всей партии» на «центральном политическом терроре», о необходимости найти на это «крупные денежные средства», причем тут же рядом делается «тонкий намек» на возможный источник этих средств: «все партии, – пишет «Знамя Труда», стр. 7–8, – вплоть до кадетов и мирнообновленцев, воспользуются ближайшими плодами этой деятельности. И потому партия вправе рассчитывать на самую широкую общественную помощь в этой своей борьбе».

Читатель видит, что нового в речах новой газеты нет ничего. Она характерна только с той стороны, что дает поучительный материал для оценки *распада*, прикрытого «левыми» и якобы революционными фразами. Меньшевики в «Голосе Социал-Демократа» (№ 1) оправдывают сборы денежных средств с либералов известной политической солидарностью целей. Эсеры в «Знамени Труда» говорят кадетам и мирнообновленцам: вы же воспользуетесь плодами. Крайности сходятся. Мелкобуржуазный оппортунизм и мелкобуржуазная революционность одинаково «поглядывают» – хотя с разных сторон – на кадетов и мирнообновленцев. И не только в этом сходятся указанные крайности. Разочарованность вынесена из революции и меньшевиками и «революционными» народниками. Махнуть рукой на партийность, на старые партийные традиции, на революционную массовую борьбу готовы те и другие. «Ошибка, общая почти всем революционным партиям, – пишет «Революционное Недомыслие», – ошибка, сыгравшая пагубную роль в переживаемом ныне кризисе, заключается в преувеличенной вере в возможность и необходимость массового народного восстания»... «Жизнь не оправдала ожидания партии». Напрасно, видите ли, строили социалисты-революционеры «социалистическую программу по марксистскому шаблону», строили «представление о революции в отождествлении ее с массовым движением и массовым восстанием, вызываемым экономическими потребностями, правда, делая поправку на инициативное меньшинство». Надо, вместо поправок, развить «теорию и практику активного действия инициативного меньшинства» (№ 1, стр. 6–7). Надо превозносить значение «непосредственного чувства, которое охватывает революционера, и идеалов, которые его одухотворяют» (№ 2, стр. 1), а теоретические вопросы, философия, научный социализм, это все пустяки, по мнению «новых» социально-революционных обскурантов. «Есть ли надежда на вооруженное восстание в более или менее ближайшем (так и сказано: «в более или менее ближайшем») будущем?» – спрашивает «Революционное Недомыслие» и отвечает: «В этом все согласны: нет такой надежды» (№ 2, стр. 2). Вывод: в России «политический переворот не может быть произведен иначе, как революционным меньшинством» (стр. 7). «Причины неудачи революционных партий за последние три года не были случайными и зависели, на наш взгляд, не только от объективных условий и не только от тактических ошибок, а лежали также в самой концепции их организации» (стр. 10): революционеры ставили себе, видите ли, «невыполнимые задачи» действительно руководить массами; социал-демократы *смуцали* эсеров и побуждали их, в ущерб настоящему делу – террористической борьбе – думать об организации крестьянства и подготовке его к всеобщему вооруженному восстанию (стр. 11). Крайняя централизация партий – «генеральство» – «дух авторитарности» (стр. 12) – вот зло. «В большой сильной партии революционеры видели единственное средство

и залог достижения поставленной цели, не замечая ни практической невозможности, при наших русских условиях, создать такую партию, ни всех ее темных сторон» (стр. 12).

Кажется, довольно! Какой хаос мысли царит в «Революционной Мысли», какой обскурантизм она проповедует, на каком пошлом обывательском отчаянии, малодушии и разочарованности после первых трудностей дела строится якобы революционная программа, – об этом не стоит тратить слов. Приведенные цитаты говорят сами за себя.

Но пусть не думает читатель, что подобные рассуждения – просто вздор, случайно выболтанный неведомой и незначительной группкой. Нет, такой взгляд был бы ошибочен. Тут есть своя логика, логика разочарованности в партии и в народной революции, разочарованности в способности *масс* к непосредственной революционной борьбе. Это – логика интеллигентской взвинченности, истеричности, неспособности к выдержанной, упорной работе, неумения применить основные принципы теории и тактики к изменившимся обстоятельствам, неумения вести пропагандистскую, агитационную и организационную работу при условиях, резко отличных от тех, которые мы пережили недавно. Вместо того, чтобы направить все усилия на борьбу с обывательским развалом, проникающим не только в высшие, но и низшие классы, вместо того, чтобы крепче сплачивать разрозненные партийные силы на отстаивании испытанных революционных принципов, вместо этого неуравновешенные люди, оторванные от классовой опоры в массах, выкидывают за борт все, чему они учились, и провозглашают «пересмотр», т. е. возврат к старенькому хламу, к революционному кустарничеству, к раздробленной деятельности группок. Никакой героизм этих группок и отдельных лиц в террористической борьбе не изменит того, что деятельность их, как людей *партии*, есть проявление *распада*. И чрезвычайно важно усвоить себе ту истину, – подтверждаемую опытом всех стран, переживших поражения революции, – что одна и та же психология, одна и та же классовая особенность, напр., мелкой буржуазии, проявляется и в унынии оппортуниста и в отчаянии террориста.

«Все согласны, что нет надежды на вооруженное восстание в более или менее ближайшем будущем». Подумайте над этой хлесткой и шаблонной фразой. Люди, очевидно, никогда не задумывались над объективными условиями, порождающими сначала широкий политический кризис, а потом, при обострении этого кризиса, гражданскую войну. Люди *заучили* наизусть «*лозунг*» вооруженного восстания, не *поняв* значения и условий применимости этого лозунга. Поэтому так легко и бросают они непродуманные, на веру взятые, лозунги после первых же поражений революции. А если бы эти люди ценили марксизм, как единственную революционную теорию XX века, если бы они поучились истории русского революционного движения, то они увидели бы различие между фразой и развитием действительно революционных лозунгов. Социал-демократы не ставили «лозунга» восстания ни в 1901 г., когда демонстрации заставили Кричевского и Мартынова закричать о «штурме», ни в 1902 и 1903 гг., когда покойный Надеждин обозвал план старой «Искры» «литературщиной». Лозунг восстания поставили только после 9-го января 1905 г., когда ни единому человеку нельзя уже было сомневаться в том, что общенациональный политический кризис *разразился*, что он обостряется в непосредственном движении масс не по дням, а по часам. И в несколько месяцев этот кризис *довел* до восстания.

Какой урок вытекает из этого? Тот, что мы должны теперь внимательно следить за подготовляющимся новым политическим кризисом, учить массы урокам 1905 г., неизбежности перехода всякого острого кризиса в восстание и укреплять организацию, которая бросит этот лозунг в момент наступления кризиса. Ставить же вопрос так: «есть ли надежда в ближайшем будущем?» бесплодно. Положение дел в России таково, что ни один сколько-нибудь вдумчивый социалист не отважится на предсказания. Все, что мы *знаем* и что можем сказать, сводится к тому, что без пересоздания аграрных отношений, без полной ломки старого земельного строя Россия жить не может, а жить она будет. Борьба идет из-за того, удастся ли

Столыпину по-помещичьи совершить эту ломку, или крестьяне под руководством рабочих *сами* произведут ее так, как им это выгодно. Дело социал-демократов – внедрить в массы ясное понимание этой *экономической* основы нарастающего кризиса и воспитывать серьезную партийную организацию, которая бы помогла народу усвоить богатые уроки революции и способна была *руководить* им в борьбе, когда созреют зреющие силы для новой революционной «кампании».

Но этот ответ, конечно, покажется «неопределенным» для людей, которые смотрят на «лозунги» не как на практический вывод из классового анализа и учета определенного исторического момента, а как на талисман, раз навсегда данный партии или направлению. Таким людям непонятно, что неумение сообразовать свою тактику с различиями определившихся вполне и неопределенных моментов есть результат политической невоспитанности и узости кругозора. Укреплять организацию! Наши герои революционного «визга» презрительно морщат нос по поводу такой скромной, невинной задачи, не обещающей «сейчас», немедленно, завтра же, никакого шума и треска. «Жизнь не оправдала ожидания партии». И это говорится после 3-х лет революции, давшей невиданное в мире *подтверждение* роли и значения сильных партий! Именно русская революция в первом же своем периоде показала, что *можно* даже при плевенских порядках^[77] создать *партию*, действительно способную *руководить классами*. Весной 1905 г. наша партия была союзом подпольных кружков; осенью она стала партией *миллионов* пролетариата. «Сразу» это стало так, господа, или десятилетие медленной, упорной, невидной и нешумной работы *подготовили* и обеспечили такой результат? И если в такой момент, как переживаемый нами, гг. официальные и неофициальные эсеры ставят на *первый* план царевубийство, а не создание в крестьянской массе *партийной* организации, способной выковать нечто более прочное, идейное, твердое и выдержанное из киселеобразной революционности трудовичества, как течения, – то мы скажем, что народнический социализм в России умирает, что он уже умер давно, что его вожди чувствуют смутно свой «крах», как народников, за первую же кампанию народной революции.

Мы не ждали от крестьян способности к руководящей или даже самостоятельной роли в революции, и мы не падем духом от неудачи первой кампании, показавшей громадную распространенность революционно-демократических, хотя крайне смутных и хлюпких идей в крестьянстве. И мы сумеем работать опять так же выдержанно и упорно, как работали до революции, чтобы не порвалась партийная традиция, чтобы укрепилась партия и могла *руководить* во *вторую* кампанию не 2–3 миллионами пролетариев, а вдесятеро большим числом. Вы не верите в эту задачу? вам скучна она? Скатертью дорога, почтеннейшие: вы не революционеры, вы просто крикуны!

И так же по-кликушески ставит ваш официальный орган вопрос об участии в III Думе²⁰. В номере 10–11 «Знамени Труда» один кликуша издевается над *ошибками* наших с.-д. депутатов III Думы и восклицает по поводу их заявлений: «Кто знает об этих заявлениях, об этих голосованиях и воздержаниях?» (стр. 11).

Мы скажем на это: да, наши с.-д. депутаты в III Думе делали много ошибок. И именно этот пример, который угодно было взять эсерам, показывает различие в отношении к делу *рабочей партии* и *интеллигентской группы*. Рабочая партия понимает, что в период политического затишья и распада неизбежно проявление этого распада и на думской фракции,

²⁰ Подробный разбор эсеровского бойкотизма см. в № 18 «Пролетария» – статья о «Парламентском кретинизме наизнанку». Уже осенью 1907 г. эсеры, вызывая как будто к действительно революционной бойкотистской традиции, на деле опошляли эту традицию, сводили ее на нет, подменяя революционный *бойкот-нападение* жалким и бессильным «отказом участвовать»... Уже тогда они заверяли доверчивую публику, что «повернуться спиной» к реакционной Думе значит-де нанести «крупное моральное» поражение правительству и сделать «первый серьезный шаг к перемене общей политической картины». И тогда же был уже вскрыт нами истинный характер этой «революционной риторики... господ, не стесняющихся ради наивной партийной рекламы вносить путаницу в головы масс».

которая у нас в III Думе еще меньше, чем во второй, могла сосредоточить наиболее крупные партийные силы. Поэтому рабочая партия критикует и исправляет ошибки своих депутатов; каждая организация, обсудив каждую речь и придя к выводу, что такое-то и такое заявление или выступление есть ошибка, дает материал для политического выступления масс. Не беспокойтесь, гг. эсеры: в момент обострения политического кризиса наша фракция и уже во всяком случае члены нашей думской фракции *сумеют выполнить свой долг*. А наша критика их ошибок делается гласно, открыто перед массами. Из этой критики учатся депутаты, учатся классы, учится партия, которая видывала трудные времена и знает, что не кликушеством, а только упорной и стойкой работой *всех* организаций можно выйти с честью из тяжелого положения. «Пролетарий», как заграничная газета, сознавал свою обязанность осторожно давать советы издали, но и он предлагал открыто меры к улучшению работы фракции. Наша открытая партийная критика в дополнении к работе фракции достигает того, что массы знают и думские заявления и *характер* партийных поправок к ним. А не уметь ценить думского слова в такие моменты, когда партийные организации и партийная печать переживают большой распад, значит проявлять безмерное интеллигентское легкомыслие.

Гг. эсеры не понимают значения открытых социалистических выступлений при прямой критике и исправлении их в партийных органах их. Гг. эсеры предпочитают замалчивать ошибки *своих* деятелей: об этом напомнил еще раз номер 10–11 «Знамени Труда», обругав нас за «пошлые» заявления о кадетолюбии Гершуни. Мы давно уже сказали свое мнение по этому вопросу²¹ и не стали бы повторять его непременно теперь, вскоре после смерти истерзанного царскими палачами человека, который своей преданностью революционной организации заслужил себе глубокое уважение. Но если гг. эсерам угодно было поднять вопрос, — мы дадим ответ. Кроме брани, вы не можете ничем ответить нам, господа, не можете сказать прямо и открыто, кто из вас одобряет и не одобряет позиции Гершуни на февральском (1907 г.) съезде партии с.-р. Вы не можете ответить по существу и вскрыть ошибки своих вождей, число их сторонников и т. д., потому что вы не имеете *партии*, не цените воспитания масс на открытой критике лиц, заявлений, направлении и оттенков.

Рабочий класс сумеет воспитать и закалить свои организации, открыто критикуя своих представителей. Не сразу, не без трений, не без борьбы и не без труда, но *мы решим* поставленную перед нами трудным поворотом событий трудную задачу: соединить открытые думские выступления с партийной нелегальной деятельностью. В решении этой задачи скажется зрелость партии, пережившей первую кампанию революции, — в решении этой задачи будет дана одна из гарантий того, что во вторую кампанию пролетариат сумеет под руководством социал-демократии более умело и более сплоченно бороться и более решительно побеждать.

«Пролетарий» № 32, (15) 2 июля 1908 г.

Печатается по тексту газеты «Пролетарий»

²¹ См. Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 159–166. Ред.

Аграрная программа социал-демократии в русской революции^[78]. Автореферат

Исполняя просьбу польских товарищей, я попытаюсь изложить здесь вкратце содержание моей книги, носящей вышеприведенное название, которая была написана в ноябре 1907 г. и не вышла до сих пор по *независящим* от меня обстоятельствам²².

В первой главе этой книги я рассматриваю «экономические основы и сущность аграрного переворота в России». Сопоставляя новейшие (относящиеся к 1905 г.) данные о землевладении в России и определяя, в круглых цифрах, земельный фонд во всех 50 губерниях Европейской России в 280 млн. десятин, я получаю в результате нижеследующую картину распределения всей земельной собственности, надельной и частновладельческой:

	Число владений	Число десятин земли	Средн. на 1 влад. дес.
(в м и л л и о н а х)			
а) разоренное крестьянство, задавленное крепостнической эксплуатацией.....	10,5	75,0	7,0
б) среднее крестьянство.....	1,0	15,0	15,0
в) крестьянская буржуазия и капиталистич. землевладение	1,5	70,0	48,7
г) крепостнические латифундии	0,03	70,0	2 333,0
<i>Всего</i>	13,03	230,0	17,6
Не распределено по владениям.....	—	50,0	—
<i>Итого</i>	13,03	280,0	21,4

Всякий, сколько-нибудь знакомый с общественной статистикой, поймет, что эта картина может быть лишь приблизительно верной. Для нас, однако, важны не те подробности, в которых обыкновенно тонут сами и топят сущность дела экономисты либерально-народнического направления, а классовое содержание процесса. Моя картина выясняет это содержание, показывает, из-за чего происходит борьба в русской революции. 30 000 помещиков — главным образом, дворянство, а также удельное ведомство владеют 70 млн. десятин земли. Этот основной факт следует сопоставить с другим фактом: во владении 10¹/₂ млн. крестьянских дворов и наиболее мелких собственников находится 75 млн. десятин земли.

Эти последние могли бы *вдвое увеличить* свои владения за счет первых: такова объективно неизбежная *тенденция* борьбы, независимо от различных взглядов на нее разных классов.

Экономическая сущность аграрного кризиса с полной очевидностью выясняется из вышеприведенной картины. Миллионы мелких, разоренных, обедневших крестьян, угнетаемых нуждою, невежеством и остатками крепостничества, *не могут* жить иначе, как в полукрепостной зависимости от помещика, обрабатывая его землю своим сельскохозяйственным инвентарем за выпасы, выгоны, водопой, вообще за «землю», за зимние ссуды и т. д. и т. д. С другой стороны, владельцы огромных латифундий *не могут* при таких условиях хозяйничать иначе, как при помощи труда соседних разоренных крестьян, так как этого рода

²² См. Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 193—413. *Ред.*

хозяйничание не требует затрат капитала и перехода к новым системам обработки земли. По необходимости получается то, что многократно описывалось в русской экономической литературе как система отработков. Это есть не что иное, как *дальнейшее развитие крепостничества*. Основой эксплуатации является не отделение рабочего от земли, а принудительное прикрепление к ней разоренного крестьянина, не капитал собственника, а его земля, не инвентарь владельца латифундий, а старинная соха крестьянина, не прогресс земледельческой культуры, а старая долголетняя рутина, не «вольный наем», а закабаление ростовщичеству.

Результаты вышеуказанного положения дел в сфере земледельческой культуры можно выразить следующими цифрами: урожай на наделной земле дает 54 пуда с десятины, на помещичьей земле при хуторском посеве и при обработке на счет помещика с помещичьим инвентарем и при пользовании наемным трудом – 66 пудов, на той же помещичьей земле при так называемой «испольной» обработке – 50 пудов и, наконец, на земле помещичьей, арендованной крестьянами, – 45 пудов. Помещичьи земли при *крепостнически-ростовщической* обработке (вышеупомянутая «испольщина» и крестьянская аренда) дают худший урожай, чем истощенные, качественно худшие наделные земли. Это закабаление, упрочиваемое крепостническими латифундиями, становится *главным* препятствием для развития производительных сил России.

Однако из вышеприведенной картины выясняется еще и нечто иное. А именно: это развитие в капиталистической стране *может* происходить двояким образом. Или латифундии сохраняются и постепенно становятся основой капиталистического хозяйства на земле, – это прусский тип аграрного капитализма; господином положения является юнкер. На протяжении целых десятилетий удерживаются его политическое преобладание и забитость, унижение, нищета и невежество крестьянина. Развитие производительных сил подвигается вперед очень медленно – подобно тому, как в русском земледелии от 1861 до 1905 г.

Или же революция сметает помещичьи владения. Основой капиталистического земледелия становится свободный фермер на *свободной*, т. е. очищенной от всего средневекового хлама, земле. Это – *американский* тип аграрного капитализма, *наиболее быстрое развитие производительных сил* при условиях, наиболее благоприятных для массы народа из всех возможных при капитализме.

В *действительности* в русской революции борьба идет не из-за «социализации» и иных глупостей народников – это не что иное, как мещанская идеология, мелкобуржуазные фразы и ничего более, – а о том, каким путем пойдет капиталистическое развитие России: «прусским» или «американским». Не выяснив этой *экономической* основы революции, нельзя решительно *ничего* понять в вопросе об аграрной программе (как не понял Маслов, рассматривающий абстрактно-желательное, а не выясняющий экономически-неизбежное). Недостаток места не позволяет мне изложить остальное содержание первой главы; резюмирую его только в двух словах: все кадеты изо всех сил стараются затушевать сущность аграрного переворота, а гг. Прокоповичи *помогают* им в этом. Кадеты путают («примиряют») две основные *линии* аграрных программ в революции: помещичью и крестьянскую. Затем, также в двух словах: в России уже в 1861–1905 гг. обнаружилось оба типа капиталистической аграрной эволюции – и прусский (*постепенное* развитие помещичьего хозяйства в направлении капитализма) и американский (расслоение крестьянства и быстрота развития производительных сил на наиболее свободном и богатом землею юге). Наконец, и вопрос о колонизации, рассмотренный мною в этой главе, который не удастся здесь изложить. Упомяну только, что *главным* препятствием для использования в России сотен миллионов десятин являются крепостнические латифундии в землевладении в центре. Победа над этими помещиками окажется таким могучим импульсом, который вызовет такое развитие техники и культуры, что поверхность земель, пригодных для обработки, будет возрастать в десять раз

быстрее, чем она возрастала после 1861 г. Вот несколько цифр: из всего количества десятин во всем русском государстве – 1965 миллионов десятин – о 819 млн. десятин не имеется *никаких* данных. Итак, для рассмотрения остается только 1146 миллионов десятин, из которых используются 469 миллионов десятин, в том числе 300 млн. десятин леса. Огромное количество теперь ни к чему не пригодных земель станет пригодным в ближайшем будущем, *если Россия избавится от помещичьих латифундий*²³.

Вторая глава моей книги посвящена проверке аграрных программ РСДРП революцией. Основной ошибкой всех прежних программ является недостаточно конкретное представление о том, каков может быть *тип* капиталистической аграрной эволюции в России. И эту ошибку повторили меньшевики, которые победили на съезде в Стокгольме и дали партии программу *муниципализации*. Именно *экономическая сторона* вопроса, т. е. самая важная сторона, *совершенно не рассматривалась* в Стокгольме, преобладали «политические» соображения, политиканство, а не марксистский анализ. Только *отчасти* объяснением этого может быть самый момент съезда в Стокгольме, когда все внимание было поглощено оценкой декабря 1905 года и первой Думы 1906 г. Поэтому-то Плеханов, который в *Стокгольме* провел муниципализацию Маслова, совершенно не вдумался в *экономическое содержание* «крестьянской аграрной революции» (Протоколы Стокгольмского съезда, стр. 42, слова Плеханова) в капиталистической стране. Или это – фраза и недостойное марксиста «уловление» крестьян при помощи демагогии и обмана («Bauernfang»), или же – существует *экономическая* возможность наиболее быстрого развития капитализма благодаря *победе крестьянства*, а в таком случае непременно нужно ясно представлять себе такую победу, такой путь аграрного капитализма, такую систему отношений в землевладении, которые соответствуют этой победе «крестьянской аграрной революции».

Главный довод наиболее влиятельных «муниципализаторов» в Стокгольме основывался на том, что крестьяне *враждебно* относятся к национализации надельных земель. Джон, докладчик сторонников муниципализации, воскликнул: «Мы имели бы не одну Ван-дею^[79], а всеобщее восстание крестьянства» (какой ужас!) «против попытки вмешательства государства в распоряжение *собственными* крестьянскими надельными землями, против попытки их «национализировать»» (стр. 40 Протоколов Стокгольмского съезда). Костров воскликнул: «Идти к крестьянам с нею (национализацией), значит оттолкнуть их от себя. Крестьянское движение пойдет помимо или против нас, и мы очутимся за бортом революции. Национализация обессиливает социал-демократию, отрезывает ее от крестьянства и обессиливает, таким образом, и революцию» (стр. 88).

Кажется, что это ясно. Крестьяне относятся враждебно к национализации, – вот главный аргумент меньшевиков. И *если это правда*, то разве не очевидно, что смешно совершать... «крестьянскую аграрную революцию» *вопреки* крестьянам?

Но правда ли это? В 1905 году П. Маслов писал: «Национализацию земли, как средство для решения аграрного вопроса, в настоящее время в России нельзя признать прежде всего (заметьте это «прежде всего») потому, что она безнадежно утопична»... «Но разве крестьяне согласятся»? (П. Маслов, «Критика аграрных программ», 1905 г., стр. 20).

А в 1907 г., в марте: «Все народнические группы (трудовики, народные социалисты, социалисты-революционеры) высказываются за национализацию земли в той или другой форме» (журнал «Образование»^[80], 1907 г., № 3, стр. 100). И кто же писал это? *Тот же самый П. Маслов!*

²³ Либерально-народнические экономисты рассуждают так: *ввиду* недостатка земли в центре, *ввиду* непригодности Сибири, Средней Азии и т. д. для колонизации *нужно* дополнительное наделение земель. Это означает, что можно было бы повременить с помещичьими латифундиями, если бы не недостаток земли. Марксисты должны рассуждать совершенно иначе: *до тех пор, пока* не будут уничтожены помещичьи латифундии, невозможно быстрое развитие производительных сил ни в центре, ни в колониях (на окраинах России).

Вот вам и новая Вандея! вот вам и восстание крестьян против национализации! И вместо того, чтобы честно признать свою ошибку, вместо того, чтобы *экономически* исследовать, почему крестьяне должны были высказаться за национализацию, Маслов поступил как Иван Непомнящий. Он *предпочел забыть* свои собственные слова и все речи на Стокгольмском съезде.

Мало того. Чтобы замести следы «неприятного случая», Маслов придумал сплетню о трудовиках, будто бы они высказались за национализацию в силу мещанских соображений, «*полагая надежды на центральную власть*» (ibid.²⁴). Что это сплетня, доказывает следующее сопоставление. В земельном проекте трудовиков, внесенном и в *первую* и во *вторую* Думу, говорится в § 16-м: «Заведование общенародным земельным фондом должно быть возложено на местные самоуправления, избранные всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, которые в пределах, установленных законом, действуют самостоятельно».

Аграрная программа РСДРП, проведенная меньшевиками, гласит: РСДРП требует «... 4) конфискации частновладельческих земель, кроме мелкого землевладения, и передачи их в распоряжение выбранных на демократических началах крупных органов местного самоуправления» («объединяющих – пункт 3 – городские и сельские округа»).

Существенное различие между этими программами состоит не в различии слов «заведование» и «распоряжение»²⁵, но в вопросе о выкупе (который на Стокгольмском съезде был отклонен голосами *большевиков* против Дана и К и который меньшевики снова старались провести после съезда) и в вопросе о *крестьянских* землях. Меньшевики выделяют их, трудовики не выделяют. *Трудовики доказали муниципалистам, что я был прав.*

Не может подлежать сомнению, что программа трудовиков, внесенная в I и II Думу, есть программа крестьянских масс. Как литература крестьянских депутатов, так и подписи их под проектами и распределение их по губерниям – все доказывает это совершенно убедительным образом. В 1905 г. Маслов писал, что «особенно» (стр. 20 цитированной брошюры) крестьяне подворники не могут согласиться на национализацию. Оказалось, что это «*особенный*» вздор. Так, напр., в Подольской губ. крестьяне земледельцы-подворники, а под земельным проектом «104-х» (проект трудовиков, цитированный выше) подписалось 13 подолян в первой Думе и 10 во второй!

Почему же крестьяне высказались за национализацию? Потому, что они инстинктивно поняли необходимость *уничтожения* всей средневековой поземельной собственности гораздо лучше, чем недальновидные якобы марксисты. Средневековая поземельная собственность *должна* быть уничтожена для того, чтобы очистить дорогу для капитализма в земледелии, и в разных странах и в различной степени капитал *уничтожил* старое средневековое землевладение, подчинив его требованиям рынка и преобразовав соответственно условиям торгового земледелия. Еще в третьем томе «Капитала» Маркс указывал, что капиталистический способ производства *застает* поземельную собственность в исторических формах, несоответствующих капитализму (землевладение клановое (родовое), общинное, феодальное, патриархальное и т. п.), и пересоздает соответственно новым экономическим требованиям^[81].

В «Теориях прибавочной стоимости»²⁶ в параграфе «Исторические условия теории ренты Рикардо» Маркс с гениальной ясностью развил эту мысль. Там он говорит: «Нигде на свете капиталистическое производство, начиная с эпохи Генриха VII, не расправлялось так беспощадно с традиционными земледельческими порядками, нигде оно не создавало

²⁴ Ibidem – там же. *Ред.*

²⁵ Поправка, предлагавшая заменить слова «в распоряжение» словами «в собственность», была отклонена в Стокгольме меньшевиками (см. стр. 152 Протоколов).

²⁶ «Theorien über den Mehrwert». II. Band, 2. Teil, Stuttgart, 1905 («Теории прибавочной стоимости». II том, 2 часть, Штутгарт, 1905. *Ред.*).

для себя таких совершенных (адекватных = идеально соответствующих) условий и не подчиняло их себе до такой степени. Англия в этом отношении самая революционная страна в мире». «А что означает *clearing of estates* (буквально = чистка поместий или чистка земель)? Оно означает, что не считались совершенно ни с оседлым населением – его выгоняли, – ни с существующими деревнями – их сравнивали с землей, – ни с хозяйственными постройками – их отдавали на слом, – ни с данными видами сельского хозяйства – их меняли одним ударом, превращая, например, пахотные поля в выгон для скота, – одним словом, не принимали всех условий производства в том виде, как они существовали по традиции, а исторически *создавали* эти условия в такой форме, чтобы они отвечали в каждом данном случае требованиям самого выгодного применения капитала. Постольку, следовательно, действительно *не существует собственности на землю*, ибо эта собственность предоставляет капиталу – фермеру – хозяйничать свободно, интересуясь исключительно получением денежного дохода» (стр. 6–7)^[82].

Таковы условия наиболее быстрого уничтожения средневековых форм и наиболее свободного развития капитализма – *уничтожение* всего старого землевладения, уничтожение частной собственности на землю, как препятствия для капитала. И в России *неизбежна* такая революционная «чистка» средневекового землевладения, и никакие силы на свете не могут задержать этого. Вопрос заключается *только* в том, *борьба* идет *единственно из-за того*, будет ли эта «чистка» *помещичьей* или *крестьянской*. «Чистка» средневекового землевладения помещиками – это ограбление крестьян в 1861 году, это столыпинская аграрная реформа в 1906 году (законодательство по 87 статье). *Крестьянская «чистка» земель для капитализма* это – *национализация земли*.

Этой именно *экономической* сущности национализации в *буржуазной* революции, совершаемой рабочими и крестьянами, совершенно не поняли Маслов, Плеханов и К. Они составляли аграрную программу не для борьбы со средневековым землевладением, как с одним из важнейших остатков крепостнических отношений, не для полного очищения пути для капитализма, а для *жалкой* *мещанской* *попытки* «гармоничного» соединения старого с новым, собственности на землю, возникшей благодаря наделению, и конфискованных революцией крепостнических латифундий.

Чтобы, наконец, показать всю мещанскую реакционность *идеи* муниципализации, привожу данные относительно аренды (на значение вопроса об аренде, в споре с Масловым, я указывал уже в 1906 г. в своей брошюре «Пересмотр аграрной программы рабочей партии»²⁷). В Камышинском уезде Саратовской губернии²⁸:

²⁷ См. Сочинения, 5 изд., том 12, стр. 239–270. *Ред.*

²⁸ «Развитие капитализма в России», изд. 2, стр. 51, 54 и 82. (См. Сочинения, 5 изд., том 3, стр. 84, 87 и 122–123. *Ред.*)

Группы домохозяев	На одно владение, возникшее при наделении, десятин земли			
	Надельн. пашни	Арендванной земли	Земли, сданной в аренду	Всего земель засеяно
Без рабоч. скота.....	5,4	0,3	3,0	1,1
С 1 гол. »	6,5	1,6	1,3	5,0
» 2 »	8,5	3,5	0,9	8,8
» 3 »	10,1	5,6	0,8	12,1
» 4 »	12,5	7,4	0,7	15,8
» 5 и более голов скота	16,1	16,6	0,9	27,6
<i>В среднем</i>	9,3	5,4	1,5	10,8

Взгляните на *действительное* экономическое соотношение между *надельной* землей, которую премудрые Маслов и Плеханов оставляют в собственность крестьянам, и землей не *надельной* (арендной), которую «муниципализуют». Безлошадные крестьяне, а таких хозяйств в России в 1896–1900 гг. было в общей сложности $3\frac{1}{4}$ млн. из 11,1 млн., – *сдают в аренду в десять раз больше* земли, чем сами арендуют. Их засеянная земля в пять раз меньше их «наделов». У крестьян с одной лошастью ($3\frac{1}{3}$ млн. хозяйств во всей России) количество арендуемой земли *едва превышает количество* земли, сдаваемой в аренду, а площадь засеянной земли оказывается *меньше* «надела». Во всех высших группах, т. е. у меньшинства крестьян, арендуемая ими земля в несколько раз превышает количество земли, сдаваемой в аренду, и площадь засеянной земли тем более превышает размеры «надела», чем зажиточнее крестьянин.

Подобные отношения господствуют во *всей* России. Капитализм разрушает земледельческую общину, *освобождает* крестьян от власти «надела», уменьшает роль наделных земель на обоих полюсах деревни, а глубокие мыслители меньшевики восклицают: «крестьяне восстанут против национализации наделных земель».

Средневековой в России является не только помещичья, но и крестьянская надельная собственность, это «упустили из виду» меньшевики. Укрепление надельной собственности, *совершенно не соответствующей* новым, капиталистическим отношениям, есть реакционная мера, а муниципализация *укрепляет* надельную собственность в отличие от ненадельной, «подлежащей муниципализации». Владение надельной землею разделяет крестьян тысячью средневековых перегородок и средневековою фискальною «общиною», задерживает развитие производительных сил. «Община» и это владение наделами *неизбежно* будут уничтожены капитализмом. Столыпин чувствует это и разрушает по-черносотенному. Крестьяне чувствуют это и хотят разрушить по-крестьянски, или революционно-демократически. А меньшевики восклицают: «Нельзя трогать наделных земель».

Национализация уничтожает являющуюся пережитком «общину» и средневековую надельную собственность так, как только вообще можно мысленно представить себе уничтожение этих учреждений в капиталистическом обществе при наибольшем соблюдении интересов крестьян. «Пресловутый вопрос об «общине», – читаем мы в брошюре «Материалы к крестьянскому вопросу (Отчет о заседаниях делегатского съезда Всероссийского крестьянского союза 6–10 ноября 1905 г.)». Петербург, 1905 г., – совсем не поднимался и молча решен отрицательно: земля должна быть в пользовании лиц и товариществ, – гласят резолюции и первого и второго съезда» (стр. 12). На вопрос, не пострадают ли от национализации наделных земель сами крестьяне, делегаты отвечали: «Все равно получают при

разверстке» (стр. 20). Крестьянин-собственник (и его идеолог, г. Пешехонов) великолепно понимает, что «все равно получают землю при разверстке», что скоро будут уничтожены крепостнические латифундии. А «разверстка» в широких размерах, означающая национализацию всех земель, нужна ему для того, чтобы освободиться от пут средневековья, чтобы «очистить» земли, чтобы привести пользование ими в соответствие с новыми экономическими условиями. Это отлично выразил во второй Думе г. Мушенко, говоривший от имени социалистов-революционеров, когда он, со свойственной ему наивностью, сказал: «Правильное расселение (земледельцев) возможно будет лишь тогда, когда земля будет разгорожена, когда будут сняты все перегородки, наложенные на нее принципом частной собственности на землю» (Протоколы II Думы, стр. 1172). Сопоставьте это заявление с вышеприведенными словами Маркса, и вы поймете, что под мелочной фразеологией о «социализации» и «уравнивании» скрывается весьма реальное содержание: буржуазно-революционная чистка старой средневековой поземельной собственности.

Муниципализация земель является в буржуазной революции *реакционной* мерой, так как эта мера препятствует экономически необходимому и неизбежному процессу уничтожения средневековой поземельной собственности, процессу установления *однообразия* экономических условий на земле для всех *хозяев*, каковы бы ни были их положения, прошлое, надел 1861 г. и т. д. Раздел земель в собственность теперь был бы *реакционным*, так как он сохранил бы нынешнюю, устаревшую и являющуюся пережитком собственность на наделенную землю; но впоследствии, после полной чистки земли путем национализации, раздел был бы возможен как лозунг *нового, свободного фермерства*²⁹. Дело марксистов помогать радикальной буржуазии (т. е. крестьянству) произвести как можно более полное устранение старого хлама и обеспечить быстрое развитие капитализма, а вовсе не помогать помещикам в их стремлении спокойно расположиться, приспособиться к прошлому.

Третья глава посвящена «теоретическим основам национализации и муниципализации».

Я, понятно, не стану повторять польским товарищам вещей, общеизвестных каждому марксисту, что национализация земель в капиталистическом обществе означает уничтожение абсолютной, а не дифференциальной ренты и т. д. Имея в виду русских читателей, я *должен был* подробно говорить об этом, так как Петр Маслов утверждал, что теория Карла Маркса об абсолютной ренте есть «противоречие», которое «можно объяснить лишь (!!) тем, что третий том – посмертное издание, куда вошли и черновые наброски автора» («Аграрный вопрос»)³⁰.

²⁹ М. Шанин в своей брошюре «Муниципализация или раздел в собственность», Вильна, 1907, подчеркнул ту сторону вопроса, которая относится к агрикультуре, но не понял двух путей развития и значения уничтожения нынешнего землевладения.

³⁰ «Аграрный вопрос», 3-е издание, стр. 108, примечание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Статья «На прямую дорогу» напечатана передовой в № 26 газеты «Пролетарий».

2.

Государственный переворот 3 (16) июня 1907 года – контрреволюционный переворот, выразившийся в разгоне правительством II Государственной думы, аресте с.-д. фракции и изменении избирательного закона о выборах в Думу. 1 июня 1907 года Столыпин, ссылаясь на сфабрикованное охранкой обвинение с.-д. фракции в связях с военной организацией и в подготовке вооруженного восстания, потребовал устранения ее от участия в собраниях Думы и привлечения к предварительному следствию; 16 членов социал-демократической фракции подлежало немедленному аресту. Думой была создана комиссия для проверки обвинения. Не дожидаясь результатов работы думской комиссии, правительство в ночь на 3 (16) июня арестовало социал-демократическую фракцию. 3 июня был издан царский манифест о роспуске II Думы и об изменениях в избирательном законе, который намного увеличивал представительство в Думе помещиков и торгово-промышленной буржуазии и в несколько раз сокращал и без того небольшое число представителей крестьян и рабочих. Это было грубое нарушение манифеста 17 октября 1905 года и Основного закона 1906 года, по которым законы не могли издаваться правительством без одобрения Государственной думы. По новому положению один выборщик избирался в землевладельческой курии от 230 человек, в городской курии первого разряда – от 1 тыс., в городской курии второго разряда – от 15 тыс., в крестьянской курии – от 60 тыс., в рабочей курии – от 125 тыс. человек. Помещики и буржуазия имели возможность избирать 65 % всех выборщиков, крестьяне – 22 % (прежде 42 %), рабочие – 2 % (прежде 4 %). Закон лишал избирательных прав коренное население Азиатской России, тюркские народы Астраханской и Ставропольской губерний, вдвое сокращал представительство населения Польши и Кавказа. По всей России лишались избирательных прав лица, не владеющие русским языком. Избранная на основании этого закона и собравшаяся 1 (14) ноября 1907 года III Дума по своему составу была черносотенно-октябристской. Третьеиюньский государственный переворот положил начало периоду столыпинской реакции.

3.

Центральный Орган РСДРП – нелегальная газета «Социал-Демократ»; издавалась с февраля 1908 по январь 1917 года. Первый номер, подготовленный большевиками и частично уже отпечатанный в Вильно, в частной типографии, был конфискован царской охранкой. Вскоре в Петербурге была сделана вторая попытка выпустить газету. Большая часть напечатанного тиража также попала в руки жандармов. В дальнейшем издание газеты было перенесено за границу: №№ 2–32 (февраль 1909 – декабрь 1913) вышли в Париже, №№ 33–58 (ноябрь 1914 – январь 1917) – в Женеве. Всего вышло 58 номеров, из них 5 – имели приложения.

4.

«Рабочее Знамя» – нелегальная большевистская газета; издавалась в Москве с марта по декабрь 1908 года. Всего вышло 7 номеров: 1-й номер вышел как орган Областного бюро Центрального промышленного района РСДРП, №№ 2–6 – как орган Московского и Московского окружного комитетов РСДРП и № 7 – как орган Областного бюро Центрального промышленного района, Московского и Московского окружного комитетов РСДРП. В работе редакции в разное время принимали участие И. И. Скворцов-Степанов (редактировал № 2–5), Ц. С. Зеликсон-Бобровская, В. М. Шулятиков и другие.

5.

Исключительный закон против социалистов был введен в Германии в 1878 году правительством Бисмарка в целях борьбы с рабочим и социалистическим движением. Этим законом были запрещены все организации социал-демократической партии, массовые рабочие организации, рабочая печать; конфисковывалась социалистическая литература; социал-демократы подвергались преследованиям, высылке. Однако репрессии не сломили социал-демократическую партию, деятельность которой была перестроена применительно к условиям нелегального существования: за границей издавался центральный орган партии газета «Социал-Демократ» и регулярно (в 1880, 1883 и 1887 годах) собирались партийные съезды; в Германии, в подполье, быстро возрождались социал-демократические организации и группы, во главе которых стоял нелегальный ЦК. Одновременно партия широко использовала легальные возможности для укрепления связи с массами, – ее влияние непрерывно росло: число голосов, поданных за социал-демократов на выборах в рейхстаг, увеличилось с 1878 по 1890 год более чем в три раза.

6.

В. И. Ленин цитирует передовую статью из газеты «Речь» № 65 от 16 (29) марта 1908 года.

7.

«Русское Государство» – правительственная газета, основанная С. Ю. Витте, выходила в Петербурге с 1 (14) февраля по 15 (28) мая 1906 года.

8.

Стокгольмский съезд – четвертый (Объединительный) съезд РСДРП состоялся 10–25 апреля (23 апреля – 8 мая) 1906 года. Перед съездом, во второй половине февраля, В. И. Ленин разработал тактическую платформу большевиков – проект резолюций съезда по всем основным вопросам революции. Резолюции большевиков призывали трудящиеся массы к подготовке нового революционного натиска на самодержавие. Меньшевики выдвинули к съезду свою тактическую платформу, в которой по существу отказывались от революционной борьбы. По этим платформам проходили выборы на съезд. Кампания по обсуждению обеих платформ и выборам делегатов на съезд продолжалась около двух месяцев. В результате большинство партийных организаций высказалось за большевистскую платформу.

9.

Государственная дума (так называемая виттевская Дума) была созвана 27 апреля (10 мая) 1906 года по положению, разработанному председателем Совета министров С. Ю. Витте.

10.

Кадеты – члены конституционно-демократической партии, ведущей партии либерально-монархической буржуазии в России. Партия кадетов была создана в октябре 1905 года; в состав ее входили представители буржуазии, земские деятели из помещиков и буржуазные интеллигенты. Видными деятелями кадетов были П. Н. Милюков, С. А. Муромцев, В. А. Маклаков, А. И. Шингарев, П. Б. Струве, Ф. И. Родичев и др. Для обмана трудящихся масс кадеты присвоили себе фальшивое название «партия народной свободы», на самом деле они не шли дальше требования конституционной монархии. Своей главной целью кадеты считали борьбу с революционным движением и стремились поделить власть с царем и помещиками-крепостниками. В годы первой мировой войны кадеты активно поддерживали захватническую внешнюю политику царского правительства. В период Февральской

буржуазно-демократической революции 1917 года они старались спасти монархию. Занимая руководящее положение в буржуазном Временном правительстве, кадеты проводили антинародную, контрреволюционную политику, угодную американо-англо-французским империалистам. После победы Октябрьской социалистической революции кадеты выступали непримиримыми врагами Советской власти, принимали активное участие во всех вооруженных контрреволюционных выступлениях и походах интервентов. Находясь после разгрома интервентов и белогвардейцев в эмиграции, кадеты не прекращали своей антисоветской контрреволюционной деятельности.

11.

«Трудовицкая политика» – политика Трудовой группы – группы мелкобуржуазных демократов в Государственных думах России, состоявшей из крестьян и интеллигентов народнического толка. Фракция трудовиков образовалась в апреле 1906 года из крестьянских депутатов I Государственной думы.

12.

II Государственная дума собралась 20 февраля (5 марта) 1907 года. Выборы в Думу были не прямые, неравные и проходили в обстановке военно-полевых судов и репрессий. Несмотря на это, вторая Дума оказалась по составу левее первой. Причиной этого явилось более ясное и резкое, чем в период первой Думы, размежевание партий, рост классового сознания масс, а также участие большевиков в выборах.

13.

Речь идет о статьях П. Б. Струве «Консерватизм интеллигентской мысли. Из размышлений о русской революции» и «Тактика или идеи?» с тем же подзаголовком, напечатанных в журнале «Русская Мысль» №№ 7 и 8 за 1907 год.

14.

Гурковская точка зрения – называется по имени товарища министра внутренних дел В. И. Гурко. Выступая с докладом в I Государственной думе, Гурко защищал полную неприкосновенность частной собственности на землю. В своей брошюре «Отрывочные мысли по аграрному вопросу» (СПБ., 1906) он доказывал, что передача всей земли или хотя бы значительной ее части из рук крупных землевладельцев крестьянам не только не повысит благосостояния крестьян, но еще больше ввергнет их в нищету. Он также утверждал, что передача помещичьей земли в пользование крестьян практически неосуществима и экономически пагубна для страны. Вместе с тем Гурко предлагал выделить каждому члену общины в частную собственность состоящий в его пользовании участок надельной земли.

15.

Ленин говорит о книге П. Милюкова «Год борьбы. Публицистическая хроника 1905–1906 гг.», СПб., 1907. Упомянутая В. И. Лениным передовая статья газеты «Речь» № 82 от 25 мая 1906 года была перепечатана в книге под заголовком «Задачи местных аграрных комитетов в понимании с.-д. и к.-д.».

16.

В. И. Ленин имеет в виду второй том кадетского сборника «Аграрный вопрос» (Москва, 1907). В этом сборнике были помещены статьи А. И. Чупрова «К вопросу об аграрной реформе» и Н. Н. Кутлера под названием «Проект закона о мерах к расширению и улучшению крестьянского землевладения».

17.

Прудонизм – антинаучное, враждебное марксизму течение мелкобуржуазного социализма, названное по имени его идеолога французского анархиста Прудона. Критикуя крупную капиталистическую собственность с мелкобуржуазных позиций, Прудон мечтал увековечить мелкую частную собственность, предлагал организовать «народный» и «обменный» банки, при помощи которых рабочие якобы смогут обзавестись собственными средствами производства, стать ремесленниками и обеспечить «справедливый» сбыт своих продуктов. Прудон не понимал исторической роли пролетариата, отрицательно относился к классовой борьбе, пролетарской революции и диктатуре пролетариата; с анархистских позиций отрицал необходимость государства. Маркс и Энгельс вели последовательную борьбу с попытками прудонистов навязать свои взгляды I Интернационалу. Прудонизм был подвергнут уничтожающей критике в работе Маркса «Нищета философии». Решительная борьба Маркса, Энгельса и их сторонников с прудонизмом в I Интернационале окончилась полной победой марксизма над прудонизмом.

18.

Бакунизм – течение, названное по имени М. А. Бакунина, идеолога анархизма и ярого врага марксизма и научного социализма. Бакунисты вели упорную борьбу против марксистской теории и тактики рабочего движения. Основным положением бакунизма является отрицание всякого государства, в том числе и диктатуры пролетариата, непонимание всемирно-исторической роли пролетариата. Бакунин выдвинул идею «уравнения» классов, объединения «свободных ассоциаций» снизу. Тайное революционное общество, составленное из «выдающихся» личностей, должно было, по мнению бакунистов, руководить народными бунтами, которые совершаются немедленно. Так, бакунисты полагали, что в России крестьянство готово немедленно подняться на восстание. Их тактика заговорщичества, немедленных бунтов и терроризма была авантюристична и враждебна марксистскому учению о восстании. Бакунизм близок прудонизму – мелкобуржуазному течению, отражавшему идеологию мелкого разорившегося собственника. Одним из представителей бакунистов в России был С. Г. Нечаев, который поддерживал тесную связь с Бакуниным, жившим за границей. Программа заговорщического общества была ими изложена в «Революционном катехизисе». В 1869 году Нечаев пытался создать в России узкую заговорщическую организацию «Народная расправа». Однако ему удалось организовать лишь ряд кружков в Москве. «Народная расправа» была вскоре обнаружена и в декабре 1869 года разгромлена царским правительством.

19.

Речь идет о бернштейнианстве – оппортунистическом, враждебном марксизму течении в международной социал-демократии, возникшем в конце XIX века в Германии и названном по имени Э. Бернштейна, наиболее открытого выразителя ревизионизма.

20.

Неокантианцы – представители реакционного направления в буржуазной философии, возникшего в середине XIX века в Германии. Неокантианцы воспроизводили наиболее реакционные, идеалистические положения философии Канта и отвергали имеющиеся в ней элементы материализма. Под лозунгом «Назад к Канту» неокантианцы проповедовали возрождение кантовского идеализма, вели борьбу против диалектического и исторического материализма. Ф. Энгельс в книге «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой

философии» охарактеризовал неокантианцев как «теоретических реакционеров», жалких эклектиков и крохоборов.

21.

См. К. Маркс. «Капитал», т. I (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 23, стр. 21).

22.

Мильеранизм – оппортунистическое течение в социал-демократии, названное по имени французского социалиста-реформиста А.-Э. Мильерана, который в 1899 году вошел в состав реакционного буржуазного правительства Франция и поддерживал его антинародную политику. Вступление Мильерана в буржуазное правительство явилось ярким выражением политики классового сотрудничества оппортунистических лидеров социал-демократии с буржуазией, отказом их от революционной борьбы, предательством интересов трудящихся классов. Характеризуя мильеранизм как ревизионизм и ренегатство, Ленин указывал, что социал-реформисты, входя в буржуазное правительство, непременно оказывались подставными фигурами, ширмой для капиталистов, орудием обмана масс этим правительством.

23.

Гедисты – революционное марксистское течение во французском социалистическом движении конца XIX – начала XX века, возглавлявшееся Ж. Гедом и П. Лафаргом. В 1882 году, после раскола Рабочей партии Франции на Сент-Этьеннском конгрессе, гедисты образовали самостоятельную партию, сохранив старое название. Гедисты остались верны принятой в 1880 году Гаврской программе партии, теоретическая часть которой была написана К. Марксом, отстаивали самостоятельную революционную политику пролетариата. Они пользовались большим влиянием в промышленных центрах Франции, объединяли передовые элементы рабочего класса.

24.

Социал-демократическая федерация Англии основана в 1884 году. Наряду с реформистами (Гайндман и др.) и анархистами в Социал-демократическую федерацию входила группа революционных социал-демократов, сторонников марксизма (Г. Квелч, Т. Манн, Э. Эвелинг, Элеонора Маркс-Эвелинг и др.), составлявших левое крыло социалистического движения Англии, Ф. Энгельс критиковал Социал-демократическую федерацию за догматизм и сектантство, за оторванность от массового рабочего движения Англии и игнорирование его особенностей. В 1907 году Социал-демократическая федерация была названа Социал-демократической партией; последняя в 1911 году, совместно с левыми элементами Независимой рабочей партии, образовала Британскую социалистическую партию; в 1920 году эта партия вместе с Социалистической группой единства сыграла главную роль в образовании Коммунистической партии Великобритании.

25.

Интеграллисты – сторонники «интегрального» (целостного) социализма – разновидности мелкобуржуазного социализма. Лидером интеграллистов был Энрико Ферри. Являясь центристским течением в Итальянской социалистической партии, интеграллисты в 900-х годах по ряду вопросов вели борьбу против реформистов, занимавших крайне оппортунистические позиции и сотрудничавших с реакционной буржуазией.

26.

«Революционный синдикализм» – мелкобуржуазное полуанархическое течение, появившееся в рабочем движении ряда стран Западной Европы в конце XIX века.

27.

«Голос Социал-Демократа» – газета, заграничный орган меньшевиков; выходила с февраля 1908 по декабрь 1911 года сначала в Женеве, затем в Париже. Редакторами ее были П. Б. Аксельрод, Ф. И. Дан, Л. Мартов, А. Мартынов и Г. В. Плеханов. С первого номера «Голос Социал-Демократа» встал на защиту ликвидаторов, оправдывая их антипартийную деятельность. После выхода из редакции Плеханова, осудившего ликвидаторскую позицию газеты, «Голос Социал-Демократа» окончательно определился как идейный центр ликвидаторов.

28.

«Die Neue Zeit» («Новое Время») – теоретический журнал Германской социал-демократической партии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. До октября 1917 года редактировался К. Каутским, затем – Г. Куновым. В «Die Neue Zeit» были впервые опубликованы некоторые произведения К. Маркса и Ф. Энгельса: «Критика Готской программы» К. Маркса, «К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.» Ф. Энгельса и др. Энгельс постоянно помогал своими советами редакции журнала и нередко критиковал ее за допускаявшиеся в журнале отступления от марксизма. В «Die Neue Zeit» сотрудничали видные деятели германского и международного рабочего движения конца XIX – начала XX века: А. Бебель, В. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин, П. Лафарг, Г. В. Плеханов и др. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, в журнале стали систематически печататься статьи ревизионистов, в том числе серия статей Э. Бернштейна «Проблемы социализма», открывшая поход ревизионистов против марксизма. В годы первой мировой войны (1914–1918) журнал занимал центристскую позицию, поддерживая фактически социал-шовинистов.

29.

«Рижский музей» – застенки рижского сыскного отделения полиции, в котором при допросе арестованных применялись жестокие пытки. Когда действия полиции были разоблачены в печати, царское правительство, пытаясь опровергнуть факты пыток, заявило, что имевшиеся в отделении орудия пытки собраны «с музейной целью». В связи с этим рижский застенки был прозван «рижским музеем».

30.

Закон 11 (24) декабря 1905 года – избирательный закон по выборам в Государственную думу, изданный царским правительством в разгар московского вооруженного восстания в виде некоторой уступки рабочим; закон создавал лишь видимость расширения избирательных прав.

31.

В. И. Ленин имеет в виду «Введение» Ф. Энгельса к брошюре К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 91–110).

32.

«Frankfurter Zeitung» («Франкфуртская Газета») – ежедневная газета, орган крупных немецких биржевиков, издавалась во Франкфурте-на-Майне с 1856 по 1943 год. Вновь

начала выходить с 1949 года под названием «Франкфуртская Всеобщая Газета» («Frankfurter Allgemeine Zeitung»); является рупором западногерманских монополистов.

33.

Октябристы – члены партии «Союз 17 октября», образовавшейся в России после опубликования царского манифеста 17 октября 1905 года. Это была контрреволюционная партия, представлявшая и защищавшая интересы крупной буржуазии и помещиков, хозяйничавших по-капиталистически; возглавляли ее известный промышленник и московский домовладелец А. И. Гучков и крупный помещик М. В. Родзянко. Октябристы полностью поддерживали внутреннюю и внешнюю политику царского правительства.

34.

Партия «мирного обновления» – конституционно-монархическая организация крупной буржуазии и помещиков, окончательно оформившаяся в 1906 году после роспуска I Государственной думы. Партия объединяла «левых» октябристов и правых кадетов. Лидерами мирнообновленцев были П. А. Гейден, Н. Н. Львов, П. П. Рябушинский, М. А. Стахович, Е. Н. и Г. Н. Трубецкие, Д. Н. Шипов и др. По своей программе партия близко примыкала к октябристам; защищала интересы торгово-промышленной буржуазии и помещиков, ведущих хозяйство по-капиталистически. Ленин называл партию «мирного обновления» «партией мирного ограбления», ибо ее деятельность была направлена на то, «как бы понадежнее, похитрее, поискуснее, прочнее изнутри, незаметнее снаружи, защитить права благородного российского дворянства на кровь и пот миллионов «мужичья»...» (Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 42–43). В III Государственной думе партия «мирного обновления» объединилась с так называемой партией «демократических реформ» во фракцию «прогрессистов».

35.

Речь идет о переговорах кадетов с Треповым (товарищем министра внутренних дел) о возможности создания кадетского министерства. См. об этом статью В. И. Ленина «Начало разоблачений о переговорах партии к.-д. с министрами» (Сочинения, 4 изд., том 17, стр. 379–386).

36.

Третья Государственная дума (официальное название – Государственная дума третьего созыва) работала с 1 (14) ноября 1907 по 9 (22) июня 1912 года (всего было пять сессий). Избранная на основе третьеиюньского избирательного закона III Дума была черносотенно-октябристской по своей классовой природе и партийному составу, она являлась послушным орудием царского правительства в проведении его контрреволюционной политики насилия и репрессий по отношению к революционным силам России.

37.

Имеется в виду Четвертая конференция РСДРП («Третья общероссийская»), происходившая в Гельсингфорсе (Хельсинки) 5–12 (18–25) ноября 1907 года, вскоре после окончания выборов в III Государственную думу. На конференции присутствовало 27 делегатов: большевиков – 10, меньшевиков – 4, польских с.-д. – 5, бундовцев – 5, латышских с.-д. – 3.

38.

Статья «К оценке русской революции» была написана В. И. Лениным 3 или 4 (16 или 17) марта 1908 года для журнала польской социал-демократии «Przegląd Socjaldemokratyczny»

и напечатана во втором номере этого журнала в апреле 1908 года. 10 (23) мая 1908 года статья была напечатана в газете «Пролетарий» № 30.

39.

«Столичная Почта» – ежедневная газета; выходила в Петербурге с октября 1906 по февраль 1908 года. Вначале орган левых кадетов, с февраля 1907 года стала трибуной Трудовой группы. Была запрещена царским правительством.

40.

См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Третий международный обзор. С мая по октябрь» (Сочинения, 2 изд., т. 7, стр. 467–490).

41.

Социалисты-революционеры (эсеры) – мелкобуржуазная партия в России; возникла в конце 1901 – начале 1902 года в результате объединения различных народнических групп и кружков («Союз социалистов-революционеров», «Партия социалистов-революционеров» и др.). Ее официальными органами стали газета «Революционная Россия» (1900–1905) и журнал «Вестник Русской Революции» (1901–1905). Эсеры не видели классовых различий между пролетариатом и мелким собственником, затушевывали классовое расслоение и противоречия внутри крестьянства, отвергали руководящую роль пролетариата в революции. Взгляды эсеров представляли собой эклектическое смешение идей народничества и ревизионизма; эсеры пытались, по выражению Ленина, «прорехи народничества» исправлять «заплатами модной оппортунистической «критики» марксизма» (Сочинения, 5 изд., том 11, стр. 285). Тактика индивидуального террора, которую эсеры проповедовали как основной метод борьбы с самодержавием, наносила большой вред революционному движению, затрудняла дело организации масс для революционной борьбы.

42.

Энесы («народные социалисты») – члены мелкобуржуазной Трудовой народно-социалистической партии, выделившейся из правого крыла партии социалистов-революционеров (эсеров) в 1906 году. Энесы выступали за блок с кадетами. Ленин называл их «социал-кадетами», «мещанскими оппортунистами», «эсеровскими меньшевиками», колеблющимися между кадетами и эсерами, подчеркивая, что эта партия «очень мало отличается от кадетов, ибо устраняет из программы и республику и требование всей земли» (Сочинения, 5 изд., том 14, стр. 24). Во главе партии стояли А. В. Пешехонов, Н. Ф. Анненский, В. А. Мякотин и др. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года партия народных социалистов слилась с трудовиками, активно поддерживала деятельность буржуазного Временного правительства, послав в его состав своих представителей. После Октябрьской социалистической революции энесы участвовали в контрреволюционных заговорах и вооруженных выступлениях против Советской власти. Партия прекратила свое существование в период иностранной военной интервенции и гражданской войны.

43.

III съезд РСДРП состоялся в Лондоне 12–27 апреля (25 апреля – 10 мая) 1905 года. Он был подготовлен большевиками и проходил под руководством В. И. Ленина. Меньшевики отказались от участия в съезде и собрали в Женеве свою конференцию.

44.

Женевская конференция меньшевиков происходила одновременно с III съездом РСДРП в апреле 1905 года. Ввиду малочисленности участников (присутствовали делегаты только от 9 комитетов) меньшевики объявили свое собрание конференцией партийных работников.

45.

Лондонский съезд – Пятый съезд РСДРП – состоялся 30 апреля – 19 мая (13 мая – 1 июня) 1907 года. Сначала съезд предполагалось созвать в Копенгагене, а в случае запрещения в Мальме (Швеция) или Брюсселе. Правительства Дании, Швеции и Бельгии под прямым давлением царского правительства запретили созыв съезда РСДРП на территории своих государств. Съехавшиеся в Копенгагене делегаты съезда переехали в Мальме, а оттуда – в Лондон.

46.

См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 95 и 97.

47.

См. Г. В. Плеханов. «Еще о нашем положении (Письмо к товарищу Х.)». (Сочинения, т. XV, 1926, стр. 12).

48.

ППС – Польская социалистическая партия (Polska Partia Socjalistyczna) – реформистская националистическая партия, созданная в 1892 году. Выступая под лозунгом борьбы за независимую Польшу, ППС, возглавляемая Пилсудским и его сторонниками, вела сепаратистскую, националистическую пропаганду среди польских рабочих и стремилась отвлечь их от совместной с русскими рабочими борьбы против самодержавия и капитализма.

49.

Выборгский манифест или Выборгское воззвание – обращение «Народу от народных представителей», принятое на совещании 9–10 (22–23) июля 1906 года в городе Выборге, куда, после роспуска Думы, приехало около 200 бывших депутатов I Государственной думы, в большинстве своем кадеты. Текст воззвания был подготовлен созданной на этом совещании комиссией, в которую вошли кадеты, трудовики и меньшевики. Воззвание призывало население в знак протеста против роспуска Думы отказываться от уплаты налогов, не давать рекрутов, не признавать займов, заключенных без санкции Думы. Подобными мерами «пассивного сопротивления» кадеты надеялись отвести поток массового революционного движения в спокойное русло. В сентябре 1906 года на своем съезде кадеты открыто высказались против применения «пассивного сопротивления» и отреклись от призывов Выборгского воззвания.

50.

«Союз освобождения» – либерально-монархическая организация, основанная в 1904 году. «Союз освобождения» объединил либерально-буржуазную интеллигенцию, группировавшуюся с 1902 года вокруг заграничного журнала «Освобождение» и некоторых «левых» представителей земского движения.

51.

Восстание в крепости Свеаборг (близ Гельсингфорса) началось в ночь с 17 (30) на 18 (31) июля 1906 года. Восстание вспыхнуло стихийно и преждевременно, будучи в значительной

мере спровоцировано эсерами. Петербургский комитет партии, получив сведения о положении в Свеаборге и возможности вооруженного восстания, принял постановление о срочной посылке туда делегации, с тем чтобы добиться отсрочки выступления, а в случае если это не удастся, принять самое деятельное участие в руководстве восстанием. Текст постановления был написан В. И. Лениным (см. Сочинения, 5 изд., том 13, стр. 328). Убедившись в невозможности сдержать стихийное выступление, большевики возглавили восстание. Руководителями его были члены военной организации РСДРП – подпоручики А. П. Емельянов и Е. Л. Ко ханский. В восстании активное участие приняло 7 артиллерийских рот (из 10). Восставшие выдвигали лозунги свержения самодержавия, свободы народу, передачи земли крестьянам. В поддержку восставших выступил рабочий класс Финляндии: 18 (31) июля в Гельсингфорсе, а затем в других городах началась всеобщая забастовка. Восстание продолжалось три дня. Однако сказалась общая неподготовленность выступления, и 20 июля (2 августа), после обстрела крепости военными кораблями, Свеаборгское восстание было подавлено. Участники восстания были отданы под суд. По приговору суда 43 человека были казнены и сотни людей отправлены на каторгу и заключены в тюрьмы.

52.

Аграрный законопроект за подписью 104-х членов Государственной думы был внесен трудовиками 23 мая (5 июня) 1906 года на 13-м заседании Думы. Законопроект ставил целью земельного законодательства «стремиться к тому, чтобы установить такие порядки, при которых вся земля с ее недрами и водами принадлежала бы всему народу, причем нужная земля для сельского хозяйства могла бы отдаваться в пользование только тем, кто будет ее обрабатывать своим трудом» («Государственная дума в России в документах и материалах». М., 1957, стр. 172). Для этого выдвигалось требование создания «общенародного земельного фонда», в который должны войти все казенные, удельные, кабинетские, монастырские и церковные земли; в тот же фонд должны быть принудительно отчуждены помещичьи и прочие частновладельческие земли, поскольку размеры отдельных владений превышали установленную для данной местности трудовую норму. За отчуждаемые частновладельческие земли предусматривалось некоторое вознаграждение. Надельные и мелкие частновладельческие земли должны были на время сохраняться за их владельцами; в то же время законопроект предусматривал в дальнейшем постепенный переход и этих земель в общенародную собственность. Аграрную реформу должны были проводить местные комитеты, избранные путем всеобщего голосования. Эти требования выражали интересы зажиточных крестьян, боявшихся немедленной и полной отмены частной собственности на землю и допускавших выкуп отчуждаемых земель. В. И. Ленин отмечал, что «проект 104-х» «проникнут боязнью мелкого собственника произвести слишком крутой переворот, втянуть в движение слишком большие и слишком бедные массы народа» (Сочинения, 5 изд., том 14, стр. 287). Несмотря на непоследовательность и утопичность, «проект 104-х», как указывал Ленин, являлся платформой борьбы за превращение состоятельной части закабаленного крестьянства в свободное фермерство.

53.

Имеется в виду «Проект основного земельного закона», подписанный 33 депутатами (главным образом трудовиками) I Государственной думы. «Проект 33-х» был составлен при непосредственном участии эсеров и выражал их взгляды по аграрному вопросу. В качестве основного требования «проект 33-х» выдвигал немедленную и полную отмену частной собственности на землю, провозглашал равное право всех граждан на пользование землей и принцип общинного землепользования с уравнительными переделами земли по

потребительной и трудовой норме. «Проект 33-х» по сравнению с другими проектами трудовиков более решительно требовал немедленного уничтожения частной собственности на землю и предполагал конфискацию помещичьих земель без выкупа.

54.

Работа «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» написана В. И. Лениным в 1908 году для энциклопедического словаря, издаваемого товариществом братьев Гранат. По цензурным условиям работа в то время не была опубликована. Впервые она была издана отдельной брошюрой в 1918 году книгоиздательством «Жизнь и знание». При написании этой работы В. И. Ленин использовал цифровые статистические данные и таблицы по аграрному вопросу из своих произведений «Развитие капитализма в России» и «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов» (см. Сочинения, 5 изд., том 3 и том 16, стр. 193–413).

55.

В. И. Ленин имеет в виду книгу «Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России». Издание Центрального статистического комитета министерства внутренних дел. СПб., 1907.

56.

В. И. Ленин имеет в виду статью Н. А. Рубакина «Наша правящая бюрократия в цифрах», напечатанную в газете «Сын Отечества» № 54 от 20 апреля (3 мая) 1905 года.

57.

Чиншевики – крестьяне или жители городов, бессрочно наследственные арендаторы земли, обязанные за право владения и пользования участками платить верховному собственнику земли чинш – регулярный оброк натурой или деньгами; неуплата чинша вела к передаче земли другому лицу. Наибольшее распространение эта форма феодальной зависимости получила в Западной Европе; в России чиншевые отношения существовали, главным образом, в Польше, Литве, на Украине и в Белоруссии. Выкуп чиншевых повинностей и земель как остаток феодальных земельных отношений затянулся в России до начала XX века.

58.

Крестьяне в России, как класс феодального общества, делились на три большие разряда: 1) частновладельческие (помещичьи), 2) государственные (казенные) и 3) удельные (принадлежавшие царской фамилии). Каждый из этих разрядов в свою очередь распадался на несколько категорий и особых групп, отличавшихся друг от друга своим происхождением, формами землевладения и землепользования, юридическим и земельным положением и т. д. Крестьянская реформа, проведенная в 1861 году царским правительством в интересах крепостников-помещиков, сохранила пестроту и разнообразие разрядов крестьян, остававшихся вплоть до 1917 года. Официальная (правительственная) и земская статистика при сборе статистических данных выделяла эти категории и разряды крестьянства.

59.

Община (земельная) в России – форма совместного крестьянского землепользования, характеризовавшаяся принудительным севооборотом, нераздельными лесами и пастбищами. Важнейшими признаками русской земельной общины были круговая порука (принудительная коллективная ответственность крестьян за своевременное и полное внесение денежных платежей и выполнение всякого рода повинностей в пользу государства

и помещиков), систематический передел земли и отсутствие права отказа от земли, запрещение купли и продажи земли.

60.

Речь идет о «крестьянской реформе» 1861 года, при проведении которой помещики ограбили крестьян, принудив отдать значительную часть земель, находившихся в их пользовании. В результате реформы помещики отрезали себе свыше 1/5 и даже 2/5 крестьянской земли. В руках помещиков оставались лучшие части крестьянских наделов («отрезанные земли», леса, луга, водопой, выгоны и другие), без которых крестьяне не могли вести самостоятельного хозяйства. Выкуп крестьянами своих наделов в собственность был прямым ограблением их помещиками и царским правительством. Для уплаты крестьянами долга царскому правительству устанавливалась рассрочка в 49 лет с платежом 6 %. Недоимки по выкупной операции росли из года в год. Только бывшие помещичьи крестьяне выплатили царскому правительству по выкупной операции 1,9 млрд. руб., в то время как рыночная цена земли, перешедшей к крестьянам, не превышала 544 млн. руб. Фактически крестьяне были вынуждены за свои земли платить сотни миллионов рублей, что вело к разорению крестьянских хозяйств.

61.

Имеется в виду книга: «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens». Auf Kosten der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften herausgegeben von K. E. Baer und Gr. Helmersen, St.-Petersburg, 1845 («Очерки по изучению русского государства и прилегающих к нему стран Азии»). Изданы на средства императорской Академии наук под редакцией К. Е. Бера и Гр. Гельмерсена, С.-Петербург, 1845).

62.

Скопщиной называлась в южных районах царской России натуральная кабальная аренда, когда арендатор уплачивал землевладельцу «с копны» определенную долю урожая (половину, а иногда и более) и сверх того отдавал ему часть своего труда в виде разнообразных «отработок».

63.

Ревизские души – мужское население крепостной России, подлежащее обложению подушной податью (главным образом крестьяне и мещане) и с этой целью учитывавшееся особыми переписями (так называемыми «ревизиями»). Такие «ревизии» проводились в России с 1718 года; в 1857–1859 годах была проведена последняя, десятая, «ревизия». По ревизским душам в ряде районов происходили переделы земли внутри сельских общин.

64.

«Северный Вестник» – литературно-научный и политический журнал либерального направления; выходил в Петербурге с 1885 по 1898 год. В первые годы издания в журнале печатались статьи народников Н. К. Михайловского, С. Н. Южакова, В. П. Воронцова, С. Н. Кривенко и др. С 1891 года журнал фактически стал органом русских символистов и декадентов и проповедовал идеализм и мистицизм.

65.

В. И. Ленин имеет в виду «Сборник оценочных сведений по крестьянскому землевладению в Землянском, Задонском, Коротоякском и Нижнедевицком уездах». Приложение к томам

III, IV, V и VI «Сборника статистических сведений по Воронежской губернии», Воронеж, издание Воронежского губернского земства, 1889.

66.

Имеется в виду работа: Drechsler, H. «Die bäuerlichen Zustände in einigen Theilen der Provinz Hannover» («Положение крестьян в некоторых частях Ганноверской провинции»). См. «Schriften des «Vereins für Sozialpolitik»». XXIV. 1883. «Bäuerliche Zustände in Deutschland». Berichte veröffentlicht vom Verein für Sozialpolitik. Dritter Band («Записки «Общества социальной политики»»). XXIV. 1883. «Положение крестьян в Германии». Отчет, опубликованный «Обществом социальной политики». Том третий).

67.

«Вестник Европы» – ежемесячный историко-политический и литературный журнал буржуазно-либерального направления; выходил в Петербурге с 1866 по 1918 год. В журнале печатались статьи против революционных марксистов. Редактором-издателем журнала до 1908 года был М. М. Стасюлевич.

68.

Эти данные имеются в книге «Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии», т. 8, вып. 1, Самара, издание Самарского губернского земства, 1892.

69.

В. И. Ленин имеет в виду статью М. С. Уварова «О влиянии отхожего промысла на санитарное положение России», напечатанную в журнале «Вестник Общественной Гигиены, Судебной и Практической Медицины» в июле 1896 года.

70.

В. И. Ленин приводит цифровые данные из статьи Н. Ф. Руднева «Промыслы крестьян в Европейской России», напечатанной в 1894 году в №№ 6 и 11 «Сборника Саратовского земства».

71.

В. И. Ленин имеет в виду книгу Н. И. Тезякова «Сельскохозяйственные рабочие и организация за ними санитарного надзора в Херсонской губернии», Херсон, издание Херсонской губернской земской управы, 1896.

72.

В. И. Ленин приводит данные из книги Н. А. Благовещенского «Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям». Т. I. М., 1893.

73.

См. К. Маркс. «Нищета философии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 168–178) и «Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»)), ч. II, 1957, стр. 34.

74.

Речь идет о восстаниях в Свеаборге (см. настоящий том, примечание 51) и Кронштадте. Восстание матросов и солдат в Кронштадте началось 19 июля (1 августа) 1906 года, после того как там были получены известия о восстании в Свеаборге. Весной и летом 1906 года под руководством большевиков шла подготовка к вооруженному восстанию рабочих,

солдат и матросов в Кронштадте. Однако подготовка к восстанию была в значительной степени осложнена арестом 9 (22) июля большей части военной и рабочей организации РСДРП. Тем не менее, уцелевшая часть руководящего актива при поддержке Петербургского комитета и его представителя Д. 3. Мануильского продолжала готовиться к вооруженному восстанию, давая в то же время отпор эсерам, провоцировавшим преждевременное выступление. К моменту стихийно вспыхнувшего Свеаборгского восстания подготовка к вооруженному выступлению в Кронштадте не была закончена, однако из-за событий в Свеаборге восстание в Кронштадте пришлось начинать преждевременно. Большевики возглавили восстание, стремясь придать выступлению наиболее организованный характер. По установленному сигналу почти одновременно на борьбу поднялись минеры, саперы, солдаты электроминной роты и матросы 1-й и 2-й флотских дивизий; к ним присоединилась и часть вооруженных рабочих. Но правительство, получившее через провокаторов сведения о сроке восстания, заранее подготовилось к сражению. Успешному ходу восстания мешала также дезорганизаторская деятельность эсеров. К утру 20 июля (2 августа) восстание было подавлено.

75.

«Революционная Мысль» – орган группы эсеров; выходил за границей с апреля 1908 по декабрь 1909 года. Вышло шесть номеров.

76.

«Знамя Труда» – центральный орган партии эсеров; газета выходила с июля 1907 по апрель 1914 года в Париже.

77.

«Плевенские порядки» – жестокий полицейский режим, введенный в России в 1902 году министром внутренних дел В. К. Плеве в целях борьбы с революционным движением. По прямым директивам В. К. Плеве войска и полиция расстреливали стачечников и демонстрантов. Применяя систему полицейского террора, Плеве старался разложить рабочее движение путем провокаций и политического развращения неустойчивых элементов из среды наиболее отсталых рабочих. При Плеве особого развития достигла зубатовщина. Проводя политику натравливания одной нации на другую, Плеве был инициатором многих погромов на Юге России.

78.

Автореферат «Аграрная программа социал-демократии в русской революции» является кратким изложением книги «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов» (см. Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 193–413). Реферат был написан В. И. Лениным для ознакомления польских социал-демократов с разногласиями в РСДРП по аграрному вопросу и опубликован в № 6 журнала «Przegląd Socjaldemokratyczny» («Социал-Демократическое Обозрение») в августе 1908 года.

79.

Вандея – департамент в западной части Франции, где во время Французской буржуазной революции конца XVIII века вспыхнуло контрреволюционное восстание отсталого крестьянского населения, направленное против республики. Восстание возглавлялось католическим духовенством, дворянством, эмигрантами-роялистами и поддерживалось Англией.

80.

«Образование» – ежемесячный легальный литературный, научно-популярный и общественно-политический журнал; выходил в Петербурге с 1892 по 1909 год. В 1902–1908 годах в журнале «Образование» печатались статьи социал-демократов. В № 2 «Образования» за 1906 год были напечатаны главы V–IX работы В. И. Ленина «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» (см. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 156–221).

81.

См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 630–631.

82.

К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»)), ч. II, 1957, стр. 230–231.

170.

См. К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»)), ч. II, 1957, стр. 230–231.